

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Г. В. ВОРОНКОВА

ПРОБЛЕМЫ ФОНОЛОГИИ

961915

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1981

ВОЛОГОДСКАЯ

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Монография отражает достижения фонологической науки за последнее столетие. В ней рассматриваются проблемы, имеющие общefonологическое и общелингвистическое значение: соотношение материально-субстантной и лингвистической реальностей, роль функции в синхронической фонологии, значение дискретизации речевой цепи в языке, место контрастов и противопоставлений в фонологическом анализе, роль парадигматики и синтагматики в теории фонологии и др.

Книга рассчитана на лингвистов — преподавателей иностранных языков и языковедческих дисциплин, аспирантов, научных сотрудников, а также на студентов и читателей, интересующихся вопросами общего языкознания.

Рецензенты: докт. филол. наук *Л. Р. Зиндер* (Ленинградский университет), докт. филол. наук *М. И. Стеблин-Каменский* (Ленинградский университет), канд. филол. наук *Ю. К. Кузьменко* (Институт языкознания АН СССР).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фонология — сравнительно молодая область науки о языке, она существует не более 50 лет. Однако в этой области накоплен материал, не меньший по объему и не менее важный по значимости, чем тот, который имеют в своем распоряжении традиционные области языкознания. Охватить весь этот материал в рамках небольшой книги — задача невыполнимая. Поэтому в книге предпринята попытка осветить только важнейшие проблемы фонологии, такие, как лингвистическая и материальная реальность фонемы и ее аллофонов, функция фонемы, ее дифференциальные признаки, ее реализация в парадигматике и синтагматике. Между тем изложение материала только по проблемам не дало бы представления о своеобразии той или иной фонологической школы. Эти школы отличаются друг от друга не только разным подходом к основным проблемам фонологии, но и разной интерпретацией целого ряда частных явлений, а также разными методами исследования. Краткий обзор основных фонологических направлений может дать представление о каждой фонологической школе в целом.

Несмотря на то, что фонология как автономная область языкознания сформировалась только в 30-х годах этого столетия, первые стихийные фонологические описания языков возникли уже в древних культурах, а первые концепции фонемы появились в конце XIX — начале XX в. Экскурсы в историю лингвистики имеют целью отразить отдельные моменты процесса становления науки о звуковой стороне языка.

При изложении материала автор старался дать объективное представление о существующих точках зрения на различные проблемы фонологии. Вместе с тем он считал своим долгом вскрыть недостатки и слабые стороны разных концепций, тем самым критикуя их. Поэтому собственная точка зрения автора уже нашла выражение при изложении существующих теорий.

Позиция автора также иллюстрируется в заключительной главе на конкретном материале. В этой главе дан обзор фонетических классификаций норвежского языка, рассматривается методика описания фонем диалектов и литературного норвежского языка.

При написании книги автор использовал свой двадцатилетний опыт преподавания практической и теоретической фонетики норвежского языка в Ленинградском университете.

Автор выражает глубокую благодарность проф. Л. Р. Зиндеру, проф. М. И. Стеблин-Каменскому и канд. филол. наук Ю. К. Кузьменко за ценные замечания, сделанные при подготовке рукописи к печати.

ФОНЕМА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФОНЕМЫ

Представим себе, что получена магнитофонная запись текста на неизвестном звуковом языке, которую можно проанализировать при помощи самой совершенной аппаратуры и, в частности, разбить на сегменты, одинаковые на своем протяжении, и определить, какие из этих сегментов тождественны друг другу, т. е. выявить парадигматические единицы, представленные в тексте. Физики обнаружат, вероятно, некоторую периодичность в тексте, но, конечно, не найдут ни одного сегмента, совершенно одинакового на своем протяжении (ведь известно, что даже гласные неоднородны на своем протяжении), и никаких четких границ внутри текста, т. е. никакой дискретности. Поэтому, хотя они опираются на строго сформулированную и единую теорию — современное учение о звуке, они приходят к очень нечетким и неодинаковым результатам: сегменты различно разграничиваются, и их количество оказывается разным. Еще более трудным оказывается выявление парадигматических единиц. Обнаруживается, что среди выделенных сегментов совершенно одинаковых вообще нет, все они в разной мере сходны между собой, и сходства эти перекрещиваются. Поэтому, хотя физикам удастся выделить некоторые признаки, общие для ряда сегментов (например, вокальность и консонантность, глухость и звонкость и т. п.), никакой дискретной структуры в сочетаниях этих признаков не обнаруживается, и никаких дискретных парадигматических единиц не получается.

Представим себе теперь, что то же самое задание получили лингвисты. В противоположность физикам, которые опирались на единую теорию, лингвисты опираются на самые разные теории. Например, один из них — последователь Джоунза, другой — Щербы, третий — Блумфильда, четвертый — Ельмслева, пятый следует Трубецкому, шестой — Якобсону, а седьмой — Трубецкому и Якобсону по очереди, но излагает их теории в терминах

еще какой-то теории, например, в терминах символической логики. Словом, все лингвисты опираются на разные теории и, соответственно, применяют разные методы анализа языкового материала. Тем не менее, в отличие от физиков, они приходят к поразительно четким и сходным результатам. Дело в том, что они наблюдают не только и даже не столько материальную реальность текста, сколько ее функционирование в качестве языка и таким образом обнаруживают в тексте лингвистическую членимость на дискретные сегменты, функционально объединяющиеся в то, что лингвисты называют фонемами. При этом, хотя в общем к одной фонеме оказываются отнесенными сегменты, проявляющие известное материальное сходство, в ряде случаев к одной фонеме относятся сегменты, не более сходные между собой, чем некоторые из тех, которые относятся к разным фонемам, и наоборот, к разным фонемам оказываются отнесенными сегменты, не более различные, чем некоторые из тех, которые относятся к одной фонеме. Таким образом, определяющими в распределении сегментов по фонемам оказываются лингвистические свойства и различия, а не материальные.

Однако определить, что такое лингвистичность фонемы, не так просто. Не ясно, например, следует ли отождествлять лингвистичность фонемы с функциональностью, не совсем ясно и то, что такое функциональность фонемы. Трудно объяснить также, как лингвистичность (или функциональность) соотносится с материальностью фонемы. Не легко оказывается также определить, что такое материальность фонемы: материально-субстантный континуум речевого потока, из которого выделяется фонема, или дискретные звуки, в которых реализуется фонема, или те материальные черты, которые содержат дискретные звуковые единицы или дискретные лингвистические единицы, и правомерно ли вообще выделение таких единиц. Не ясно и то, как взаимодействуют между собой все эти реалии. Не совсем ясно и то, как та лингвистическая единица, которую называют фонемой, функционирует в синтагматике, парадигматике и как в конце концов происходит дискретизация потока речи на фонемы, т. е. как осуществляется тот процесс, в реальности которого не может сомневаться ни один лингвист. Все эти вопросы косвенно или прямо затрагиваются в многочисленных современных концепциях фонемы, а также частично и в самых древних языковых концепциях, когда еще не существовало термина «фонема», но когда это понятие уже зарождалось и способствовало возникновению проблем, связанных с этим понятием.

Проблема дискретизации потока речи нашла свое отражение уже при создании самых древних письменностей.¹ Разделение

¹ Эпоху от создания первых алфавитов до возникновения фонологии как особой лингвистической дисциплины называют эпохой стихийной «буквенной» фонологии (Плоткин, 1977, 138). По вопросу о соответствии фонемного инвентаря древних языков и их алфавитов существует довольно большая

звука и буквы, стихийно отражавшее фонематический принцип звуковой организации языка и имевшее место еще в древних филологических исследованиях, было, по существу, дифференциацией лингвистического и нелингвистического в фонетической реальности языка. Так, различие между звуком и буквой было отмечено в древней арабской филологии и было, безусловно, большим достижением науки того времени. Сибавейхи и другие арабские ученые дают точные и детальные описания артикуляций отдельных звуков, устанавливая места и способы их образования (Звегинцев, 1956, 17). В этой связи следует обратить внимание на то, что древнекитайская филология, имеющая большие заслуги в описании звукового аспекта языка, оперирует словами «звук», «звучание», которые вследствие использования иероглифического письма, отражающего морфосиллабическую специфику китайского языка, не соотносятся непосредственно с графическим знаком (Амирова, Ольховников, Рождественский, 1975, 128, 133).

Среди индийских грамматиков, в которых рассматривается этот же вопрос, следует прежде всего назвать Патанджали, создавшего так называемую концепцию «*varṇa sphaṭa*», имеющую сходные элементы с концепциями современных фонологов. В концепции «*varṇa sphaṭa*» различается постоянная инвариантная единица «*sphaṭa*» и действительное событие, реализующее эту единицу, которое называется «*dhavanī*», что соответствует современным понятиям фонемы и ее варианта (Fischer-Jørgensen, 1975, 4).

Использование категории лингвистической дискретности звуковых единиц языка имеет место в письменной форме санскрита, в «Сутрах Шивы» (Серебряный, 1975, 106). Как указывает Серебряный, древнеиндийские лингвисты описывали санскрит, по сути дела, фонологически, и современные исследователи, принимая этот фонологический анализ за исходный, лишь уточняют детали» (Серебряный, 1975, 106). Даже интерпретация индийским грамматистом самых спорных моментов сложной фонологической ситуации санскрита вполне убеждает современного фонолога. Так, в грамматике Панини в алфавите деванагари выделяются четыре звука, соответствующие четырем фонемам — два гласных /г/ и /л/ и два согласных /г/ и /л/. Как утверждает Серебряный, современные фонологи объединили бы /г/ и /г/ и соответственно /л/ и /л/ в две фонемы на основании чисто дистрибутивного критерия, так как оба дрожащих и оба плавных встречаются соответственно в разных положениях. Однако очень вероятно, что анализ Панини был

литература. См., например, литературу о рунических надписях и о несовершенстве рунических алфавитов, где одной и той же руной обозначались разные фонемы (Вессен, 1949, 102; Стеблин-Каменский, 1953, 19, 37, 40; Макаев, 1965, 64—67; Стеблин-Каменский, 1966а, 25—30; Rischel 1966, 1, 5, 6).

более совершенным и учитывал не только фонетические особенности фонем, но и факты морфологического порядка и, в частности, тот факт, что /г/ имеет долгий вариант в определенном склонении (Серебряный, 1975, 107). Вполне возможно, что Панини сознательно учитывал в своих лингвистических решениях также силлабическую структуру языка (/г/ и /г:/ — слоговые звуки, /г/ и /г:/ — неслоговые).

Греческие грамматисты независимо от индусов создали концепцию «*stocheion*» (аналогичную концепции *sphoṭa*), согласно которой в языке есть дискретное число единиц, соответствующее буквам алфавита и образующее конкретную звуковую систему (Fischer-Jørgensen, 1975, 4). Дискретность звуковых единиц была замечена еще Платоном, который считал, что «слог может быть определен как сочетание первоначальных элементов (звуков и букв), но что сами эти первоначальные элементы нельзя определить точно таким же образом, т. е. нельзя говорить об элементах какого-либо элемента» (Платон, 1936, 150). Схему фонематического буквенного анализа, правда, в самом элементарном виде, мы находим уже у Аристотеля, который в «Поэтике» указывает, что элемент — это неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово, и что элементы могут составить образование, которое не имеет самостоятельного значения, а именно, — слог (Звегинцев, 1956, 10).

В «Первом грамматическом трактате», написанном неизвестным автором в середине XII в. в Исландии, содержатся наблюдения относительно смыслоразличительной функции некоторых звуковых единиц, которые называются буквами (Benediktsson, 1972). Так, автор трактата предлагает ввести помимо латинских букв также буквы *ę*, *Q*, *ø* и *у*, первые две — для обозначения открытых *е* и *ø* и вторые две — для обозначения других огубленных передних гласных. Автор трактата предлагает использовать диакритические знаки для отличия носовых гласных от ртовых и долгих гласных от кратких, так как считает, что эти буквы обозначают звуки, могущие изменить значение, например, *hǫg*, *hǫg* (волосы, акула); *reĭ*, *reĭ* (ворс, оглобля). Он различает также долгие и краткие согласные, предлагая писать долгие согласные как прописные. Как показывает современный фонологический анализ консонантной и вокалической систем древнеисландского языка, в древнеисландском действительно существовало функциональное различие между долгими и краткими фонемами (Стеблин-Каменский, 1953, 18, 20).

Корейский король и филолог Се-Йонг, живший около 1450 г., различал то, что мы сейчас называем вариантами и фонемами. Это проявилось, в частности, в том, что он обозначил звуки [p] и [b], находившиеся в комплементарной дистрибуции, одной буквой. Действительно, в корейском языке различают неаспирированные и аспирированные смычные, в то время как

нерелевантная звонкость смычных репрезентируется в аллофонах одной из этих фонем (Jones, 1957, 2). Примеры элементарного фонологического анализа в «дофонологическую» эпоху можно было бы еще приумножить. Представляется, однако, что приведенный материал достаточно убеждает в том, что дискретность единиц звуковой системы разных языков была обнаружена не один раз в разные эпохи и у разных народов.

Тот факт, что авторы древних языковедческих работ, с большей или меньшей последовательностью стихийно отделяя звук от фонемы, использовали это различие для создания алфавитов, говорит в пользу того, что они умели отделить лингвистическую реальность, служившую основой для создания букв, от той материальной реальности, которая не давала основания для создания алфавита.

Изменения, которые претерпевали языки на протяжении своего развития, не находили одновременного отражения в письменности, и поэтому орфографические реформы, проводимые периодически в странах, где уже существовала письменность, имели своей целью отразить действительный фонемный состав языка в данный период в новых алфавитах. Подготовка реформ предполагала лингвистический анализ, в котором релевантные характеристики фонем должны были учитываться как основа фонемно-графических нововведений.² Наблюдения над орфографией родных языков являются, по существу, исследованием того вопроса, который в современной фонологии получил название сегментации и идентификации фонем.

Однако термин «фонема» и вместе с тем понятие «фонема» в том смысле, в котором это понятие употребляется в современных фонологических концепциях, а именно, в смысле дискретной лингвистической единицы плана выражения языка, не тождественной ни звуку, ни букве, появились значительно позже, чем возникли первые стихийные и лишь частично осознанные представления о структурных единицах плана выражения языка. Более того, этот термин в своем первоначальном значении не соответствовал тому значению, которое он приобрел позже и за которым он окончательно закрепился.

Термин «фонема» стали впервые употреблять в конце XIX в. Существуют разные точки зрения на то, кому принадлежит приоритет в его употреблении. Так, самым распространенным (но не самым убедительным) является мнение, согласно которому термин «фонема» был впервые употреблен Соссюром в 1878 г.

² В качестве примера таких реформ можно привести, в частности, скандинавские орфографические работы XVI—XVIII вв., направленные на упорядочение пестрой и хаотичной орфографии этого периода и являвшиеся в значительной степени прагматическими фонологическими работами, в которых фонемный инвентарь языка, устанавливаемый на основании анализа лингвистической реальности фонем, приводится в соответствие с новой графической системой (Воронкова, 1979, 50—54).

в его знаменитом труде «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (см.: Соссюр, 1977а, 75—77, 137—139, 161—163, 257—259). Известно, однако, что в 1877 г. этот термин уже использовал Хаве. Считают также, что слово «фонема» было переводом немецкого слова «Sprachlaut», сделанным Дюфрише-Десигне в 1873 г., и стало употребляться им вместо французского «son de langage» как более удобное.³ Считают также, что Соссюр использовал его в основном для обозначения общего прототипа, который отражен в виде разных звуков языков, произошедших из языка-источника, в то время как Бодуэн де Куртенэ и Крушевский применяли этот термин для обозначения лингвистической единицы, которая лежит в основе альтернации между звуками в этимологически соотнесенных формах как в родственных языках, так и в одном и том же языке.⁴

Вслед за Бодуэном де Куртенэ в начале XX в. термин «фонема» употребляет в своих фонологических работах Щерба (см., например: Щерба, 1912; Щерба, 1915), т. е. значительно раньше, чем этот термин стал широко употребляться в Европе и Америке в своем самом распространенном значении сигнификативного (дистинктивного) элемента языка.⁵

Уже значительно позже в 30-е годы XX в. с появлением и развитием разных фонологических теорий стали появляться эквиваленты термина «фонема»: таксема (Ельмслев), макрофонема (Туоделл), метафонема (Пильх), гипофонема (Фёрс), сонема (Леонтьев), звук языка (московская фонологическая школа).⁶ Однако каждый из создателей нового термина, заменяя старый, имел в виду ту же самую языковую реальность. Различие в терминах, употреблявшихся авторами разных концепций фонемы, явилось лишь различием в интерпретации той лингвистической реальности, которая уже давно была открыта теми, кто еще не очень последовательно употреблял сам термин «фонема», но уже делал попытки осмыслить всю сложность этого явления и дать ему свою трактовку.

Основным вопросом, связанным с проблемой фонемы, стал вопрос о соотношении лингвистического и материального в фо-

³ О том, что термин фонема является переводом нем. «Schprachlaut», в 1912 г. писал Щерба (Щерба, 1974, 116).

⁴ Концепцию фонемы Бодуэна де Куртенэ см. ниже.

⁵ В работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении», рассуждая о факторах, регулирующих образование фонем, Щерба отдает дань пронципальности Пасси, считая, что он был одним из немногих фонетистов того времени, который «понял... простую идею о необходимости различать» «les éléments significatifs d'une langue» от звуков, которые «n'ont aucune valeur distinctive» (Щерба, 1974, 118).

⁶ Термин «фонема» в концепции МФШ нельзя считать эквивалентом термина «фонема», поскольку он представляет совсем другой уровень языка. Его эквивалентом было бы правильное считать термин «морфофонема», который впервые начал употребляться в американской традиции.

неме. Не считая отдельных высказываний о роли материального в фонематической сущности звуковых элементов языка, встречающихся в работах фонетистов-классиков, следует отметить ту огромную роль, которую сыграли в теории фонологии работы выдающегося русского ученого Бодуэна де Куртенэ. Одним из положений, заложивших фундамент фонологической теории, является разделение Бодуэном субстантной и надсубстантной, или материальной и лингвистической реальностей. Действительно, первые эксплицитные высказывания о несовпадении материальной субстанции с лингвистической сущностью фонемы мы находим у Бодуэна де Куртенэ, последовательно отделявшего звук как фонацию или произносительную единицу от языковой, лингвистической единицы, которую, как известно, он считал психическим эквивалентом звука (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 351). Ср., например, дифференциацию звука и фонемы в его знаменитом «Опыте фонетических альтернатив» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 270) и соответственно разделение фонетики на две части: антропофоническую и психофонетическую (т. е. психолингвистическую) (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 272).

Следует еще раз подчеркнуть, что психологическая интерпретация фонемы Бодуэном де Куртенэ, явившаяся попыткой найти связующее звено между лингвистикой и психикой человека, наложила отпечаток на все теоретические постулаты Бодуэна в отношении звуковой природы языка, в том числе и на его концепцию дихотомии «фонема — звук». Однако за психологическим объяснением дихотомии «фонема — звук» скрывается нечто большее, чем поиск психофонетических причин однозначного восприятия звуковых лингвистических единиц. В постулировании разделения звука и фонемы как двух параллельных ступеней (физиологической и психологической) одной синтагматической единицы очень существенным моментом является то, что Бодуэн рассматривает звук как *преходящее* явление, а фонему как *непреходящее*, постоянное явление. Следовательно, антиномия «психология — физиология» результирует в антиномии «постоянное — непостоянное», создавая тем самым психологическое основание для дихотомии «фонетически лингвистическое — фонетически нелингвистическое». Фонема у Бодуэна предстает, таким образом, как нечто статическое по отношению к звуковому потоку речевой деятельности, представляющему собой недискретную последовательность звуков. В разделении психического и физиологического (антропофонического) как постоянного и преходящего и определении фонемы как постоянной психологической и, следовательно, статической (и тем самым лингвистической) единицы, отличной от динамического континуума, можно усмотреть то различие, которое в настоящее время усматривают между языком и речью как стабильной сущностью, с одной стороны, и динамической сущностью — с другой (Звегинцев, 1968, 104—106).

Однако не следует забывать того, что различие между фонемой и звуком, замеченное Бодуэном де Куртенэ, имеет чисто психологическую основу. Вариант и фонема, с точки зрения Бодуэна, являются разными степенями альтернации,⁷ разными степенями психического восприятия и одновременно результатом чисто антропофонического расщепления (и то и другое — звук) при единстве психического источника фонемы (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 300). Таким образом, различие между фонемой и вариантом у Бодуэна можно понимать как различие между психическим материально выраженным инвариантом и его физической манифестацией, что соответствует в его представлении различию между языковым (лингвистическим) элементом и неязыковым (нелингвистическим).

Точка зрения Бодуэна на различие между фонемой и звуком как на различие между основным вариантом (независимым от окружения) и зависимыми модификациями фонемы проявилась в его рассуждениях о причине антиномии «фонема — звук» как о несоответствии между фонетическим намерением и фонетическим воплощением, которое, в свою очередь, основано на субституции возможной деятельности предполагавшейся (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 278).

Таким образом, Бодуэн, которого по праву считают основоположником учения о фонеме, открывая фонему, открывает прежде всего, что фонема не идентична звуку. Он утверждает, правда, одновременно, что фонема — это психологический звук. Ср.: «Фонема — единое представление, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука — психический эквивалент звуков языка» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 271) или: «Пока мы имеем дело с преходящим говорением и слушанием, нам достаточно термина «звук», обозначающего простейшую фонационную производительную единицу, вызывающую единое фонетическое впечатление» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 351). Утверждая, что фонема — не физическая единица, Бодуэн утверждает тем самым, что фонема — единица языковая, в то время как звук не относится к области языка (см. также его замечание относительно противопоставления субстанции как неоформленной материи языковой форме, как организующему началу этой материи — Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 263). М. И. Мухоморов

Противопоставление звука фонеме мы находим также у Крушевского, пользующегося в своих «Лингвистических заметках» термином «фонема» как будто бы для разделения понятий звука

⁷ Такой альтернативой Бодуэн считает, в частности, альтернативу двух разных [a] в великорусском: [a] между двумя твердыми согласными и [a] между твердым и мягким в таких парах слов, как «брат—брате». Ср. также его 3 степени дивергенций или нефонетических альтернатив (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 300).

как физиологической единицы и фонемы как «лингвистической», которая может, в частности, состоять не только из одного звука, но из одного звука и качества другого. Крушевский, действительно, различает в фонетике как бы два уровня, однако, следует заметить, что физиологию он причисляет к теоретической части фонетики, а фонетику считает эмпирическим разделом (Крушевский, 1883). Другими словами, фонема для Крушевского — это звук, хотя и звук, отличный от звука — физиологической единицы. Сам факт, что Крушевский использует термин «фонема», противопоставляя его звуку для делимитации двух понятий — физиологического и нефизиологического, говорит о том, что он вложил свою лепту в создание науки о фонеме.

Представляется особенно важным то, что Бодуэн использовал термины «фонема» и «звук» для дифференциации двух понятий — понятия психолингвистической единицы и понятия материально-субстантной единицы.

Высказывания о неадекватности лингвистической и материальной реальности фонемы мы находим также у Сэпира, который, правда, не совсем последовательно употребляет термин «фонема», заменяя его термином «звук» (Сэпир, 1934, 34—44; Sapir, 1933, 247—265). «Чисто фонетический остов речи, — пишет Сэпир, — не относится к внутренней сущности языка, и отдельный звук артикулируемой речи, как таковой, вовсе не является языковым элементом» (Сэпир, 1934, 34). Сэпир, как и многие другие лингвисты, указывает на то, что тождественная материальная реальность может играть разную роль в разных языках (ср., например, его высказывание о языках, которые могут не признавать заметных различий по длительности, в то время как другие могут весьма тщательно делать эти различия). Согласно Сэпиру, большинству языков свойственно различие долгих и кратких гласных, между тем как итальянскому, шведскому и оджибуа свойственно различие долгих и кратких согласных (Сэпир, 1934, 34). Сэпир считает также, что одни языки могут быть чувствительны к «относительной ударности слогов» (например, английский язык), в то время как в других, как, например, во французском, «ударение будет иметь значительно меньшее значение» (Сэпир, 1934, 43). Ср. также его примеры о разных *t* в индейском языке хайда. Как известно, Сэпир трактует функциональность материально-субстантной реальности как психологическую значимость (Сэпир, 1934, 43). «За чисто объективной системой звуков, свойственной данному языку и обнаруживаемой лишь в результате усердного фонетического анализа, существует более ограниченная «внутренняя» или «идеальная» система, которая, хотя, вероятно, столь же мало осознается как система наивным носителем языка, все же может быть отчетливо представлена его сознанию в качестве готовой модели, в качестве действующего психологического механизма» (Сэпир, 1934, 44). Различие между

материальной и лингвистической реальностями в фонологии Сэпир рассматривает как психологическое различие между фонемой и звуком (Sapir, 1933, 247—265), оставаясь верным традиционным для того времени психолингвистическим представлениям о природе языковых явлений. Думается, однако, что существенным в концепции Сэпира является не столько психологическая интерпретация фонемы, сколько идея разделения звука и фонемы, которая была развита фонологами-антименталистами.⁸

Постулат о расщеплении элемента плана выражения языка на два элемента (фонему и звук), выдвинутый Сэпиром, разработанный представителями Казанской школы и уходящий корнями в древние прагматические и теоретические исследования фонетических систем разных языков, и соответственно установление двух уровней (фонологического и фонетического) становятся ведущими мотивами большинства фонологических концепций XX в., а сами эти концепции — модификациями этого постулата.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении материальной и лингвистической реальностей фонемы является одним из ключевых вопросов современной фонологии, не во всех фонологических концепциях ему отводится первое место. Тем не менее почти любая фонологическая концепция так или иначе предусматривает решение этого вопроса и дает на него как будто бы разные ответы. ~~Однако~~ несмотря на кажущееся различие в понимании указанной проблемы в разных фонологических школах и даже у разных представителей одной и той же школы, взгляды многих фонологов на роль материально-субстантной реальности языка, по существу, оказываются сходными. Различие во взглядах на обсуждаемую проблему часто не совпадает с принятым делением на фонологические школы. Можно без преувеличения сказать, что большая часть лингвистов считает фонему звуковой единицей (см. об этом: Воронкова, Стеблин-Каменский, 1970, 16—17; Voronkova, Steblin-Kamenskij, 1975, 74—75).

Концептуальные модификации теории фонемы в плане определения места и роли материально-субстантной реальности в фонологическом содержании фонемы могут носить отчасти терминологический характер, отчасти быть обусловлены чисто практическими целями подхода к пониманию фонемы. Однако

⁸ Книга Сэпира «Язык» вышла в 1921 г. (Sapir, 1921), т. е. значительно позже, чем первые работы Бодуэна де Куртенэ, в которых была уже сформулирована его концепция фонемы. В 1925 г. появляется работа Сэпира (Sapir, 1958), где термин «фонема» он использует в значении «звук речи», а также вводит понятие индивидуальных вариаций и обусловленных вариантов. В статье о психологической реальности фонем, вышедшей в 1933 г., его психолингвистическая концепция фонемы выражена уже наиболее полно (Sapir, 1933, 247—265).

в основе каждой точки зрения на фонему лежит тем не менее эксплицитное или имплицитное понимание таких важнейших общелингвистических проблем, как язык и речь, парадигматика и синтагматика, языковая функция, дискретность, контраст, оппозиция и т. п. Поэтому в ходе рассуждений на тему о соотношении материального и лингвистического в фонеме, а также в процессе критического обзора разных фонологических концепций будут даваться экскурсы в проблематику общезыкового характера, тесно связанную с фонологической проблематикой. Представляется, что подача фонологического материала на фоне общелингвистических вопросов поможет в ряде случаев вскрыть как гносеологические корни той или иной фонематической концепции, так и соединить эти концепции в единый комплекс.

Итак, как было сказано выше, многие лингвисты придерживаются той точки зрения, что фонема—это звук. Может быть, было бы правильнее сказать, что многие лингвисты считают, что фонема—это материально-субстантная единица, которая отличается от звука тем, что имеет определенные функции, так как фонология отличается от классической фонетики введением в чисто антропофонические понятия функционального элемента.

Понимание фонемы как дистинктивного функционального звука характерно прежде всего для многих представителей американского структурализма. Обычно считают, правда, что для американского структурализма типичен фонологический анализ на базе чистой синтагматики без учета семантических отношений, которые так или иначе предполагают парадигматический анализ. Действительно, согласно Харрису, значение необходимо только как фон к регулярности звукового повторения, так как он считает, что в лингвистике прежде всего важна регулярность различия (Harris, 1951, 7). Представляется, однако, что определения фонемы, данные, в частности, Хокеттом и Блоком, а также фонемный анализ, проводимый этими авторами на базе парадигматического контрастирования значимых элементов (а не только синтагматического контрастирования звуков (Hockett, 1958, 15—17; Hockett, 1955, 155), говорят в пользу того, что семантика не была полностью исключена из фонемного анализа этих авторов. То обстоятельство, что американские структуралисты при установлении фонемного инвентаря какого-либо языка используют аллофоническое варьирование как основу для конструирования неделимой единицы фонематической системы, также свидетельствует о том, что они в значительной степени отождествляют фонему со звуком. Ср., например, правила, вводимые Вёглином и Харрисом для идентификации аллофонов в разных окружениях и для установления их принадлежности к одной фонеме. С точки зрения этих фонологов, проблема идентификации фонемы заключается в разрешении двух вопросов, во-первых, того, какие аллофоны в разных

окружениях представляют одну и ту же фонему (например, составляют ли английские придыхательный и не придыхательный [p] одну фонему), а, во-вторых, того, какова величина того сегмента артикуляции, который мы должны изолировать, чтобы получить один аллофон одной еще не определенной фонемы (например, выявить, является ли [t] в английском аллофоном или его следует разделить на неаспирированное [t] и аспирированный отступ [tʰ] или [h] (Voegelin, Harris, 1951, 306—307). Впрочем, американские структуралисты не стараются скрыть того факта, что они считают фонему звуком. Так, приводя в качестве примера оппозиционных отношений две фразы *That's a nice pin* и *That's a nice bin* («это — хорошая булавка» и «это — хороший ларь»), Хокетт утверждает, что в английском языке «р-звук и h-звук дифференцируют акты речи». «В других языках, — пишет Хокетт, — разница между звуком р и звуком b не используется функционально» (Hockett, 1955, 16).

В определениях фонемы Пайком также есть указание на то, что фонема — значимая единица языка (Pike, 1947, 63) и в то же время звук (Pike, 1947, 67). Однако нужно принять во внимание, что для Пайка фонема — это не определенная языковая данность, а результат фонологического анализа, необходимого для определения фонемного инвентаря изучаемого языка (но не родного языка, инвентарь которого устанавливается интуитивно самим носителем языка) (Pike, 1947, 57, 74). Согласно Пайку, идентификация фонем родного языка не имеет своей процедуры, так как «звуки языка автоматически и бессознательно организуются носителем языка в структурные единицы, которые мы называем фонемами» (Pike, 1947, 57).

Таким образом, используя семантический фактор, дескриптивисты тем самым выходят за рамки своих общетеоретических взглядов. Между тем, определяя фонему как звук, они тем самым остаются как бы в пределах синтагматического анализа. Представление о звуке как о единице синтагматического плана вполне согласуется с общепринятой точкой зрения, что звуки существуют только в синтагматической цепи.

Так, известный последователь Блумфильда, Блок, рассматривая фонему с точки зрения ее функционирования в синтагматике, утверждает, что в синтагматической цепи есть сегменты, не находящиеся в контрасте с какими-либо другими сегментами и являющиеся, таким образом, недистинктивными и незначимыми (Bloch, 1948, 26). Он утверждает также, что различие между дистинктивными и недистинктивными звуками основано на значении и что замена дистинктивных звуков влияет на значение слова или фразы, в то время как замена недистинктивных звуков не может влиять на значение (Bloch, 1948, 27). На тот факт, что есть звуки, дифференцирующие значения, и что есть звуки, не дифференцирующие значения, а также на важность

понимания этого лингвистического факта указывает также Хокетт (Hockett, 1955, 145). Точка зрения Блока и Хокетта восходит в конечном счете к точке зрения Блумфильда, который понимал фонологию как изучение значимых звуков речи (Блумфильд, 1968, 76).⁹ Ср. также точку зрения Дайнина, согласно которой звуки языка, находящиеся в параллельной дистрибуции и контрастирующие между собой, выполняют дифференциальную функцию (Dineen, 1967, 33—34).

Таким образом, все вышеуказанные авторы представляют себе фонему как дистинктивный звук (т. е. как некую материально-субстантную сущность, непосредственно связанную со значением) и одновременно признают существование недистинктивных звуков, не выполняющих функции дифференциации значений. Между тем определение фонемы как значимого звука делает их концепцию особенно уязвимой, поскольку в этом определении кроется ряд противоречий, обусловленных противоречивостью или неопределенностью их понимания таких общелингвистических понятий, как синтагматика и парадигматика.

Однако прежде чем непосредственно перейти к вскрытию указанных противоречий и анализу концепции фонемы с указанных позиций, представляется необходимым рассмотреть проблему парадигматики и синтагматики вообще и ввести рабочее определение этих понятий.

Синтагматикой называют учение «о линейном (одновременном) соотношении элементов в отличие от ассоциативного (разновременного) / их соотношения в парадигматике», в то время как парадигматикой называют соответственно «рассмотрение единиц языка как элементов его системы, как совокупности структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношениями противопоставления (в отличие от синтагматики, где единицы находятся в отношении контраста)» (Ахманова, 1966, 408, 310).¹⁰

Сказанное, видимо, можно отнести и к фонологии. Однако определение синтагматики как последовательности контрастирующих единиц в применении к фонологии может быть оспорено, так как известно, что речь представляет собой непрерывный континуум, а не последовательность дискретных элементов,

⁹ Известно, правда, что Блумфильд понимал фонему как «признаки звуков, которые говорящие научились производить и узнавать в потоке живой речи», за что и был подвергнут критике со стороны того же Блока (Блумфильд, 1968, 78; Bloch, 1948, 26).

¹⁰ Ср.: «Синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц» (Соссюр, 1977а, 155); понятие синтагмы и парадигмы у Соссюра относится только к грамматическим явлениям, а не к фонетическим, и, возможно, это не случайно, так как фонема Соссюра, по существу, звук речевой цепочки, выделенной на основе акустических впечатлений (Соссюр, 1977а, 76).

а кроме того, и потому, что есть концепции, согласно которым фонема в синтагматической цепи представлена не лингвистическими элементами, а звуками. Следовательно, можно предположить, что синтагматическая цепь не состоит из фонем и что постулирование лингвистического контраста в фонологической синтагматике дискуссионно.

Противопоставление парадигматики и синтагматики основывают часто на различении системы языка и речевого потока (см.: Звегинцев, 1968, 98). Различие между языком и речью понимают, в свою очередь, по-разному. Так, соотношение «язык — речь» интерпретируется как код и сообщение, система и текст и т. п.)

Известно, что приоритет в разграничении языка и речи (так же, видимо, как и попытки разделения парадигматического и синтагматического планов) принадлежит Ф. де Соссюру, у которого этому вопросу отведен целый раздел (Соссюр, 1977а, 56—59). Разделение языка и речи мы находим также в отдельных высказываниях Бодуэна де Куртенэ. Однако концепции Бодуэна и Соссюра различны. Так, Бодуэн рассматривает язык как «одну из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 77), в то время как Соссюр считает, что язык не есть функция говорящего субъекта, а продукт, пассивно регистрируемый говорящим (Соссюр, 1977а, 52). Развивая идеи Гумбольдта, Бодуэн пишет, что язык — это энергия и что усвоение языка — активный процесс, в то время как, согласно Соссюру, язык является замкнутой системой, противопоставляемой речи.

Понимание соотношения языка и речи очень различно у разных лингвистов. Так, Гардинер, занимавшийся специально теорией языка и речи (Gardiner, 1935; Gardiner, 1951), противопоставляет язык речи как явление постоянное явлению меняющемуся.¹¹ Коржинек рассматривает отношение между языком и речью как отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией и определенным явлением действительности, составляющим объект этого анализа (Коржинек, 1967, 317). Согласно Ельмслеву, язык состоит из системы и последовательного ряда (или текста) (Ельмслев, 1960а, 56), и это понимание языка и речи ближе всего к определениям парадигматики и синтагматики, приведенным выше. Ельмслев считает речь реализацией схемы (т. е. языка).¹² Харрис, рас-

¹¹ Ср. аналогичную точку зрения в работе Смирницкого (Смирницкий, 1954, 18).

¹² Ср. высказывание Штейнталь о том, что речь, говорение — это происходящее в настоящее время или мыслимое как происходящее в настоящее время проявление языка. Штейнталь считает также, что язык вообще дан в каждом речевом процессе (Штейнталь, 1956, 110). Ср. также высказывание Гумбольдта, согласно которому язык является совокупностью его продуктов и отличается от отдельных актов речевой деятельности (Гумбольдт, 1956, 81).

смаатривая механизм речи, устанавливает, что источником речевого механизма является поток морфем, приводящий в движение фонемизатор; фонемизатор, в свою очередь, с помощью кода (морфофонемии языка) программирует морфемы в поток фонем; поток фонем приводит в движение артикулятор, движения которого создают временную последовательность артикуляторных элементов и производят сигнал речи (Harris, 1951, 49).¹³

Хомский различает так называемые «competence» и «performance» (см., например, Chomsky, 1965, 4), соответствующие в известном смысле языку и речи Соссюра. В «Синтаксических структурах» Хомский определяет язык как конечный или бесконечный набор предложений, причем под предложением Хомский имеет в виду потенциальное предложение (Chomsky, 1957). Различие между пониманием языка Хомским и структуралистами заключается, в частности, в том, что для последних язык — это система знаков, в то время как для Хомского языковая система — это система правил, которая определяет соответствие между звуком и значением. Таким образом, «язык» (competence) Хомского отличается от «языка» Соссюра (langue) прежде всего тем, что «язык» Хомского — это набор правил, используемый для формирования предложений (в то время, как «речь», или «performance», — актуальное использование языка в конкретных ситуациях).

Подводя итог различным суждениям о дихотомии «язык — речь», Звегинцев классифицирует эти суждения, сводя их к 8 пунктам, из которых хотелось бы отметить следующие: речь подвижна, динамична, а язык стремится к стабильности, статичности; речь вследствие своей отягченности связями с психическими, историческими, социальными и прочими факторами не может быть описана строго формальным образом, в то время как язык допускает приложение формальных правил; речи всегда свойственна материальность, язык стремится предстать в виде абстрактной системы (Звегинцев, 1968, 106).

Можно было бы привести еще множество высказываний как по поводу того, что такое язык, так и в отношении дихотомии «язык — речь», а также некоторое количество суждений в отношении парадигматики и синтагматики. Однако и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод, что понятия синтагматики и парадигматики не совсем идентичны таким понятиям, как «язык» и «речь», но что одновременно они в чем-то совпадают. Понятие «парадигматика», безусловно, уже, чем понятие «язык», так же как понятие «речь» шире понятия «синтагматика». Парадигматика представляет, видимо, ту часть понятия «язык», ко-

¹³ Как известно, в работах американских дескриптивистов (если не считать работ Туоделла), в центре внимания находится синтагматика, и видимо, поэтому определение языка в противопоставлении его речи не находит отражения в высказываниях представителей этого направления.

торию связывают с понятием языка как одновременной совокупности всех его элементов, образующих систему благодаря определенным отношениям между этими элементами. Между тем синтагматика представляет ту часть понятия «речь», которую связывают с понятием речи как последовательности дискретных единиц языка.

Следовало бы еще добавить, что в парадигматике мы имеем противопоставление одного элемента языка всем другим элементам, в то время как в синтагматике сукцессивные элементы противопоставлены, конечно, двоично, но вряд ли это двоичное противопоставление может быть возможным без предварительного двоичного противопоставления на другом уровне. Как будет показано ниже, парадигматика и синтагматика, по крайней мере в фонологии, тесно связаны друг с другом и обуславливают друг друга. Кроме того, синтагматический и парадигматический планы, или синтагматическая и парадигматическая плоскости, оказываются недостаточными, чтобы покрыть все сложные связи между линейным и нелинейным характером функционирования фонем. Поэтому оказывается необходимым постулирование третьей плоскости, соединяющей парадигматику с синтагматикой, язык с речью. Эту плоскость можно условно назвать «интеруровнем», о чем подробнее будет сказано ниже.

Проблема синтагматического и парадигматического планов (плоскостей) в фонематических системах, как правило, не находит эксплицитного выражения в фонологических концепциях. Однако имплицитно она присутствует во всех теориях фонемы и является одной из тех проблем, которые способствуют вскрытию противоречий в тех или иных фонологических решениях.

Из некоторых определений фонемы, а также из рассуждений по поводу лингвистического содержания фонемы, принадлежащих представителям разных фонологических направлений, следует, в частности, что фонема в конечном счете является звуком, т. е. материально-субстантной реальностью, как в парадигматике, так и в синтагматике. Из этого неизбежно следует, что в синтагматике в одной точке речевого потока в рамках лингвистической (а также иногда и психолингвистической) модели происходит своего рода наложение двух материально-субстантных сущностей.

Концепция фонемы Хокетта, Блока и Пайка не имеет внутренней связи с проблемой соотношения синтагматического и парадигматического планов в фонологии. Однако, как уже об этом говорилось выше, если Блок и Хокетт учитывают в своих определениях фонемы семантический аспект, выносящий звук на уровень парадигматики, а также определяют фонемный инвентарь того или иного языка, используя при этом метод субституции (т. е. метод парадигматического анализа (Pike, 1947, 74; Hockett, 1958, 26)), то они тем самым практически поль-

зуются понятием парадигматики и противопоставляют парадигматику синтагматике. Между тем их утверждение, что фонема — это звук, дифференцирующий значение, противоречиво прежде всего потому, что они смешивают понятия фонемы и звука и не рассматривают функционирования фонем в том и другом плане.

В самом деле, утверждая, что материально-субстантный элемент синтагматической цепи то обладает определенной функцией, превращающей фонетическую реальность в лингвистическую, то не обладает этой функцией (ср. «дистинктивные» звуки и «недистинктивные» звуки), Блок и Хокетт тем самым утверждают, что в синтагматической плоскости могут оказаться материально-субстантные сегменты, не участвующие в функционировании, и что в синтагматической последовательности оказываются пустые клетки, не заполненные фонемами. Таким образом, фонемный инвентарь (т. е. фонемная парадигматика) не полностью проецируется на фонемные последовательности значимых единиц синтагматики, в чем и заключается противоречивость описанной выше концепции фонемы.

Понимание фонемы как класса звуков, противопоставленного в парадигматике «фонемам — звукам», обладающим смысловозначительной функцией, несовместимо с пониманием фонемы как дистинктивного звука, противопоставленного в синтагматике другим звукам, не совпадающим с «фонемами — классами звуков» в парадигматической плоскости.

Внутренняя противоречивость указанной концепции заключается также в следующем. Американские структуралисты, оставляя за фонемой статус звука, дифференцирующего значение, признают (как, впрочем, и большинство фонологов) существование аллофонического варьирования. Так, в частности, Блок считает, что фонема состоит из неконтрастных элементов или фонов, находящихся в свободном варьировании друг с другом и не являющихся дистинктивными (Bloch, 1948, 26—27), т. е., по существу, является своего рода классом звуков. Хокетт, в свою очередь, употребляет в значении «вариант, аллофон» как сам термин «аллофон», так и термины «фон» и «компонент» в зависимости от уровней, на которые он помещает вариант в его двухуровневой лингвистической схеме (ср. *size-level* и *strata level* — Hockett, 1961, 40—41; Hockett, 1958, 107). Получается, что и Блок и Хокетт, утверждая, что фонема — звук, утверждают тем самым, что звук реализуется одновременно в других звуках. Причем и звук, дифференцирующий значение (т. е. фонема), и звук-реализация находятся на одном участке синтагматической цепи. Эти оба утверждения представляются несовместимыми в силу того, что тождественный сегмент материальной субстанции, выделенный в цепи звуковых сегментов, не может представлять собой различные физические сущности в одной точке речевого потока, т. е. быть звуком, не зависимым от реализаций, и реализацией одновременно.

Неотчетливое применение дихотомического принципа «фонема — звук», отсутствие твердых и эксплицитно выраженных позиций в отношении функционирования фонемы в языке и речи, в парадигматике и синтагматике, и более того, элиминирование этих базисных понятий языка из фонологического анализа привели к тому, что у одного и того же автора или у нескольких авторов, придерживающихся одной и той же точки зрения, появляется целый ряд определений фонемы, не совместимых между собой и, безусловно, не соединимых в одну стройную и логически непротиворечивую фонематическую концепцию. Ср., например: «Фонема — класс фонов с шестью критериями» (Hockett, 1958, 100); «Фонема — класс звуков, высказываемых на данном диалекте» (Bloch, 1948, 5); «Две сущности (things) не различаются фонетически, пока носитель языка не услышит разницу между ними» (Hockett, 1961, 30); ср. также определение Хокеттом фонем как элементов, находящихся в контрасте друг с другом в фонологической системе языка (Hockett, 1958, 26), и целый ряд его определений фонемы как дистинктивного звука (см. выше).

Самым неубедительным положением изложенной выше теории фонемы представляется то, что дистинктивная функция приписывается не фонеме, а звуку, имеющему совершенно другие задачи в языке. Функция дистинктивная (семантическая), т. е. функция различения значимых элементов языка, принадлежит не звуку, а фонеме, реализованной в разных звуках в синтагматической цепи. Звук и фонема различаются между собой не только функциональной целенаправленностью, но также материально-субстантной выраженностью: если звук имеет вполне однозначную материальную выраженность во всех своих проявлениях, то фонема имеет многозначную материальную выраженность. Дискретизация фонемы как лингвистической единицы языка осуществляется на уровне парадигматики, в то время как дискретизация звука (и тем самым выделение его из континуума речи) происходит в иной плоскости, которая выше была названа интеруровнем (см. также раздел «Аллофоны»). Следует учесть также то обстоятельство, что фонемы языка могут быть организованы в парадигматической плоскости в единую систему благодаря внутренним материальным связям, существующим между ними как членами множественных оппозиций, в то время как организация звуков, представляющих аллофоны одного языка, в цельную единую систему абсолютно невозможна, так как эти звуки могут быть организованы только в мини-системы по своим внутренним материальным связям и именно благодаря своей принадлежности иному плану языка. И, наконец, различная функциональная направленность аллофонов и фонемы не позволяет определять звук как фонему.

Одним из следствий неверного приложения дистинктивной функции в сфере плана выражения языка является создание теории контрастов, построенной на методе бинарных оппозиций, как парадигматических, так и синтагматических.

Как известно, метод парного противопоставления актов речи (т. е. метод парадигматического контраста), или иначе — метод минимальных пар, или метод субституции, широко использовался в лингвистической литературе последнего 50-летия. Мы встречаем его уже у Блумфильда. Доказывая одно из своих положений об установлении дистинктивных признаков высказывания (т. е. в его понимании фонем), Блумфильд приводит целый ряд минимальных пар из английского языка:

pin — fin — sin — tin; pin — in; pin — man — sun — hen;
pin — pig — pill — pit; pin — pat — push — peg; pin — pen —
pan — pun; pin — dig — fish — mill (Блумфильд, 1968, 76—77).
Ср. также минимальные пары у Глисона (Глисон, 1959, 49—51).¹⁴

Этот метод был впоследствии разработан последователями Блумфильда и применен ими в подтверждение теории контраста при фонологическом анализе (Bloch, 1972, 224—225; Hockett, 1958, 17—23; Hockett, 1955, 156; Pike, 1947, 73; Voegelin, 1962, 469). И именно контраст используется в американской лингвистической литературе как по отношению к синтагматическим, так и по отношению к парадигматическим противопоставлениям¹⁵ (ср., например, тщательно разработанную Хокеттом систему синтагматических контрастов в английском языке, в которой он выделяет инициальные, финальные и медиальные контрасты — Hockett, 1958, 17—22). С другой стороны, Хокетт пользуется также парадигматическими контрастами для определения инвентаря фонологических систем и установления «функционально релевантных различий между словами» (Hockett, 1958, 16—17). Как указывает Хокетт, «элементы фонологической системы не могут быть определены позитивно в терминах того, чем они являются, но только негативно в терминах того, чем они не являются, с чем они не могут контрастировать» (Hockett, 1958, 24). Хокетт использует метод парного противопоставления «фонем — звуков» для подтверждения положения, что парные противопоставления дают информацию о способе, который язык использует, опираясь на звуковое различие, т. е. информацию о его фонологической системе (Hockett, 1958, 16). Весь контекст его рассуждений о контрастах в языке, будь то

¹⁴ О парадигматическом контрасте см. также у Стокуэлла и Баррита (Stockwell, Barrit, 1961, 79) и в других работах.

¹⁵ В европейской традиции парадигматический контраст называется оппозицией или дистинктивной оппозицией. Мартине считает, что разграничение контраста и противопоставления (т. е., другими словами, синтагматической и парадигматической оппозиций) разработано впервые Прието (Мартине, 1960а, 41).

синтагматика или парадигматика (теоретически, впрочем, им четко не различаемые) свидетельствует о том, что под контрастом он имеет в виду оппозицию фонем, являющихся дискретными элементами в актах речи (utterances) и находящихся в парном синтагматическом или парадигматическом противопоставлении.

Синтагматический контраст играет важную роль в фонологической теории дескриптивизма. Идея контраста (или, вернее, его отсутствия, т. е. неконтрастности звуков) служит, например, основой для разработки теории дистрибуционного анализа (Bloch, 1948; Bloch, 1972), согласно которой свободные варианты находятся в комплементарной дистрибуции и различаются с контрастирующими элементами. Ср., например, высказывание Блока относительно того, что «два или более сегмента, комбинаций или компонентов, которые находятся в комплементарной дистрибуции друг с другом, в свободном варьировании друг с другом или в частичной комплементарной дистрибуции, частично в свободном варьировании, являются неконтрастирующими» (Bloch, 1948, 26). Неконтрастность звуков, находящихся в разных точках синтагматической цепи (т. е. в комплементарной дистрибуции), предполагает между тем контрастность смежных звуков. Из этого следует, что в основе синтагматического контрастирования (одного из центральных положений американской дескриптивной фонологии) лежит *парная звуковая* (а не фонемная) контрастность последовательных звуковых сегментов в пределах одного значимого языкового элемента (слова или фразы).

Синтагматическое контрастирование основано у американских дескриптивистов, таким образом, на звуковом контрастировании, а не на фонемном, хотя разработка систем контрастов в американском структурализме предполагает фонемное контрастирование. Поскольку в рамках теории рассматриваемой лингвистической школы фонема определяется как звук, то естественным следствием всей концепции фонемы — дистинктивного звука является смешение фонемы и звука. Это смешение двух единиц, принадлежащих к двум разным сферам языка, объясняет, в свою очередь, причину лингвистической и материальной амбивалентности дескриптивистской «фонемы — звука», в которой материальная реальность не отделена от лингвистической. Между тем амбивалентность дескриптивистской фонемы, не позволяющая различать с достаточной четкостью фонему и звук, противоречит тому принципу, который американские структуралисты кладут в основу дискретизации речевого потока, и не дает возможности понять, что же, в конце концов, дискретно — фонема или звук или то и другое вместе. Проблема дискретизации речевого потока оказывается тесно связанной и с сущностью фонологического содержания фонемы, и с вопросом о том, чем является фонема — единицей синтагматической или

парадигматической плоскости, а также, безусловно, и с тем, как фонема соотносится со звуком (аллофоном) — дискретной единицей, и соответственно с тем, какую роль звук (аллофон) играет в фонологической системе языка.

Парадигматическое контрастирование в американской дескриптивистике основано так же, как и синтагматическое контрастирование, на фонетических оппозициях сходных звуков с одинаковой дистрибуцией. Причем это одинаковое окружение имеет тоже фонетическую, а не фонематическую тождественность. Однако там, где мы имеем дело со звуковой реальностью, дескриптивизм постулирует фонематическую реальность (но бывает и наоборот: там, где в действительности мы имеем дело с фонематической реальностью, дескриптивизм постулирует фонетическую реальность). О фонологическом расчленении одинаковых сегментов путем нахождения их в контрасте в аналогичных условиях писал не только Хокетт, но и Пайк (Pike, 1947, 73; Hockett, 1955, 155—156). Так, Пайк считает, что фонемическое выделение одинаковых сегментов происходит путем контрастирования их в одинаковых условиях, но кладет в основу процедуры сегментации и идентификации фонем метод парного противопоставления звуков (Pike, 1947, 73—74).¹⁶ То, что Пайк называет фонемическим выделением, и то, что Хокетт называет негативным контрастом, в сущности, есть звуковая аллофоническая сегментация на фоне бинарного парадигматического контраста.

Фонема не может быть сегментирована на основании двоичного, бинарного противопоставления, поскольку она — член системы, где каждая фонема противопоставлена не только другой фонеме, но всем другим фонемам этой системы, и где она совершенно независима от окружения, в то время как любое бинарное противопоставление предполагает одинаковое окружение или положение и, следовательно, определенную зависимость от этого окружения или положения. Полагая, что при двоичном противопоставлении сегментируется фонема, структуралисты-постблумфильдианцы сегментируют, в действительности, аллофон (и это очень хорошо понимал Туоделл, концепция которого будет изложена ниже).

Используя метод субституции, дескриптивисты пытаются сегментировать не только фонему (которая, как мы видели, является лишь выделенным звуком), но и определить материально-субстантные характеристики фонем, находящихся в оппозиции. Однако на самом деле из бинарной оппозиции

¹⁶ Ср. также его сомнительные (suspicious) пары типа [t] — [d], [s] — [z], [e] — [ɛ] и несомнительные (non-suspicious) сегменты типа [k], [m], [a] (Pike, 1947, 73—74).

можно вычленишь только материально-субстантные характеристики аллофонов.¹⁷

Гносеологические корни противоречивости как общих положений дескриптивной фонологии, так и ее частных положений заключаются в принятии звука за лингвистический элемент и отождествлении с ним. С другой стороны, метод бинарных противопоставлений, используемых для выделения «фонем» и являющихся как бы условием дискретизации синтагматической цепи на «фонемы», провоцирует подмену фонемы звуком, так как предполагается, что бинарные оппозиции составляют парадигматическую плоскость языка, т. е. сам язык, или, вернее, тот языковой код, в котором функционируют лингвистические единицы плана выражения языка. Бинарные синтагматические и парадигматические оппозиции принимаются, таким образом, за лингвистические критерии, позволяющие обнаружить фонемную структуру языка. На самом деле, бинарность противопоставлений не составляет и не может составлять парадигматической плоскости, поскольку парадигматика подразумевает не систему дихотомий каких-либо единиц, а систему множественных противопоставлений этих единиц, т. е. подразумевает противопоставленность каждой единицы всем другим единицам. Такого рода противопоставленность требует дискретности единиц, которая обеспечивается, в частности, их неоднозначной материально-субстантной выраженностью. Совершенно очевидно, что бинарная контрастность звуков не может обеспечить абсолютной дискретизации речевого потока, представляющего собой, как известно, непрерывный континуум. Различие между фонемами в синтагматической цепи обусловлено не различием элементов дихотомического противопоставления, не контрастностью элементов в бинарной оппозиции, где каждый элемент — лишь реализация фонемы, имеющая однозначную материально-субстантную выраженность, а тем, что в парадигматике фонема имеет многозначную материально-субстантную и многозначную лингвистическую противопоставленность, которая делает фонему независимой от фонетической дистрибуции, т. е. от соседних материально однозначных единиц (звуков, аллофонов).

И именно парадигматическая множественная противопоставленность фонем с их неоднозначной множественной материаль-

¹⁷ «Фонема — звук» разлагается на признаки по принципу бинарного контрастирования звуковых характеристик и произвольного отбора этих бинарных контрастов для создания «фонематических» систем, в которых фонема подменяется звуком. Так, Хокетт, описывая системы гласных разных языков по указанному принципу и основывая свою методику на «размере контрастов и на числе контрастирующих точек в каждом размере», произвольно выбирает эти контрасты, выдавая чисто артикуляционные различия за лингвистические, системные (Hockett, 1955, 84—91). Впрочем, более подробно этот вопрос будет освещаться в разделе о дифференциальных признаках фонемы.

но-субстантной формой в парадигматике делает возможным выделение фонем в синтагматике (или иначе сегментацию или дискретизацию), обеспечивает независимость фонем от позиции в слове (в отличие от позиционной обусловленности аллофонов) и обеспечивает также функционирование фонем как дискретных лингвистических единиц, образующих фонологическую систему языка.

Не менее противоречив и другой вариант понимания фонемы как звукового элемента, а именно концепция фонемы — класса звуков, нашедшая наиболее яркое выражение в теории фонемы основателя английской фонетической школы — Джоунза. См., например, следующее его высказывание: «Каждая семья звуков состоит из важного звука языка вместе с другими относящимися к ней звуками, которые, так сказать, представляют ее в отдельных последовательностях или при определенных условиях длительности или ударения, или интонации» (Jones, 1950, 7). Или: фонема — «это семья звуков в данном языке, которые относительноны по своему характеру и используются так, что ни один из членов никогда не встречается в том же фонетическом контексте, что и другой член» (Jones, 1948, 48). (Ср. также его определение фонемы как абстракции, как абстрактного звука 2-й степени, который появляется на 1-й степени абстракции как комплекс абстрактных звуков, каждый из которых может манифестироваться как конкретный звук — Jones, 1950, 6, 11.)

Следует различать понятия «класс звуков» и «звукотип». Первое из них используется теми, кто ближе стоит к физикалистскому пониманию фонемы, при котором функциональный аспект либо не принимается во внимание, либо отодвигается на второй план (Джоунз, американские структуралисты), второе — теми, кто рассматривает фонему как некую материальную единицу, единство которой обеспечивается ее функциональной значимостью (Бодуэн де Куртенэ, Щерба). Разница между классом звуков Джоунза и звукотипом Щербы заключается также в том, что в концепции «фонемы — звукотипа» реализации являются частным по отношению к общему, в то время как в концепции «фонемы — класса звуков» реализации являются частями по отношению к сумме этих частей.

В основе психологической концепции фонемы у Бодуэна де Куртенэ лежит, по существу, представление о фонеме как о психическом эквиваленте звукотипа (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 271). Ср. также высказывание Щербы: «... в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами» (Щерба, 1974, 132).

Однако определение фонемы как звукотипа, в частности, у Щербы, во-первых, тесно связано с функцией фонемы и тем отличается от определения Джоунза и, кроме того, не исчерпывает всей концепции Щербы. Как указывает Зиндер, «по Щербе членение речи на отдельные звуки осуществляется не благодаря звуковым ассоциациям, не просто потому, что, например, *a* в слове *papa* совпадает с *a* в слове *мама*, а благодаря тому, что *a* может оказаться наделенным самостоятельным значением» (Зиндер, 1979, 39). (См. также: «...каждая фонема определяется прежде всего тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противопоставлений как отдельных фонем, так и их групп» — Щерба, 1974, 134.)

Поскольку фонема действительно имеет свои дискретные репрезентации в речи, почти любой фонолог считает фонему в известной степени классом звуков. Однако определение Джоунза отличается от других высказываний такого же рода тем, что положение «фонема — класс звуков» — лейтмотив его теории фонемы. Если следовать положению, согласно которому фонема — это только класс звуков, и идентифицировать ее по принципу объединения ее реализаций, взятых из синтагматической цепи, то неизбежен вывод, что идентификация должна происходить на основе чисто фонетического сходства звуков. Однако давно известно, что реализациями одной фонемы могут оказаться звуки антропофонически более сходные с реализациями другой фонемы, чем между собой. Одного этого возражения, которое неоднократно использовалось в критике теории «фонема—класс звуков», достаточно, чтобы признать ее несостоятельной.

Не следует забывать, однако, что Джоунз не отрицает полностью функциональной роли звуков в языке. Согласно Джоунзу, «фонема имеет семантическую функцию, так как если один член фонемы может быть в той же ситуации, что и член другой фонемы, то можно изменить последовательность заменой звука на соответствующий звуку другой фонемы». Подобная альтернатива, как считает Джоунз, может изменить одно слово в другое. И далее: «Звуки отдельной фонемы не обязательно различают слова, но они способны сделать это» (Jones, 1950, 13—14). Высказывая некоторые соображения о трудностях идентификации фонем в последовательностях, Джоунз говорит в том числе и о дистинктивной функции звуков (Jones, 1950, 47). Впрочем, идентификация фонем, согласно Джоунзу, в значительной степени, — дело носителя языка, а дистинктивность сходных звуков определяется соответственно говорящим (Jones, 1950, 46). Правда, у Джоунза есть высказывания как бы прямо противоположного характера. Как указывает Джоунз, фонематическая значимость звуков может быть также установлена не

на основе лингвистического анализа или интуитивно, а с помощью аппаратуры (Jones, 1950, 48). Так, английские слова puts («кладет»), drinks («пьет»), boxes («коробки») могут произноситься то с [z], то с [s]. Различие между звуками в этом случае не существенно. Поэтому фонемная идентификация зависит в данном случае не от того, как ее определяет носитель языка, а от того, как ее определит аппаратура: если как [s], то мы имеем дело с фонемой /s/, если как [z], то мы имеем дело с фонемой /z/ (Jones, 1950, 48).

Как видно из вышеприведенных высказываний, представления Джоунза о сегментации речевого потока и функции фонемы довольно неопределенны и разноречивы. Фонематическая функциональность в одних случаях определяется с менталистических позиций, а в других — только с помощью данных инструментального анализа, без функционального анализа. В ряде случаев Джоунз отрицает функциональную значимость некоторых фонем на основании отсутствия фонетического коррелирующего элемента бинарного противопоставления значимых элементов языка в данной оппозиции, что дает ему повод сомневаться в необходимости постулирования функциональности вообще. Однако именно рассуждение Джоунза о невозможности вывести функциональность фонемы, не имеющей бинара, представляет для нас интерес. Действительно, если семантическая функция фонемы устанавливается только с помощью метода бинарных оппозиций и метода субституции фонем в этих оппозициях, то некоторые фонемы вообще могут не получить статуса фонемы, так как не различаются в плоскости бинарных противопоставлений. Однако, как уже было показано выше, в плоскости бинарных противопоставлений (т. е. на интеруровне) происходит выделение (и соответственно своего рода функциональная деятельность) аллофонов (но не фонем), предполагающее не обязательное обоюдное противопоставление друг другу всех аллофонов всех фонем. Из этого следует, что нельзя отрицать функциональности таких фонем, как /b/ и /п/ или /п/ и /z/ в английском языке только на основании того, что они не коррелируют на уровне бинарных оппозиций.

Представляется также характерным рассуждение Джоунза относительно того, что семантическая функция фонемы обуславливается субституцией звуков (вариантов) разных фонем (см. выше). Сам Джоунз не делает никаких дальнейших выводов из своего заключения. Однако эти выводы напрашиваются сами собой. Из этого рассуждения Джоунза со всей очевидностью следует, что он смешивает семантическую функцию фонемы с функциональной значимостью звука, но в то же время он оказывается прав, замечая, что в бинарной оппозиции понятие фонемы заменяется понятием звука (варианта, аллофона). Вместе с тем из всего его рассуждения в целом неизбежно сле-

дует, что звук отличается от фонемы тем, что он семантически функционален, в то время как фонема не функциональна. Как ни парадоксален этот вывод, но он оказывается верен для всех тех случаев, когда семантическую функцию фонемы пытаются обнаружить непосредственно в материальной реальности, в одной точке речевого континуума, где реализуется только часть материальной наполненности фонемы.

Концепцию Джоунза можно подвергнуть критике и с других позиций. Исходя из содержания его теории фонемы можно сделать заключение, что фонема в его понимании — единица иного плана, чем тот, в котором мы имеем последовательности звуков, составляющих фонему — класс звуков. Видимо, фонему — класс звуков, не присутствующую в синтагматической цепи, где, согласно Джоунзу, присутствуют только звуки, следовало бы отнести к парадигматической системе, где она функционирует только как сумма слагаемых, представляющих собой реализации, перенесенные по принципу антропофонического сходства из синтагматики в парадигматику. Остается непонятной ценность ее функционирования в синтагматике, где, впрочем, согласно Джоунзу, функционируют не фонемы, а звуки. Не совсем ясна и функциональная значимость фонемы в парадигматике, поскольку вообще концепция функции фонемы Джоунза в целом не убедительна и ограничена рамками бинарной оппозиции.

Суммируя все вышесказанное в отношении теории фонемы английской фонетической школы в лице главы этой школы Джоунза, следует еще раз указать на то, что неправильная посылка, из которой исходит Джоунз, выдвигая тезис о функциональности фонемы как противопоставления звуков в бинаре, заключается в том, что он приписывает роль семантического дифференциатора звуку, а не фонеме, что вообще довольно характерно для так называемой тагмемической фонологии. Смещение функции звука и функции фонемы проявляется, в частности, в многочисленных (и прагматически верных) утверждениях о том, что материальная реальность непосредственно функционирует в плане содержания языка (см., например, утверждение Мартине, что «глоттальная смычка, щелкающие, раскатистое или грассирующее *r* могут в разных языках выполнять разные функции» (имеются в виду, конечно, семантические функции) — Мартине, 1963, 410; ср. также вышеприведенные примеры из Сэпира и Пайка). Такого рода утверждения, сыгравшие свою положительную роль на заре фонологии, когда понятие фонемы необходимо было разграничить с понятием звука, оказываются сомнительными при более пристальном и углубленном анализе соотношения функциональной и материальной реальностей фонемы. Эти утверждения основаны на той ложной посылке, что звук непосредственно может выполнять лингвистическую функцию, т. е., например, смыслоразли-

чительную, словоразличительную или конститутивную (конструктивную, строительную), и именно из этой ложной посылки исходит Джоунз, утверждая, что звук семантически функционален. На самом деле, понятия звука и фонемы не расчленены у Джоунза (и не соединены одновременно воедино на основе общелингвистического подхода к этим реалиям). Та амбивалентность понятия фонемы и ее функции, которая характерна для американского структурализма, в значительной степени (правда, в несколько другом виде) характерна для английской фонологии.

Различение материального и лингвистического в фонеме нашло особое отражение в фонологической концепции пражского структурализма. Функциональность звукового аспекта языка становится основным тезисом пражской фонологии. В Тезисах Пражского лингвистического кружка, напечатанных в 1929 г. к I съезду славистов, язык объявляется функциональной системой, т. е. целенаправленной системой средств выражения, в которой звук различается и как объективный физический факт и как элемент функциональной системы (Тезисы Пражского лингвистического кружка, 1956, 427, 430). В связи с тем, что функциональный аспект занимает такое важное место в концепции, которую нам предстоит анализировать, следует более подробно остановиться на термине и понятии «функция», появившихся отнюдь не с возникновением пражского структурализма и получивших различную интерпретацию в разных лингвистических школах и у разных лингвистов.

Мы не будем детально рассматривать проблемы, связанные с функциональностью языка вообще. Эти проблемы достаточно широко и подробно освещались в советской лингвистической литературе (Чикобава, 1959; Пазухин, 1963; Леонтьев, 1968; Аврун, 1975; Панфилов, 1977). Даже обзор основных точек зрения по этому вопросу мог бы составить целую главу или даже книгу.

Имплицитное использование понятия функции в значении смысловоразличения мы находим уже в древних лингвистических учениях. В этих учениях звук различали с более высоко организованной единицей, единицей языка (см. выше). Высказывания филологов XIX в. о соотношении звука и значения были довольно случайными и не имели существенного значения для лингвистических концепций той эпохи. Ср., например, утверждение Гумбольдта о том, что в звуковой форме важнейшим моментом является обозначение понятий (Гумбольдт, 1956, 82—84). Шлейхер также учитывает связь звуковой материи со значением и отношениями (функциями), понимая под отношением выраженную звуками соотношенность между представлением и понятием, с одной стороны, и значением, с другой стороны (Шлейхер, 1956, 93). Потевня выделяет в звуковом аспекте знаменательное сочетание звуков и чисто фонетическое, не связанное со значением слова, — так называемые «звуковые слу-

чайности», которыми он, видимо, считает звуки, не могущие составить корень (Потебня, 1956, 119, 123). Акцент на важность семантических отношений появляется в неолингвистических тезисах (Бонфанте, 1956, 302—333), выдвинутых в качестве реакции на концептуальную установку младограмматиков. Младограмматики, как известно, фонетику, физиологию звуков связывали не с семантикой, а с психическими процессами.¹⁸

Как первую работу, в которой указывается, что есть противоположения звуков, могущие служить в данном языке для дифференциации значений слов, и есть звуки, не используемые для этой цели, Трубецкой (и вслед за ним и другие языковеды — см.: Жирмунский, 1956, 73) упоминает работу Винтелера о керенцком наречии (Winteler, 1876). Высказывание о том, что «материальная единица существует лишь в силу наличия у нее смысла, в силу той функции, которой она наделена», есть также у Соссюра (Соссюр, 1977а, 172). При описаниях фонетических систем Соссюр употребляет термин «функция» в значении роли материально-субстантных единиц в фонологических описаниях (см. у него о двойных функциях некоторых звуков; например, об [i] и [u], с одной стороны, выступающих как гласные, с другой стороны, как согласные — Соссюр, 1977а, 94).

В современной фонологии функция также понимается не всегда одинаково. Так, в структурной лингвистике функцию фонемы усматривают в том, что фонемы составляют структуру слога (Pike, 1947, 13; Блумфильд, 1968, 133; Ельмслев, 1960в, 301).¹⁹ (См. также разработку систем вхождения фонем в слоги у Хокетта (слоги с разными типами вершин, простыми, сложными, гиперсложными в английском, мандарине, тотонак, маза-теко) — Хокетт, 1955, 75—76). Таким образом, под функциональностью фонем подразумевается специфичность их участия в структурно-фонетическом образовании слова вне связи с его значением, ибо выделение фонем из слога (или, наоборот, разделение слога на фонемы) производится чисто механически без

¹⁸ Фосслер, критикуя младограмматические концепции, объявляет фонетику, акустику, физиологию органов речи вспомогательными дисциплинами. Последние являются только условиями, в которых развивается язык, но никак ни причиной развития. Причину развития Фосслер видит в человеческом духе с его интуицией и считает при этом, что единство духовной причины следует сохранить и в фонетике (Фосслер, 1956, 292—293, 297). Критику эстетического идеализма Фосслера см., в частности: Аврорин, 1975, 34—35.

¹⁹ Примечательно, что Ельмслев, анализируя знаменитый труд Соссюра об индоевропейских гласных, подробно останавливается на той части его работы, где Соссюр условно сводит долгие гласные к комбинации простого гласного с особой единицей, которую он обозначил буквой А. Ельмслев считает, что Соссюр преследует здесь цель установить системные отношения, и пытается убедить читателя в том, что для Соссюра А было не конкретным звуком, а единичей системы, значимость которой определялась только ее способностью занимать определенное положение в слоге (Ельмслев, 1960б, 51).

привлечения значения. Зиндер считает, что фонемы служат не для дифференциации значений, а для дифференциации слов и словоформ, и что можно говорить о словоразличительной, словоопознавательной и форморазличительной функциях фонемы (Зиндер, 1979, 41). Зиндер выделяет также смыслоразличительную функцию фонемы, основанную на том, «что сами фонемы различаются между собой» в том смысле, что «каждая из них противопоставляется всем остальным фонемам данного языка» (Зиндер, 1979, 41—42). Уингсфильд определяет функцию фонем как единиц, необходимых только для алфавитного выражения (Jones, 1950, 8). Кацнельсон считает, что основной функцией фонем является «их дистинктивная значимость, их способность выступать в качестве различителей лексических и морфологических единиц» (Кацнельсон, 1971, 139). Для несегментных единиц Кацнельсон выделяет другие функции. Так, функцией синдемы (единицы, обозначающей единство ритмико-акцентуационного контура и отличаемой Кацнельсоном от просодемы) является интеграция сегментов, их сплочение в единицы различного формата, в то время как логическое ударение, являясь, согласно Кацнельсону, «гибридным образованием особого рода», выполняет «синтаксическую функцию ремизации», т. е. функцию «превращения данной словоформы в „рему“ или „ситуативный предикат“ предложения» (Кацнельсон, 1971, 139—141). Он присоединяется также к мнению Трубецкого относительно того, что фонема может выполнять функцию пограничного сигнала, но подчеркивает, что делимитативная функция фонемы возможна только при парадигматическом чередовании фонем в морфеме (Кацнельсон, 1971, 141—142).

Как было уже отмечено выше, функция в пражской школе определяется как целеустановка.²⁰ Эта интерпретация термина «функция» отличается от трактовки этого термина в школе копенгагенского структурализма, где он используется в значении «зависимость», «сеть отношений» (Ельмслев, 1960б, 297; Ельмслев, 1960а, 58). В более узком значении, т. е. по отношению к фонологическому аспекту языка, термин «функция» используется в значении «смыслоразличение», «дистинкция» значащих

²⁰ Ср.: «Лингвистическая концепция пражской школы имеет две особенности, которые обе одинаково важны и соответствуют тому новому, что внесла пражская школа в лингвистику. Это прежде всего структуральность: пражские языковеды вводят в лингвистическую проблематику проблему структурного характера языка и взаимосвязанности его частей. Во-вторых, и об этом не следует забывать, пражская лингвистика является функциональной. Термин „функция“ означает здесь, разумеется, задачу, а не зависимость. Таким образом, пражские лингвисты занимаются проблемой семиологии (...) возможно, что школа Ельмслева и заслуживает названия структуральной, но тогда пражская школа должна быть названа как-то иначе, или, по крайней мере, ей следует вернуть ее прежнее название — функциональная и структурная лингвистика» (Вахек, 1964, 250).

единиц (Трубецкой, 1960, 36—37; Мартине, 1960а, 60). Трубецкой, излагая учение о функции, постулирует также наличие в языке делимитативной и кульминативной функций (Трубецкой, 1960, 36, 299—325).

Представляется необходимым остановиться на некоторых деталях учения о функции фонемы в пражском структурализме. Так, для пражцев оказывается характерным то, что смысловоразличительная функция фонемы трактуется в форме прямой зависимости антропофонических характеристик от значений, которые выявляются через бинарные оппозиции. Здесь следует отметить, что трактовка функции в традиции пражского структурализма тесно связана с методом анализа языка с помощью установления отношений между языковыми единицами. Как указывает Матезиус, функциональный и структурный подход к языку восходит к Бодуэну и Соссюру (Матезиус, 1960, 91).

Учение о смысловоразличении Трубецкой начинает словами о том, что «понятие различия предполагает понятие противоположения, или оппозиции». Он утверждает, что «две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу, иными словами, лишь постольку между ними существует отношение противоположения, или оппозиции» (Трубецкой, 1960, 38). Однако в основе всякого противопоставления лежит прежде всего двоичное противопоставление. Таким образом, в основу всей своей концепции Трубецкой, так же как и американские структуралисты, кладет принцип бинарной оппозиции. Именно бинарные оппозиции являются отправной точкой всех систематизаций Трубецкого и всей его концепции фонемы, включая ее сегментацию и идентификацию.

Центральным моментом концепции фонемы Трубецкого, однако, является не функциональность фонемы как цельной, неделимой единицы (как в американском структурализме), а функциональность (релевантность) отдельных звуковых характеристик фонемы, которые он называет дифференциальными (различительными) признаками. «Фонолог, — пишет Трубецкой, — должен принимать во внимание только то, что в составе звука несет определенную функцию в системе языка» (Трубецкой, 1960, 18). Согласно Трубецкому, «большинство признаков, свойственных данному звуковому образованию, совершенно не существенно, так как они не функционируют в качестве различительных признаков слов» (Трубецкой, 1960, 18). Отсюда его определение фонемы как совокупности «фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» (Трубецкой, 1960, 45).

Концепция фонемы как пучка различительных признаков будет подробно рассматриваться в разделе о дифференциальных признаках (см. ниже). Однако уже здесь хотелось бы остановиться на некоторых особенностях этой концепции, связанных

с проблемой дифференциации материального от экстраматериального, лингвистического в фонеме как неделимой единице. Как видно из вышеприведенного определения фонемы, лингвистичность (функциональность) фонемы в отличие от звука заключается в том, что фонема состоит исключительно из функциональных характеристик, в то время как звук в отличие от фонемы состоит и из функциональных, и из нефункциональных характеристик. Так, «лингвистическая» сущность фонемы в форме суммы свойств, якобы участвующих в различении слов, противопоставляется «нелингвистической» сущности звука в форме суммы свойств, якобы участвующих и не участвующих в различении слов (см.: Трубецкой, 1960, 45). При таком интересном и остроумном решении вопроса о «фонологическом содержании» фонемы фонема как схематизированный и тем самым «абстрактный» звук (т. е. элемент, представленный в виде некоей «абстрактной» материальности) становится единицей парадигматического плана, подобно фонеме — классу звуков Джоунза, которая, правда, наделена совсем иным материальным содержанием. Между тем звук становится принадлежностью исключительно синтагматического плана. Впрочем, вопрос принадлежности фонемы к сфере языка, а звука — к сфере речи не прояснен у Трубецкого. Отсюда появление такого непонятного термина, как «звук языка» (Трубецкой, 1960, 45). Функционирование фонемы в синтагматике и парадигматике не раскрыто у Трубецкого. Не ясно, например, как фонема сегментирует речевой континуум и какова роль «звуков языка» и «звуков речи» в этом процессе, непонятна также роль фонемы как пучка в общекоммуникативной функции языка.

Можно предположить, однако, что соотношение фонемы — пучка и звука речи (т. е. соотношение материальной и лингвистической реальностей) как единиц двух разных сфер языка происходит следующим образом. На определенные точки речевого континуума, которые называются «звуками речи» (и которые, согласно определению, есть суммы существенных и несущественных признаков), из парадигматической плоскости в виде пучков существенных признаков, дискретизирующих речевой поток, спроецированы фонемы (поскольку последние являются также дискретными фонологическими единицами, составляющими цепь синтагмы). Из этого рассуждения неизбежно следует, что «звук речи» — это та материально-субстантная реальность, в которой манифестируется фонема, оставляя место для несущественных признаков. Таким образом, фонема оказывается частным по отношению к общему, т. е. звуку. Но пражский структурализм не отрицает того, что у фонемы есть реализации, варианты (т. е. «звуки речи»), в которых манифестируется фонема (Трубецкой, 1960, 46, 50, 56, 58) и которые есть, конечно, частное по отношению к общему. Из этого следует, что фонема является одновременно и частным по отношению к звуку и об-

щим (так же как и звук по отношению к фонеме), что, безусловно, противоречиво.

Несмотря на то, что в идее фонемы пражцев акцент сделан на ее функциональность (которая, собственно, и должна служить основанием для ее противопоставления как единицы лингвистической, структурной единице материальной, т. е. звуку), во многих определениях фонемы, данных разными представителями рассматриваемого направления, содержатся прямые указания на то, что фонема — это звук.²¹ Так, согласно Якобсону, фонема — это совокупность звуковых свойств, которыми звук данного языка отличается от других звуков того же языка, рассматриваемых как средство различения слов (Jakobson, 1932, 608). (Ср. также: «...фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию — Трубецкого, 1960, 42—43); «...фонема входит в систему звуков...» — Horálek, 1954, 34.)

Причину противоречивости некоторых положений, выдвигаемых пражскими структуралистами, можно усмотреть, в частности, в том, что понятия парадигматики и синтагматики (у Трубецкого — понятия языка и речи) не увязаны с особенностями соотношения материальной и лингвистической реальностей фонемы, а также в том, что это соотношение недостаточно глубоко разработано представителями этой школы.

Концепция фонемы Трубецкого представлялась бы более оправданной, если бы модель фонемы как пучка релевантных признаков была представлена им как психолингвистическая модель кода, имеющая однозначно выраженный материальный характер и отраженная в нашем сознании как единый акустический образ. Впрочем, возможно, эта модель вызвала бы критические замечания со стороны специалистов в области психолингвистики.²²

Проблема соотношения лингвистической и материальной реальностей фонемы решалась как постулирование абстрактности, инвариантности фонемы, как категориальности общего по отношению к частному, или неизменного по отношению

²¹ Как справедливо указывает Фишер-Ергенсен, устанавливая оппозицию как фундаментальное понятие, пражская школа определяет ее как звуковое различие, которое в данном языке может служить для различения интеллектуальных значений (Fischer-Jørgensen, 1975, 23). Ельмслев также считает, что пражская школа понимает фонему как фонетическую абстракцию (Ельмслев, 1960б, 52).

²² В этой связи полезно было бы вспомнить критику менталистов Туодделлом, причисляющим к ним Трубецкого, Бодуэна, Бенни, Sommerfeldта и Сэпира (Twaddell, 1958, 56). Правда, Туодделл ссылается на раннюю работу Трубецкого «К общей теории фонологической системы гласных», где психологизм его фонологических представлений был слишком очевиден (Trubetzkoy, 1929).

к изменяющемуся.²³ Фонему называют иногда абстракцией, полагая, очевидно, что этим определением можно исчерпать то содержание, которое фонема должна иметь как лингвистическая реальность. Джоунз называет фонему абстракцией, видимо, имея в виду, что фонема как класс звуков более абстрактна, чем вариант, который тоже, впрочем, абстрактен по отношению к конкретно произносимому звуку. Фонему определяют также как инвариант высшей степени (Ельмслев, 1960в, 320). Мартине считает, что понятия фонемы и звука как инварианта и варианта были установлены в английской фонетической школе и пражскими фонологами (Мартине, 1960б, 448). (Об инвариантности фонемы см. также: Якобсон, Халле, 1962, 240.) Используя логико-понятийные определения категорий абстракций, фонему причисляют к абстракциям второй степени, интерпретируя ее как общее по отношению к частному (Касевич, 1971, 55).

Критика понимания фонемы как инварианта и как абстрактного звука уже имела место на страницах нашей печати (Солнцев, 1971, 212—225)²⁴ (об «абстрактности» фонемы см. также: Воронкова, Стеблин-Каменский, 1970, 16—17). Не останавливаясь подробно на самих понятиях инвариантности и абстрактности, которые могут пониматься по-разному как философско-логические понятия, обратим особое внимание на тот факт, что представители разных школ, выдвигающие принципиально разные концепции фонемы, определяя фонему как абстрактность или инвариант, пользуются одинаковыми терминами. Это убеждает нас не в том, что фонема — «абстракция»²⁵, а скорее в том, что фонема остается пока той лингвистической единицей, сущность и смысл которой пока еще не раскрыты до конца и, возможно, будут еще предметом дискуссий в течение многих лет. Хотелось бы также обратить внимание на то, что фонема — это не понятие (или не только понятие), но лингвистическая реальность, лингвистический факт языковой действительности. Другими словами, следует различать понятие фонемы и фонему как реальную лингвистическую единицу (кстати сказать, понимаемую по-разному). Поэтому рассуждения типа «фонема относится к звуку как понятие „береза“ относится к реально

²³ См. следующее определение инвариантности: «Инвариантность — это свойство величин, уравнений, законов оставаться неизменными, сохраняться при определенных преобразованиях координат и времени» (Философский словарь, 1972, 145).

²⁴ См. его определение фонемы как субстанционально-функционального понятия (Солнцев, 1971, 221). Ср. также: «... „абстрактный звук“, „звук вообще“ — это еще не фонема. Понятие фонемы предполагает функциональную характеристику. Фонема — есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков» (Солнцев, 1971, 219).

²⁵ См. у Энгельса: «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, 550).

существующим березам», которое иногда приходится слышать, несостоятельно, поскольку фонема — прежде всего не понятие, а реальная языковая единица. Между тем «береза» в качестве родового понятия, взятого в отвлечении от реальных предметов природы и возникшего как результат существования этих предметов, — не реальная единица, предмет природы, а только понятие. Поэтому отношение фонемы как реального факта языка к звуку как материально-субстантному факту физической или артикуляторной действительности есть отношение совершенно другого класса, чем отношение видовой понятийной категории к тем фактам действительности, на основании которых оно возникло на самом деле. Понятие березы относится к реально существующим березам так, как понятие фонемы относится к реально существующим фонемам.

Отношение фонемы к звукам можно, конечно, рассматривать как отношение общего к частному, ибо не подлежит сомнению тот факт, что фонема, имея реализации в речи, может относиться к ним как общее к частному. Однако определения такого рода не могут объяснить сущность фонемы, поскольку сумма реализаций фонемы не может составить лингвистического содержания фонемы, подобно тому как никакая сумма частей целого не может составить это целое. Кроме того, фонема как языковой факт функциональна (т. е. различительна и конструктивна) не как непосредственно наблюдаемая материальная реальность, а как структура, обнаруживаемая в функционировании этой материальной реальности, наблюдаемая только опосредствованно.

Трудности, возникающие при установлении отношений зависимости между материальным и лингвистическим в фонеме, привели некоторых исследователей либо к отрицанию существования фонемы как лингвистической реальности (Харрис, Туоделл), либо к отрицанию всякой материальной реальности фонемы (Ельмслев).

Харрис в результате сложнейшего фонологического анализа, в основе которого лежит принцип «от дистрибуции — к значению», вводимый им для определения того, что такое повторение (Harris, 1951, 7), приходит к выводу, что фонема является исключительно логическим символом и что по отношению к ней должны быть применены операции математической логики (Harris, 1951, 18).²⁶ Концепция фонемы и методы, используемые Харрисом для сегментации и идентификации фонем, восходят к методам и трактовке фонемы Туоделла, который, как известно, определяет фонему как «абстрактную фиктивную единицу»

²⁶ У Харриса есть, правда, другое определение фонемы, дающее несколько большее представление о ней, чем вышеприведенное, но оно тоже страдает чрезмерной абстрактностью. Так, он определяет фонему как репрезентацию фонематических дистинкций (Harris, 1951, 29—35).

(Twaddell, 1958, 67). К этому выводу Туоделл приходит, исследуя отношения, существующие между аллофонами, называемыми им микрофонами (см. раздел «Аллофоны»). Его более развернутое определение фонемы является, по всей вероятности, прототипом определения фонемы Харриса, чья концепция фонемы появилась позднее. Микрофонема (т. е. фонема), согласно Туоделлу, — это «сумма всех организованных элементов (микрофонем) одинаковых минимальных различий между формами» (Twaddell, 1958, 69). Если расшифровать эту строгую дефиницию фонемы, то ее содержание сводится к тому, что фонема — это сумма реализаций (аллофонов), с точки зрения Туоделла, реально существующих только в бинарных противопоставлениях значимых элементов (т. е. в минимальных парах). Его определение фонемы как суммы аллофонов отличается от других определений такого же рода совершенно иным представлением о сущности аллофона, чем скажем, у Джоунза, которое и привело Туоделла к «пессимистическому» отношению к сущности самой фонемы (см., например, его высказывание: фонема — фикция). В своей рецензии на Стетсона Туоделл определяет соотношение между лингвистической и материальной сущностью фонемы как отношение между лингвистически дистинктивным сигналом и его артикуляторными коррелятами, но не идет дальше этого очень общего определения (Twaddell, 1953, 416).

Концепция Ельмслева, главы Копенгагенской структуральной школы, неоднократно подвергалась критике именно за то, что фонема оказывается у него безразличной к звуковой природе языка, и вряд ли следует повторять все те справедливые аргументы, которые были приведены против общелингвистических постулатов глоссематиков, отрицающих материальность фонемы. Согласно глоссематикам, «лингвистика должна заниматься только анализом формы»,²⁷ «язык — средство трансцендентного», «форма независима и произвольна к материалу» (Ельмслев, 1960в, 265, 359, 310; ср. также: «Звук и значение обусловлены чистой формой, а не наоборот» — Ельмслев, 1960а, 63; «знаки состоят из незнаков — фигур» (т. е. фонем) — Ельмслев, 1960, 335).²⁸

Следует, однако, заметить, что именно отрицание у фонемы материальной выраженности снимает необходимость распутывать клубок противоречий, неизбежно возникающих при ана-

²⁷ Термин «форма» употребляется в данном случае в значении, противоположном тому, которое обычно используется в советской лингвистике, где формой языка называют его материальную выраженность в речи в виде звуков.

²⁸ В этом разделе не рассматривалась концепция московской фонологической школы, так как нам представляется, что та область, в которой представители этой школы разрабатывают свои положения, относится скорее к морфофонологии, чем к фонологии.

лизе соотношения материального и лингвистического в единицах функционального характера, и рассматривать план выражения и план содержания во всей сложности их взаимодействия.

Как видно из вышеизложенного, противоречивость разных концепций фонемы заключается в том, что материальная реальность фонемы отождествляется с лингвистической, неотчетливо дифференцируется с ней или заменяет ее, или отрицается. Причина этой противоречивости кроется в конечном счете в неотчетливом сопоставлении парадигматической и синтагматической плоскостей, в которых проявляет себя фонема и ее составляющие, а также в том, что сфера функционирования фонемы оказывается большей, чем обычно принято считать, и не ограничивается этими двумя плоскостями.

АЛЛОФОНЫ

Представляется необходимым остановиться особо на проблеме звука как дискретной единицы или иначе — реализации фонемы. Реализацию фонемы называют и понимают по-разному. Так, в лингвистических работах древних эпох звук, реализацию фонемы называли «dhavani» (см. об этом выше). Бодуэн де Куртенэ использовал для этого понятия термины «модификация» и «дивергент» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 163, 119, 125), Щерба — термин «оттенок» (Щерба, 1974, 119, 122, 132 и др.). В современной лингвистической литературе реализацию фонемы, находящуюся в определенном положении в слове (в начале, середине, конце) или в известной зависимости от слога, называют позиционным вариантом, или позиционным аллофоном,²⁹ в то время как звук, находящийся под влиянием артикуляции соседнего звука, называют комбинаторным вариантом или комбинаторным аллофоном (Зиндер, 1960, 43—44; Зиндер, 1979, 45—48). В московской фонологической школе термин «вариация» соответствует общепринятому термину «реализация» (Реформатский, 1967, 216, 217, 219 и др.).³⁰ Вместо термина «аллофон» предлагают употреблять термин «аллофонема», в котором принадлежность фонемы норме языка подчеркивается эмическим суффиксом, между тем как термин «аллофон» как бы низводит реализацию фонемы на уровень речи (Маслов, 1975, 53, 59).³¹ Американские структуралисты реализацию фонемы называют, в основном, аллофоном, но различают также суб

²⁹ Термин «аллофон», по-видимому, первый предложил Уорф (Хэмп, 1964, 35).

³⁰ Услар различал «звукоколичество», т. е. реализацию фонемы, изменяющуюся в зависимости от окружения, ударения и т. п., и «звукокачество», которым он, видимо, подразумевал фонему (Услар, 1888, 11).

³¹ В связи с этим хочется напомнить высказывание Щербы о том, что термин не так важен, как понимание, но что термин зачастую является хорошим memento (Щерба, 1974, 116).

фонемные варианты и позиционные варианты (Хэмп, 1964, 35—36). Для обозначения реализации фонемы употребляют также термин «дополнительный член» (см. об этом: Jones, 1950, 8). «Микрофонема» Туоделла (Twaddell, 1958, 55—81) — эквивалент терминов «аллофон», «вариант», «оттенок», «дополнительный член», «дивергент», «звукоколичество».

Реализации фонемы объединяют иногда в классы, образующие системы, иногда просто различают разные типы реализаций, не сводя их в системы. Так, в пражской школе различают индивидуальные, основные, комбинаторные, стилистические, факультативные варианты (Вахек, 1964, 40). Суодеш различает просто варианты (частичные и основные), обусловленные варианты (частичные и основные), которые, в свою очередь, разграничиваются на фонетически обусловленные и структурно обусловленные (Swadesh, 1958, 33). (См. также общefonологическую систему дискретных звуковых элементов у Палмера, где фонемы составляют монофоны и метафоны — Palmer, 1931, 52.) Интересна иерархическая система реализаций фонем, предложенная Масловым, который выделяет два класса реализаций, («аллофонем»). — обязательные и факультативные. Обязательные делятся, в свою очередь, на основные и специфические, в то время как специфические делятся на комбинаторные и позиционные в узком смысле, причем как факультативные, так и обязательные аллофонемы представляют собой факт языка, а не только факт речи (Маслов, 1975, 58).

Многозначность терминов, используемых по отношению к реализациям фонем, и их различная систематизация свидетельствуют о том, что реализации фонемы играют немаловажную роль в функционировании языка. Но прежде чем перейти к непосредственному анализу реализаций фонемы, которые мы, следуя широко распространенной в настоящее время традиции, будем называть аллофонами, хотелось бы высказать некоторые соображения о проблеме дискретности языковых элементов, которая, как нам представляется, очень тесно связана с понятием аллофона и с понятием фонемы.

Дискретность языковых элементов была замечена уже в самых древних языковедческих работах. Вся так называемая «буквенная» фонология была отражением дискретности языковой структуры. Отдельные высказывания относительно дискретности языка появляются в языковедческих работах XIX в. Так, представление о языке как о форме, состоящей из элементов, восходит, как известно, еще к Гумбольдту (Гумбольдт, 1956, 76). В рассуждениях филологов XIX в. о «членораздельности» звука, в котором проявляет себя «мыслящая сущность языка», необходимая для того, чтобы «разум, выявляя в предметах общес, расчленяя и соединяя, создавал все более и более обобщающие единства» (Гумбольдт, 1956, 78, 79), были уже предпосылки представления о языке как о структуре, представляю-

щей собой иерархические системы с элементами, различающимися по степени их дискретности. Потебня также придавал большое значение «членораздельности» слова. Он противопоставляет ее тону, связанному, по его мнению, с эмоциональной стороной высказывания. Именно членораздельность позволяет, с его точки зрения, воспринимать слово не только через звук, но и, например, посредством зрения, способствуя абстрагированию элемента, членораздельного от самого звука (Потебня, 1956, 118). Эту же особенность человеческой речи отмечает Бодуэн, указывая, что отличие звукового языка человека от звуков животного состоит в делимости, членимости (т. е. дискретности) человеческой речи (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 263).

Видимо, фонетическая структура языка и речи как одной из сторон языка понималась в некоторых языковедческих работах XIX в. прежде всего как членимость, дискретность речи, противопоставленная неделимому потоку материальных реалий, существующих вне человеческого языка.

Понятие дискретности языковых элементов как необходимая предпосылка фонологического анализа стало аксиоматичным в современной лингвистике. Ср.: «Язык — средство дискретности» (Звегинцев, 1968, 103); «Монема (слово) — это единицы первого членения, в то время как фонемы — это единицы второго членения» (Мартине, 1963, 379); «Современная фонология показала, что дискретность звуковых элементов обусловлена их смыслоразличительной потенцией» (Постовалова, 1972, 58); «Лингвистические признаки дискретны и квантифицированы, так как находятся в контрасте с неделимостью нелингвистической реальности» (Ebeling, 1960, 15); «Смыслоразличительная функция фонемы основывается, разумеется, на том, что фонемы различаются между собой, что каждая из них противопоставлена всем остальным фонемам данного языка» (Зиндер, 1979, 41—42). Процедуры по определению контрастности звуковых элементов, а также процедуры субституции и коммутации, как это было показано выше, тоже основаны на той посылке, что звуковые элементы, под которыми подразумеваются фонемы, дискретны.

Зиндер уделяет особое внимание проблеме дискретности, лингвистичности не только фонем, но и аллофонов, что, в общем, не характерно для других фонологов. Так, он утверждает, что, если большая часть звуков русского языка может служить самостоятельными элементами, «то в этих случаях они являются в сущности словами или морфемами, а не звуками речи как таковыми» (Зиндер, 1960, 34). Он присоединяется к мнению Щербы, высказанному последним в «Русских гласных в качественном и количественном отношении», о том, что «возможность выступать в качестве смысловой единицы выделяет отдельный звук в потоке речи» (Зиндер, 1960, 35). «...Фонеме, — пишет Зиндер, — которая представляет собой дискретную единицу

в плане языковом, отнюдь не соответствует четко отграниченный сегмент в артикуляторно-акустической картине речи» и далее: «Физический коррелят фонемы в потоке речи весьма сложен. Это не просто отрезок речевой цепи в артикуляторно-акустическом плане. Тем не менее фонема может быть выражена такого рода отрезком (сегментом, звуком речи) и противопоставлена тем отрезкам, которые представляют все другие фонемы в изолированном произнесении (в том, что Л. В. Щерба назвал „типичным оттенком“)» (Зиндер, 1970, 377).

Данные, полученные в результате экспериментально-инструментальных исследований речи, развернувшихся в начале XX в., во многом повлияли на фонетико-фонологические исследования и поставили по-новому вопрос о дискретности звуковых элементов, поскольку было обнаружено, что физически и артикуляторно речь представляет собой непрерывный континуум, а не дискретную последовательность звуков (см.: Panconcelli-Calzia, 1924; Scripture, 1902; Menzerath, Lacerda, 1933; Zwirner, 1939; Fant, Lindblom, 1961; Pilch, 1962).

Однако именно то, что речь стали считать одновременно и континуумом, и последовательностью звуков, и последовательностью фонем явилось основанием для развития разных концепций аллофона (а также разных концепций фонемы). Впрочем, если проблема фонемы получила широкое освещение в фонологической литературе, то проблема аллофона, как правило, рассматривалась как побочный вопрос, связанный с второстепенными моментами функционирования фонем. Тем не менее представляется возможным наметить три тенденции в интерпретации аллофона. Аллофон считают реализацией фонемы, ее физическим коррелятом в речи, т. е. исключительно единицей синтагматического уровня и исключительно материально-субстантной реальностью. Аллофон считают также лингвистической единицей, единицей языка. Кроме того, существует мнение, согласно которому аллофонов вообще нет.

Пожалуй, самой распространенной точкой зрения является та, согласно которой аллофон — это недистинктивная реализация фонемы, которой противопоставлена дистинктивная материальная реальность — фонема. В соответствии с концепцией американского структурализма обе материальные реальности функционируют в синтагматической цепи и контрастируют по принципу: дистинктивный звук *versus* недистинктивный звук. Ср.: «Класс фонетически одинаковых сегментов, или отрезков, состоящих целиком из фонетически одинаковых сегментов, которые расположены в одинаковой последовательности, является аллофоном» (Bloch, 1948, 38). Или: «Класс таких фонов, которые все являются членами одной и той же фонемы и встречаются в одинаковом β -фонетическом окружении (в одной и той же позиции)» (Hockett, 1958, 101). Из этих определений очевидно следует, что аллофон не функционален как единица

языка, а лишь репрезентирует фонему в речи. Палгрэм называет аллофон недистинктивным подклассом, рассматривая его как единственный факт, событие, и утверждая, что фонема реально не существует (Pulgram, 1961, 72). Постулирование недистинктивности аллофонов с позиции американского дескриптивизма основано на той посылке, что аллофоны, находясь в комплементарной дистрибуции в синтагматической цепи, не выполняют семантической функции и являются недистинктивными звуками в отличие от фонем — дистинктивных звуков. Как было показано выше, одно положение исключает другое, и поэтому вся концепция аллофона как недистинктивного звука, обратной стороной которой является утверждение, что фонема — дистинктивный звук, тоже оказывается, таким образом, неверной. Однако концепция аллофона как материальной реализации фонемы в речи находит приверженцев и в других школах. Спорным представляется не то, что аллофон — реализация фонемы, а то, что аллофон существует как дискретная реальность. Между тем последнюю принято связывать со структурностью языковой системы. Действительно, каким образом можно сегментировать материально-субстантный континуум, не применяя лингвистического членения, не используя семантического критерия, и утверждать одновременно, что реализация фонемы — дискретная единица (языка или речи в данном случае, пока не существенно)? Неубедительным в понимании аллофона американскими структуралистами и другими приверженцами точки зрения, согласно которой аллофон — только фонетическая единица речевой действительности, является то, что она основана на той посылке, что аллофон выделим в синтагматической цепи. Выделить дискретную единицу плана выражения (будь то аллофон или фонема), не используя семантического критерия, представляется между тем совершенно невозможным. Ведь использование семантического критерия обязательно предполагает так называемую «парадигматическую» оппозицию значимых элементов.

Таким образом, сегментация аллофона, вычленение дискретной единицы в синтагматической последовательности оказывается абсолютно невозможным на уровне синтагматики. Однако противопоставление фонем в так называемой парадигматике, где противопоставление носит характер двоичной оппозиции (ср. методы коммутации и субституции), обычно предполагает выделение фонем, а не аллофонов. Однако двоичная оппозиция не может служить критерием выделения фонем, так как фонемы — члены множественных противопоставлений.

Соображения о функциональной значимости аллофонов содержатся в работах пражских структуралистов. Так, функцией комбинаторных вариантов считают их сигнализацию о непосредственном соседстве другого языкового элемента: о наличии либо определенной фонемы, либо границы слова (или мор-

фемы), либо того и другого одновременно. Как указывает Трубецкой, «там, где комбинаторный вариант сигнализирует о наличии границы слова или морфемы, его функция относится к сфере языка (*langue*)». Ведь разграничение морфем в составе слова, по выражению Есперсена, является «глоттическим не в меньшей степени, чем различие слов» (Трубецкой, 1960, 316). Однако, с другой стороны, Трубецкой относит аллофон к сфере синтагматики: «...комбинаторный вариант, указывающий на наличие какой-либо фонемы в непосредственном окружении, явно нужно отнести к сфере речи (*parole*), ибо только для речевого акта имеет смысл добиваться надлежащего восприятия фонемы не только путем ее реализаций, но еще и посредством дополнительных моментов в реализации окружающих фонем. Это стремление обеспечить восприятие как раз и предполагает установку на говорение, столь характерное для речи (*parole*), но чуждую языку (*langue*) как таковому» (Трубецкой, 1960, 316). Таким образом, согласно Трубецкому, аллофон принадлежит сразу двум плоскостям — и парадигматической, и синтагматической. Трнка указывает на то, что аллофоны некоторых фонем выделяются по дистинктивным признакам (Трнка, 1939, 25—27), другими словами, он признает их функциональную релевантность. Впрочем, в целом пражцы рассматривают аллофоническую корреляцию как экстрафонологическое явление (Jakobson, Trubetzkoy, Vachek, 1968).

Как уже говорилось выше, согласно Маслову, аллофон (аллофонема) принадлежит языковому уровню, и в этом смысле позиция Маслова более последовательна, чем позиция Трубецкого. Однако, как следует из текста его размышлений о звуковых элементах языка, он различает не только аллофон (аллофону) и фонему, но также фон, фонему и звук. (Ср., например, его высказывание о том, что звук выполняет определенные функции в языке и речи, являясь фоном в потоке речи и фонемой в системе языка — Маслов, 1975, 49.) Если различие между фонемой и аллофоном в концепции Маслова представляется совершенно отчетливым, то связь между аллофоном, звуком и фоном не очень понятна.

Зиндер также подчеркивает лингвистичность аллофона: «Глубоко ошибочно мнение будто аллофоны не имеют никакого лингвистического значения ... они являются зародышами будущих самостоятельных фонем» (Зиндер, 1979, 51). Созвучной этой точке зрения представляется высказывание исландского фонетиста Пьетурсона о том, что звуки языка существуют только как реализации фонем, т. е. что звук — дискретен и тем самым лингвистичен только как дискретный элемент фонемы (Pétursson, 1978, 101). Мартине указывает на ассоциативную функцию аллофона, суть которой, впрочем, не очень ясна (Martinet, 1949, 7).

Критические замечания по поводу предложенных трактовок функциональности аллофона могут быть сведены к следующему. Делимитативная функция аллофона (автор—Трубецкой) еще не достаточно исследована и в отдельных конкретных случаях опровергнута данными экспериментально-фонетического исследования (см. Бондарко, Зиндер, Светозарова, 1968). Предположения Трубецкого о том, что аллофон, с одной стороны, принадлежит речевому уровню, а с другой — языковому, внутренне противоречивы и недостаточно аргументированы. Точки зрения других авторов о принадлежности аллофона к языковому уровню и о его функциональности представляются в принципе убедительными, но, к сожалению, не подтверждены соответствующими аргументами, фрагментарны и, во всяком случае, не составляют последовательных концепций, в которых были бы сопоставлены лингвистические реальности аллофона и фонемы, а также материально-субстантные особенности обоих фонологических элементов.

Интерпретация звука как лингвистической единицы, вычлененной путем противопоставления друг другу звуков в одинаковом положении, представлена в концепции фонемы Туоделла. Согласно этой концепции, следует различать микрофонемы (т. е. то, что называют реализациями, аллофонами, аллофонами, метафонами и т. д.) и макрофонемы (т. е. то, что принято обычно называть фонемами). Микрофонема, согласно Туоделлу, — это элемент (*term*) минимального фонологического различия, которое определяется отношениями между членами класса фонологически минимально различающихся форм (Twaddell, 1958, 72). Различие и сходство между микрофонемами устанавливается по пропорциональным отношениям между сходными звуками. Для установления инвентаря макрофонем Туоделл разрабатывает логически последовательную процедуру, состоящую из тринадцати этапов, девять из которых относятся к выделению микрофонем. Анализ начинается с постулирования того, что в имеющейся языковой общности есть одинаковые и различные акты речи, представляющие собой фонетические события. Затем эти акты речи группируются в организованные классы по принципу установления «регулярно повторяющихся фонетических различий между фракциями фонетических событий, соответствующих некоторым формам» (Twaddell, 1958, 70—71; ср., например, английские формы *beet* : *bit* : *bait* : *bat*, которые, согласно Туоделлу, являются абстракциями по отношению к фонетическим событиям — Twaddell, 1958, 71); *i*, *ɪ*, *ε*, *æ* в указанных формах — это символы, обозначающие элементы фонологических различий. Различие между любой парой символов указывает на различие между существующими формами. Фонологическое различие соответствует последовательно повторяющемуся различию между «*beet*», произнесенному А, В, С... N, в сравнении с «*bat*», произнесенному А, В, С... N.

Фонетические различия группируются в организованный класс отношений. Соответственно фонологические различия, абстрагированные от фракций актов речи, произнесенных А, В, С . . . N, образуют также организованный класс отношений. Отсюда следует, что различные элементы этих отношений являются элементами минимальных фонологических различий (Twaddell, 1958, 71).

Цель всей процедуры Туоделла — установление единиц, абстрагированных от фонетических событий, от конкретного звучания (но тем не менее соответствующих им), а также (и это самое важное в его концепции) — постулирование отношений как единственной значимой фонологической реальности. Так, например, *i* в форме «beet» не является микрофонемой в абсолютном смысле, а только в сравнении с *i* в форме «bit». Из этого следует, что звуки (или в терминах Туоделла «фонетические события», не коррелирующие по дистрибуции в акте речи, не могут стать фонологическими реальностями, так как они не попадают в класс минимально отличающихся фонологических форм. Следовательно, звуки (фонетические события) становятся лингвистическими событиями только как члены множества дихотомий, где единственно релевантным оказывается их одинаковая дистрибуция в минимальных парах. Отличие реализации фонемы в общепринятом смысле от микрофонемы заключается, таким образом, в максимальной степени абстрагирования материально-субстантной реальности путем учета только тех фонетических событий, которые попадают в так называемые классы минимально отличающихся форм. Звуки, не попадающие в разряд туоделловских микрофонем (а такие звуки есть, конечно, в любом языке), остаются вне фонологической системы и не попадают и в систему макрофонем (т. е. фонем). Попутно следует заметить, что способ организации микрофонем (аллофонов) в макрофонемы (фонемы) по форме процедуры не отличается от традиционного группирования аллофонов в фонемы, в то время как выделение аллофонов и их общая трактовка не традиционна.

Положения Туоделла иллюстрируются следующими примерами из английского языка. Туоделл устанавливает ряды, классы следующих минимальных форм, имеющих симметричные дистрибуции звуков:

pill — nap
till — gnat
kill — knack
bill — nab.

Эти ряды иллюстрируют, что начальные /p, t, k, b/ обладают артикулярными признаками, совершенно одинаковыми с признаками конечных /p, t, k, b/ в других классах: оба /p/ — биллабials, оба /t/ — альвеолярные глухие, оба /k/ — па-

латовелярные глухие, оба /b/ — билабиальные звонкие. Следовательно, каждая пара указанных согласных составляет одну микрофону. Так, начальные микрофоны /p, t, k, b/ и конечные /p, t, k, b/ объединяются соответственно в одну микрофону /p, t, k, b/. Однако те звуки, которые не коррелируют, не могут составить макрофону. Так, если в формах pill — bill имеется фонологическое различие, то в формах spill — sbill нет такого фонологического различия, так как в этом положении глухость не дистинктивна (Twaddell, 1958, 74). Отсюда следует, что /p/ и /b/ после /s/ не входят ни в микрофону /p/, ни в микрофону /b/.³²

Концепция аллофона (микрофоны) Туоделла представляется наиболее развернутой и оригинальной из всех имеющихся концепций аллофонов. «Лингвистичность» звука, подсказываемая самим термином «микрофона» (ср. «аллофону» Маслова), обнаруживается в том, что Туоделл вычленяет звук и «фонологизирует» его, исходя из противопоставлений значимых элементов языка (в данном случае слов, а не морфем). Ценность теории аллофона Туоделла заключается именно в том, что он предлагает строго продуманную процедуру сегментации звука из речевого континуума, основанную на так называемой «парадигматической» оппозиции, учитывающей значение как один из непеременимых факторов лингвистического анализа. Однако концепция аллофона и фонемы Туоделла вызывает некоторые возражения. Излишняя формализация анализа Туоделла проявляется в том, что семантический аспект его анализа отодвигается на второй план за счет регулярности и симметричности звуковой дистрибуции. Излишней кажется и педантичность в определении этапов сегментации, которые можно было бы свести к значительно меньшему количеству ступеней. Неубедительным представляется также функционирование аллофонов только как членов оппозиций и приписывание, в сущности, нулевой функции тем звукам, которые не встречаются регулярно в одном и том же дихотомическом противопоставлении. Кроме того, сегментация и отождествление фонемы как суммы оппозиций, представленной в виде аллофонических бинаров, является формализацией, упрощающей реальную действительность. На самом деле, отношения между аллофоном и фонемой более сложны. Макрофона и микрофона различаются между собой не как абсолютная и относительная сущности, что следует из всей концепции Туоделла, а как продукты разных планов языка и разного класса противопоставлений. Недостаток анализа Туоделла заключается также в том, что сегментация слова на микрофоны методом противопоставления ми-

³² Ср. определение макрофоны как суммы всех одинаковых организованных элементов (микрофонов) одинаковых минимально фонологических различий между формами (Twaddell, 1958, 69, 73).

нимальных пар предполагает проведение предварительного членения слов, входящих в эти пары. Это предварительное членение между тем не проводится ни Туоделлом, ни другими исследователями, пользующимися указанным методом (см. Зиндер, 1970б, 105—109).

Проблема аллофона решается также путем устранения аллофона из фонетико-фонологической системы, т. е. путем устранения понятия звука как дискретной единицы плана выражения языка. Согласно Ельмслеву, физическое и физиологическое описание звуков — область физики и физиологии, поскольку областью лингвистики является анализ формы (Ельмслев, 1960в, 265, 335). Следовательно, аллофоны, реализации с точки зрения Ельмслева — это вообще не существующие лингвистические события.

Своеобразное разрешение вопроса дихотомии «аллофон — фонема» предлагает Пильх. Как замечает Пильх, корни противоречий, вытекающих из противопоставления «фонологии» и «фонетики» как двух наук, одна из которых занимается звуками речи, а другая их лингвистической классификацией, заключаются в том, что речь обычно считают и физическим континуумом и последовательностью дискретных элементов (Pilch, 1962, 900).³³ Для разрешения этого противоречия Пильх предлагает выбрать три типа дескриптивного каркаса, три модели: артикуляторную, аудиторскую и акустическую фонетику, в которых определяются не звуки речи, а формы голосового тракта, ответы аудиторов и композиции звуковых волн — модели, анализируемые не как сегменты, а как продолжительности. В результате такой интерпретации особенностей речевого континуума устраняется идея звука как сегмента, реальность которого не может быть подтверждена экспериментально, между тем продолжительность становится выражением сущности лингвистических элементов. Так, звуковая дискретность заменяется в концепции Пильха дискретностью временной, необходимой для того, чтобы наблюдать коммуникацию между людьми посредством речи (Pilch, 1962, 900—901). Для устранения антиномии между фонетической и фонематической моделями Пильх вводит понятие метафонемы, которая рассматривается как воспринимаемый элемент измеряемой длины, обладающий определенными характеристиками, причем каждая метафонема, согласно Пильху, относится как 1 : 1 к фонемам исследуемого языка (Pilch, 1962, 902). Таким образом, в основу концепции Пильха положено психическое представление об артикуляторных и акустических характеристиках континуума, восприятие которых, как утверждает Пильх, имеет временную, а не материально-субстантную дискретность.

³³ Более подробно концепцию Пильха см.: Pilch, 1964.

Несмотря на то, что Пильх как будто бы остроумно преодолевает такой трудный барьер, как сегментация речевого континуума на дискретные и материально выраженные единицы тем, что не использует звук, аллофон, как элемент фонологического анализа, он тем не менее все равно пользуется понятием дискретности. Устраняя понятие звука из своего анализа, Пильх все-таки использует его, заменяя звук понятием психолингвистической фонемы (в его терминологии «метафонемы»), соответствующей по длительности определенному отрезку времени. Он пытается убедить нас в том, что не семантика и не субстанция, а время участвует в выделении воспринимаемой нами из континуума речи фонемы. Согласно Пильху, фонема имеет дискретно-временную продолжительность и время становится, таким образом, тем «лингвистическим» фактором, который сегментирует фонему. Переноса центр тяжести лингвистической реальности фонемы на время, Пильх тем не менее не может не утверждать одновременно, что мы воспринимаем реально существующий в синтагматической цепи материально-субстантный элемент, другими словами, звук, реализацию, аллофон. Та единица, которую экспериментаторы обнаруживают в синтагматической цепи, а аудиторы узнают как нечто дискретное — это тоже, по существу, звук. Если, согласно Пильху, его метафонема относится как 1 : 1 к так называемой реальной фонеме, то его метафонема — это тот элемент, который фонологи одинаково вычлениают из синтагматической цепи (почти аналогично фонеме), но по-разному интерпретируют. Более того, если метафонема имеет однозначную материально-субстантную выраженность как с точки зрения ее реального существования в синтагматике, так и с точки зрения ее тождественного восприятия, то она и есть звук, реализация, только «полученная» иным способом.

Зависимость между фонемой и аллофоном в концепциях некоторых авторов бывает выражена не очень отчетливо и часто бывает различна у различных авторов. Так, например, представление о фонеме как о пучке дифференциальных признаков у Трубецкого и его представление о функциональности аллофона не кажутся взаимосвязанными и, кроме того, не очень отличаются от представления об аллофоне у американских дескриптивистов. Трубецкой, так же как Хокетт и Блок, считает аллофон материальной репрезентацией фонемы в речи, т. е. единицей синтагматического плана. В то же время концепция фонемы Трубецкого и концепция фонемы Хокетта и Блока существенно отличаются друг от друга, если не считать того, что обе они основаны на представлении о фонеме как о звуковом элементе. Функциональность аллофона у Трубецкого, скорее, проявляется в том, что аллофон является совокупностью релевантных и иррелевантных признаков (однако сам Трубецкой трактует функциональность аллофона иначе). Туоделл считает аллофон фонологической единицей, так же как и Зиндер, но

их представления о сущности фонемы и о «фонологичности» далеко не одинаковы. И Пильх, и Ельмслев отрицают существование аллофона. Между тем они приходят к этому одинаковому выводу, исходя из совершенно разных положений.

Из анализа разных высказываний об аллофонах становится совершенно очевидным, что концепция аллофона как единицы синтагматической и нефункциональной и концепция, согласно которой аллофонов нет, — несостоятельны. Более убедительной представляется та точка зрения, согласно которой аллофон считают «зародышем» фонемы, единицей языка (Зиндер, Маслов). Однако в связи с этим встает вопрос о том, какова роль аллофона в языке, в каком смысле он «зародыш» фонемы, каковы функциональные соответствия аллофона и фонемы, какое место аллофон занимает в системе языка?

План выражения языка можно представить в виде связанных между собой трех плоскостей фонологической системы языка: парадигматической плоскости, плоскости бинарных противопоставлений, или интеруровня, и синтагматической плоскости. Парадигматическая плоскость (или иначе уровень множественных противопоставлений) — это плоскость, в которой фонемы, дискретные единицы высшего порядка, множественно противопоставлены друг другу, т. е. плоскость, в которой каждая фонема противопоставлена всем другим, встречаясь в множественно противопоставленных друг другу значимых единицах языка. Плоскость бинарных противопоставлений, или интеруровень, — это фонологическая плоскость, в которой дискретные единицы первого порядка противопоставлены друг другу двоично, встречаясь в бинарно противопоставленных друг другу значимых единицах языка. И, наконец, синтагматическая плоскость — это плоскость, в которой и фонема, и аллофон как дискретные единицы парадигматической плоскости и плоскости бинарных противопоставлений представляют последовательности, составляющие значимые единицы языка в линейном высказывании.

Аллофон является, таким образом, как бы результатом дискретизации, полученным на базе бинарных оппозиций значимых элементов языка, минимально различающихся между собой, и имеет однозначную материальную выраженность, тогда как фонема является результатом окончательной дискретизации, полученным на базе множественных противопоставлений значимых элементов языка, и имеет множественную материальную выраженность, в частности, в виде аллофонов, каждый из которых противопоставлен другому аллофону другой фонемы этой же системы.

Множественная материально-субстантная выраженность фонемы в парадигматике отличает ее от однозначной материально-субстантной выраженности аллофона в интеруровне и обеспечивает ей независимость от смежных фонем и различительность

от других фонем в парадигматике. Аллофон, между тем, как продукт первой ступени дискретизации (в отличие от фонемы как второй окончательной ступени дискретизации) зависит от смежных аллофонов в синтагматике и поэтому не может быть таким же структурным элементом в линейной последовательности значимых единиц языка, как фонема. Его ограниченная сфера противопоставленности в бинаре обуславливает его ограниченную сферу действия в синтагматической цепи.

Функция дискретизации речевого потока присуща и фонеме и аллофону, которые, таким образом, являются дискретными фонологическими единицами разных ступеней сегментации, или дискретизации. Существенно то, что функцию различительную (или конститутивную, которая является оборотной стороной различительной) в синтагматической цепи выполняет только фонема как единица, независимая от окружения (или точнее последовательность фонем). Аллофон, между тем, составляет дискретную структуру фонемы в виде непротивопоставляемых друг другу в синтагматике единиц. Аллофон не может обеспечить полную дискретизацию речевого континуума именно в силу своей позиционной зависимости. Различительную функцию в языке выполняет исключительно фонема как продукт абсолютной дискретизации. Аллофон может выполнять «различительную функцию» только в интеруровне на фоне бинарных оппозиций, т. е. не в языке, где сообщение и код взаимообуславливают друг друга и вместе выполняют коммуникативную функцию, а только в промежуточной сфере, которая не принадлежит ни языку, ни речи, ни коду, ни сообщению, но которая связывает эти языковые планы.

Абсолютная дискретизация речевого потока является предпосылкой для установления статичности языкового кода, осуществляемой через интеруровень, уровень бинарных противопоставлений. Языковой код как статичная система противопоставлен между тем непрерывности и динамичности речевой цепи, в которой аллофоны не могут обеспечить полную статичность, так как не могут полностью преодолеть непрерывность и динамичность речевого континуума.

Из этого следует, что контрастность в речи обеспечивается не единицами, тождественными звуку, а единицами с множественной материально-субстантной выраженностью (т. е. фонемами). Действительно, если бы в синтагматике существовала только контрастность звуков, то непонятно, каким образом в некоторых языках существовали бы последовательности одинаковых дискретных единиц (ср., например, двойные долгие гласные в эстонском и финском). Наличие таких последовательностей можно объяснить только тем, что гоморганные единицы дискретизированы в парадигматике, где каждая из них противопоставлена всем другим фонемам и поэтому может не подвергнуться ассимиляциям в синтагматике. В пользу того, что бинарная

контрастность аллофонов в синтагматической цепи не функциональна, говорит тот факт, что антропофонический контраст между соседними звуками может быть сведен к минимуму (или даже отсутствовать) и колебаться за счет аллофонических изменений, в то время как фонематическая дискретность будет оставаться постоянной.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Зарождение понятия различительного или дифференциального признака (ДП) как характеристики звука, выполняющей смыслоразличительную функцию (но, конечно, не сам термин), мы находим уже в самых древних «лингвистиках», а также в так называемой классической фонетике — в трудах Сиверса, Есперсена, Нурена и других фонетистов конца XIX — начала XX в. Но впервые это понятие было сформулировано в трудах Бодуэна де Куртенэ, где оно появляется под названием «акусма» и «кинема» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 199, 213, 253, 290, 310, 327). «Мы разлагаем фонемы на психические — произносительные и слуховые — элементы, которые уже не подлежат дальнейшему разложению. С точки зрения языкового исполнения, т. е. произношения, мы разлагаем фонемы на составляющие их произносительные элементы, или кинемы; с точки зрения восприятия мы разделяем их на слуховые элементы, или акусмы»; (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 199). И далее: «Сочетание кинем и акусм в единое целое составляет фонему» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 203); «Таким образом, фонема как сложная единица, единство которой обуславливается представлением одновременности исполнения нескольких работ, разлагается с точки зрения произносительной именно на представления этих работ, сопровождаемые каждое из них представлением соответственного мускульного чувства, а с точки зрения слуховой, акустической, на представления акустических оттенков цельного слухового или акустического впечатления, обуславливаемых именно этими отдельными работами» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 253). Или: «При семасиологическом различении таких слов, как *сад/зад, там/дам, кора/гора, суд/зуд, пал/бал...* семасиологизовано представление различия разных способов работы голосовых связок: раз раскрытие связок и отсутствие звонкости, другой раз, сближение и напряжение голосовых связок вместе с дрожанием, производящим впечатление звонкости. При семасиологическом различении слов *быть/мыть, баба/мама, дядя/няня, дам/нам...* семасиологизовано представление различия поднятия мягкого неба, закрывающего воздуху доступ в нос, и опущения мягкого неба с пропуском воздуха в нос. При семасиологическом различении слов *том/там, дом/дам, нос/нас...*, *сад/суд, зад/зуд...*, *пал/пыл, бал/был...* семасиологизовано представление различия разных укладов полости рта, обуслов-

ливающих впечатление то того, то другого гласного звука и вместе с тем хранение в психологическом вместилище всех наших представлений двух различных фонем, соответствующих их произносительно-слуховым обнаруживаниям» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 279).

Идея дифференциального признака есть также в трудах ученика Бодуэна де Куртенэ Крушевского. В реферате сочинения Соссюра «Мемуар о первоначальной системе гласных индоевропейских языков» Крушевский говорит о необходимости выделения в звуках речи частей или признаков, которые отделяют один звук от другого, что могло бы ассоциироваться с современным фонологическим понятием дифференциальных признаков (Крушевский, 1893). Представляется, однако, что то, что в данном случае может быть принято за дифференциальные признаки, на самом деле пока еще только стремление выделить чисто антропофонические свойства звуков вообще безотносительно к какому-либо определенному языку и без сознательного намерения вложить в эти антропофонические свойства функциональную значимость, функциональный элемент, участвующий в различении слов. «Мы воспринимаем звук как одно представление, — пишет Крушевский, — но это не значит, что мы не способны различать в нем разные качества, а значит, что эти качества порознь сами по себе не существуют. Например, в звуке *d* мы не способны различать, что он звук переднеязычный, эксплозивный, звонкий» (Крушевский, 1883, 4). Из приведенного высказывания можно скорее сделать вывод, что Крушевский воспринимает звуковую единицу как нечто целое, не разложимое на отдельные признаки психологически.

Звуковой признак как лингвистическая единица самого низшего ранга есть, как известно, у Блумфильда. Согласно Блумфильду, фонемы представляют собой не звуки, но только особенности звуков, которые носитель языка научился производить и опознавать в действительном звуковом потоке» (Блумфильд, 1968, 80).

Концепция фонемы Блумфильда как звукового признака, повторяющегося во всех своих положениях, или иначе — понимание фонемы как минимального тождества признаков подвергалось неоднократно критике, в том числе и со стороны его последователей — Туоделла и Блока (Twaddell, 1958; Bloch, 1948, 4). Так, Туоделл критикует чисто физический подход Блумфильда к фонеме, и в частности, его фонему-признак, аргументируя свои соображения тем, что такая единица не может быть обнаружена экспериментально. Критика Туоделла в основном убедительна, если не считать того, что самого Туоделла, использующего метод оппозиций «форм», отличающихся одной фракцией, можно было бы критиковать с тех же позиций, с которых он критикует Блумфильда. Действительно, макрофонемы (и микрофонемы) Туоделла — это элементы, которые также

нельзя обнаружить экспериментально и поэтому, видимо, нельзя противопоставлять, как это делает Туоделл.

Теория фонемы Блумфильда, с одной стороны, близка к физической концепции Джоунза, поскольку фонема-признак Блумфильда основана на том предположении, что одна антропофоническая черта связывает все сходные звуковые реалии, подобно тому, как в лондонской школе фонема — класс звуков объединяется в одну единицу по сходности признаков отдельных звуков. С другой стороны, она является первой концепцией, в которой признаку (еще конкретному, материально-субстантному, а не прикрытому завесой якобы надсубстантной, нефизической реальности) приписывается структурная значимость.

Элементы анализа фонем по дифференциальным признакам содержатся в работах Хокетта. Любые так называемые «фонемные» классификации содержат в себе идею дифференциальных признаков, по которым фонемы максимально экономно отличаются друг от друга и организуются в так называемую «систему». Так, в классификации гласных норвежского диалекта Листер, которую Хокетт представляет как систему фонем, основанную на параметрах контрастов и на числе контрастирующих точек в каждом параметре (Hockett, 1955, 83, 89), имплицитно присутствуют дифференциальные признаки, по которым, собственно, и проводится организация фонем в «систему». При выборе параметра признаков руководствуются, в сущности, не фактическими данными, а соображениями экономии. Так, например, при определении набора признаков можно выбирать из двух способов контраста между передними неогубленными и задними огубленными: контраст «передний — задний» (и тогда огубление становится второстепенным) или контраст «огубленный — неогубленный» (и тогда передняя и задняя артикуляция становится вторичной) (Hockett, 1955, 83). Произвольность выбора контраста приводит к возможности организации тех же самых фонем в разные системы. Однако целью второго этапа процедуры фонологического анализа (collation) является именно определение элементов, образующих дистинктивный контраст друг с другом, а также иерархическая организация этих элементов (Hockett, 1955, 149; Voegelin, Harris, 1951, 103, 107).

Хокетт пытается также разграничить признаки фонем (components) и признаки фонов (features), располагая их в своих диаграммах на разных уровнях. Так, определяя компоненты и признаки фонем и фонов, Хокетт отмечает, что английская фонема /p/ состоит из лабиальности, смычности и глухости, в то время как фон этой фонемы /p/ состоит из билабиальности, смычности, глухости и аспирации (Hockett, 1961, 41). Таким образом, дифференциальный признак у Хокетта называется компонентом. Однако в отличие от анализа, принятого в пражской школе структуралистов, компонент-дифференциальный признак Хокетта не выводится из оппозиций, а скорее утвер-

ждается на основании анализа фонемы как класса фонов. Компонент представляет собой первый (и самый маленький) элемент в иерархической последовательности элементов одной *stratum*, но разных *size-levels*. Ср.: макросегменты — $C \rightarrow$ микросегменты — $C \rightarrow$ фонемы — $C \rightarrow$ компоненты, где C — это страта, макросегмент — фонемная фраза, микросегмент — фонемное слово (Hockett, 1961, 36—37).

Основы понятия компонента как наименьшего лингвистического элемента заложены, по существу, во всех работах американских дескриптивистов, в которых есть анализ минимальных пар,³⁴ исследуемых либо для сегментации речевого потока с целью определения фонемного инвентаря, либо для установления релевантности некоторых фонетических характеристик фонем (см., например, Hockett, 1958, 16—17). В этом случае установление дифференциальных признаков фонем отчасти совпадает с аналогичной процедурой у Трубецкого, но не разработана с такой тщательностью.

Дифференциальные признаки как единицы, репрезентирующие самый низкий лингвистический уровень и названные фонемами (или компонентами), мы встречаем в работах представителей стратификационной фонологии (Lamb, 1966, 554—555).

Зиндер разрабатывает свою теорию признаков, в которой различаются дифференциальные (или постоянные) признаки, присущие всем оттенкам фонемы, и недифференциальные (или переменные), присущие отдельным оттенкам фонемы; эти признаки он называет также соответственно «фонемными» и «оттенковыми» (Зиндер, 1960, 49—51; 1979, 42—43). Трактовка фонемных признаков как постоянных элементов фонемы заключается в том, что совокупность определенных признаков должна оставаться тождественной в любой позиции по сравнению с другими фонемами данного языка. Дифференциальные признаки выступают в качестве определенного лимита, ограничивающего диапазон оттенков данной фонемы. Таким образом, функция дифференциальных признаков заключается не в том, что они как бы непосредственно участвуют в смысловом различии (как у Трубецкого), а в том, что они различают фонемы, составляющие слова и словоформы. Такое понимание дифференциального признака отличается от того смысла, который заложен в это понятие Трубецким и Якобсоном (см. ниже).

Согласно Зиндеру, дифференциальный признак не существует изолированно в системе данного языка: «Каждый признак, сочетаясь с другими признаками, дает не просто сумму, а диалектическое единство, в котором каждый элемент существует не сам по себе, а в сложном взаимодействии с другими элементами» (Зиндер, 1979, 43). Как указывает Зиндер, для первич-

³⁴ Критику целесообразности использования минимальных пар (квази-монимов) в фонемном анализе см. у Зиндера (Зиндер, 1970б, 105—109).

ного вычленения дифференциального признака достаточно одного парного противопоставления фонем (Зиндер, 1979, 43).

Дифференциальные признаки приняты также в московской фонологической школе—МФШ (Кузнецов, 1970, 485; Реформатский, 1970, 115). Фонема, с точки зрения московской фонологической школы, рассматривается не как совокупность дифференциальных признаков, а как совокупность симультанных дифференциальных признаков (дифференциалов) и недифференциальных (интегралов), сосуществующих только в этом комплексе (дифференциалы — образующие, интегралы — наполняющие):

Можно было бы назвать еще ряд концепций дифференциальных признаков и ряд новых терминов для обозначения единиц, на которые разлагается фонема. (См., например, теорию кинакем Плоткина, согласно которой кинакема является первичной фонологической единицей с комплексной субстантной реализацией в виде артикуляционных движений и их акустических коррелятов — Плоткин, 1977, 138—168; Plotkin, 1978, 275—288; см. также субфонемы Панова — Панов, 1967, 113; признаки Ельмслева и Андерсена — Andersen, Hjelmslev, 1961, 251—252; релевантные и дистинктивные признаки Пильха — Pilch, 1964). Сам факт, что идея дифференциального признака присутствует почти во всех без исключения фонологических концепциях и что в общей теории языка уровню дифференциальных признаков присвоено даже особое наименование — меризматический уровень (Бенвенист, 1965, 436), говорит о том, насколько популярна эта проблема в теории фонологии. Следует отметить, однако, что многие концепции дифференциальных признаков, появившиеся после акусм и кинем Бодуэна де Куртенэ, являются вариациями теории дифференциальных признаков Трубецкого.

Процедура определения ДП фонем, впервые разработанная Трубецким, продемонстрирована им на примере фонемы /k/ немецкого языка. Трубецкой утверждает, что он выводит фонологическое содержание этой фонемы из ее оппозиций фонемам /ch, ɲ, g, t, p/, и он определяет его как смычность, неназализованность, напряженность, дорсальность. При этом, очевидно, подразумевается, что /k/ отличается этими ДП от *всех других* фонем немецкого языка. Что, однако, представляет собой это выведение фонологического содержания фонемы из ее оппозиций, что это за оппозиции, из которых оно выводится, и что такое полученные из них ДП? То, что фонологическое содержание фонем надо выводить из оппозиций, подразумевает, очевидно, что первое неизвестно, а известно только второе. Но откуда могут быть известны оппозиции, если неизвестно фонологическое содержание фонем. Ведь знание типа оппозиций (т. е. того, как фонемы противопоставлены друг другу) подразумевает знание фонологического содержания фонем (т. е. того, что они представляют собой как члены противопоставлений).

Получается, что фонологическое содержание фонем и есть их оппозиции. Это, по-видимому, понимал и Трубецкой, который говорил: «фонемный состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических оппозиций» (Трубецкой, 1960, 74). Уже это противоречие заставляет думать, что выведение фонологического содержания фонемы из оппозиций — иллюзия, самообман.

Допустим, однако, как это ни абсурдно, что оппозиции известны, хотя фонологическое содержание фонем неизвестно. Для выведения фонологического содержания немецкого /k/ оказывается достаточно пяти оппозиций: /k — ch, k — ŋ, k — g, k — t, k — p/. Таким образом, хотя за азбучную истину учения о фонеме принято считать, что фонему определяет ее место в системе, что она член всех оппозиций, возможных для нее, и существует только как член этих оппозиций,³⁵ в данном случае используется только пять из множества оппозиций, возможных для данной фонемы. Если функция фонемы заключается в том, что она противопоставляется *всем* другим фонемам данной системы, то при выведении фонологического содержания фонемы только из части ее оппозиций учитывается только часть ее функций. При этом процедура выведения фонологического содержания фонемы из отдельных оппозиций предполагает как бы, что в речи фонема противопоставляется не сразу всем другим фонемам, возможным в данном положении, но каждой фонеме по отдельности, что, конечно, на самом деле не может иметь места. Фонема, таким образом, оказывается как бы рядом последовательных выборов из двух возможностей (/k/, а не /ch/; /k/, а не /ŋ/ и т. д.), хотя на самом деле она, очевидно, одновременный выбор из стольких возможностей, сколько возможно фонем в данном положении. Другими словами, противопоставлению двух фонем, выделенному в результате разложения функции фонемы на ее составные элементы, приписывается самостоя-

³⁵ Ср., например, слова Трубецкого: «Зависимость фонологического содержания фонемы от ее места в фонологической системе, а, следовательно, от структуры этой системы является основополагающим фактом фонологии» (Трубецкой, 1960, 80), или слова Щербы: «...каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп» (Щерба, 1957, 20). или Сэпира (он, в сущности, наиболее полно определяет фонологическое содержание фонемы, хотя его определение несвободно от психологизма, и слова «фонема» он вообще не употребляет): «Место» интуитивно находится для звука (который понимается здесь как подлинная «точка в структуре», а не просто обусловленный вариант) в такой системе в силу общего чувства его фонетического взаимоотношения, являющегося результатом всех специфических фонетических взаимоотношений (таких, как параллелизм, контраст, сочетание, невхождение в сочетание и т. п.) со всеми другими звуками» (Sapir, 1958, 24).

тельное существование, а член такого противопоставления, т. е. результат разложения фонемы на ее функциональные составные элементы, принимается за всю фонему.

Какие же оппозиции, однако, выбираются Трубецким для выведения фонологического содержания фонемы? По словам Трубецкого, одномерные оппозиции «для определения фонологического содержания фонемы наиболее существенны» (Трубецкой, 1960, 76), и действительно при выведении ДП речь почти всегда идет именно об одномерных оппозициях. Однако из оппозиций, используемых Трубецким при выведении фонологического содержания немецкого /k/, только три первых одномерны (/k — ch, k — g, k — ŋ/), тогда как две последних (/k — p, k — t/), хотя и пропорциональны, но не одномерны. Значит ли это, что вообще при выведении ДП надо сначала использовать одномерные оппозиции, а потом неодномерные, но пропорциональные? Но какие, в каком порядке, в каком количестве и почему? И как быть с фонемами, которые не входят ни в одномерные, ни в пропорциональные оппозиции. В частности, из каких оппозиций надо выводить фонологическое содержание немецкой фонемы /h/? Ответа на эти вопросы нельзя найти у Трубецкого. Но, в сущности, он очевиден: просто подбираются те оппозиции, которые позволяют констатировать общие признаки, проявляющиеся в реализациях данной фонемы и известные из фонетических описаний ее реализаций. В частности, фонологическое содержание фонемы, не входящей ни в одномерные, ни в пропорциональные оппозиции, можно вывести из любой ее оппозиции, описав общую фонетическую природу реализаций данной фонемы. Другими словами, выведение фонологического содержания фонемы из оппозиции — такая же иллюзия, как принятое в школьной грамматике определение грамматических категорий посредством вопросов. В действительности не из того, какого вопроса требует данное слово, выясняется грамматическая природа этого слова, но, наоборот, данный вопрос задается потому, что грамматическая природа слова уже заранее известна. Что касается немецкого /k/ то, конечно, заранее было известно из фонетических описаний, что это — смычный, дорсальный (или заднеязычный), напряженный (или глухой) и неназализованный.

Здесь, однако, в защиту выведения ДП из оппозиций можно было бы сказать следующее: не всегда ДП, выведенные из оппозиций, соответствуют признакам, известным из фонетических описаний, и если бы, например, в немецком языке не было фонем /ch/ или /g/, то оказалось бы, что для /k/ смычность или напряженность не представляют собой ДП, т. е. они нерелевантны. Но что значит нерелевантность признака? Просто из невхождения данной фонемы в одномерную оппозицию по данному признаку выводится ее, так сказать, отрицательное фонологическое содержание. Но ведь невхождение фонемы в одномерные оппозиции так же не определяет ее места *во всей си-*

стеме фонем, как и ее вхождение в такие оппозиции. В частности, /k/ гипотетического языка, где нет /ch/ или /g/, входит все же в оппозиции «смычный — щелевой» или «напряженный — ненапряженный», если в этом языке есть другие щелевые или ненапряженные. Ведь абсурдно было бы считать, что только одномерные оппозиции — это оппозиции, т. е. что другие оппозиции данной фонемы остальным фонемам системы не представляют собой оппозиций данной системы фонем.

Но смысл невключения фонетического признака в пучок ДП, образующий фонему, на том основании, что данная фонема не вступает в одномерную оппозицию по этому признаку, заключается, конечно, в том, что тем самым получаются как бы две плоскости — «фонетическая» и «фонологическая» (а фонема и ее реализации действительно лежат в двух разных плоскостях, и это, конечно, не мог не сознавать Трубецкой). Так, в разбираемом гипотетическом случае /k/ оказалось бы «фонетически» смычным или напряженным, но «фонологическим» несмычным или ненапряженным. Однако вторая плоскость, и в данном случае — это совсем не та функциональная плоскость, о которой говорилось выше, а некая иллюзорная плоскость, которая получилась в результате того, что функциональной плоскости приписана физическая реальность, эта иллюзорная плоскость описывается в физических терминах, но употребленных не в собственном, а в некоем условном и, в сущности, абсурдном значении: «несмычный» в смысле «смычный, не входящий в одномерную оппозицию с щелевым», т. е. «несмычный» в смысле «смычный». Впрочем, фонема как пучок ДП вообще нечто абсурдное в самой своей сущности: будучи физическими свойствами, ДП не могут не мыслиться как нечто, не зависимое от оппозиций, в которые вступает фонема; но будучи фонологическим содержанием фонемы, они не могут не мыслиться как нечто, существующее только в этих оппозициях.

Вахек утверждает, что идея пучка ДП принадлежит не Трубецкому, а Якобсону, который высказал ее еще в 1932 г. в статье в Чешской энциклопедии (Vachek, 1966, 46).³⁶ Определяя фонему как «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию», Трубецкой ссылается на эту статью Якобсона (Трубецкой, 1960, 45). Повидимому, в книге Трубецкого, где все детали продуманы с гениальной четкостью и последовательностью, исходные определения — слабое место. Идея пучка есть также в книге Блумфильда «Язык», вышедшей впервые в 1933 г. (Bloomfield,

³⁶ В этой статье Якобсон дает такое определение фонемы: «Фонема (...) этим термином мы обозначаем набор тех одновременно действующих звуковых свойств, которые используются в данном языке для различения слов разного значения».

1933).³⁷ Так или иначе, Якобсону несомненно принадлежит честь блестящего доведения теории пучка до логического конца.

Остроумное новшество в трактовке ДП, введенное Якобсоном, заключается в том, что иллюзорная процедура выведения их из оппозиций больше не применяется, а они просто подбираются так, чтобы фонемы оказались пучками максимально простой структуры. Выведение ДП из оппозиций было как бы выведением их из объективной реальности, так как невозможно сомневаться в том, что фонемы и оппозиции между ними — объективная реальность. В методике Якобсона иллюзия выведения ДП из объективной реальности достигается только тем, что сами признаки, которые принимаются за ДП, — не только объективная, но и материальная реальность. Однако из того, что эти признаки — материальная реальность, отнюдь не следует, что их группировки в пучки — материальная реальность. Напротив, их группировки в пучки явно даже не объективная реальность, а просто удобный способ описания различий между фонемами.

Акустические характеристики, цифры, спектрограммы в работах, в которых разрабатывается новая методика определения ДП, создают видимость сотрудничества лингвистов с физиками, сочетания строгости точной науки с лингвистическими знаниями. Но на самом деле обращение к материальной реальности оказывается как бы дымовой завесой, за которой незаметным становится, что сущность новой методики — вовсе не обращение к материальной реальности, а в приемах сведения ДП к возможно меньшему количеству, а их пучков — к наиболее простой структуре.

Основной и наиболее остроумный прием заключается в том, что признаки, обнаруживаемые в материальной реальности языков, сводятся к очень ограниченному количеству пар ДП, в каждой из которых один ДП принимается за положительный, а другой — за отрицательный (гласный — негласный и т. д.). Это позволяет описать фонологическое содержание фонем в виде матриц, где в соответствующих графах ставятся плюс, минус, сочетание плюса с минусом и т. д. Условность принятия того или иного члена пары за плюсовой или минусовой особенно очевидна, когда явная недихотомичность распределения ДП в фонемах устраняется путем расщепления пары ДП на две дихотомические пары (например, пара «компактный — диффуз-

³⁷ «Среди общих акустических признаков любого высказывания некоторые из них выступают как дистинктивные, повторяясь в узнаваемой и относительно постоянной форме в отдельных высказываниях. Эти дистинктивные признаки встречаются в виде скоплений или пучков, каждый из которых мы называем фонемой» (Блумфильд, 1968, 78). Правда, в той же книге Блумфильд определяет фонему и как «минимальную единицу различного фонетического признака» (Блумфильд, 1968, 77).

ный» расщепляется на «компактный — некомпактный» и «диффузный — недиффузный»). Неоднократно указывалось, что в материальной реальности языка нельзя обнаружить дихотомичности акустико-артикуляторных признаков, ни как универсального принципа, ни даже как частных случаев (Бондарко, Зиндер, 1966, 10—14). Что такой дихотомичности нельзя там обнаружить, можно было полагать, конечно, и если бы ДП действительно были элементами, из которых состоят фонемы, т. е. если бы они были функциональной реальностью, то они не были бы доступны непосредственному наблюдению как материальная реальность; и наоборот, раз они доступны непосредственному наблюдению как материальная реальность, они и есть физическая, а вовсе не функциональная реальность, хотя и выдаются за таковую.

Положительный и отрицательный члены дихотомической пары — это совсем не то же самое, что маркированный и немаркированный члены оппозиции у Трубецкого (Трубецкой, 1960, 90). У него они — только члены одномерной, нейтрализующей и логически привативной оппозиции, т. е. такой оппозиции, в которой благодаря ее нейтрализации в известных случаях то, что различает члены оппозиции, рельефно выступает на фоне того, что для них общее (Steblin-Kamenskij, 1968, 29—32). Другими словами, у Трубецкого маркированность и немаркированность — это нечто вполне реальное (но, конечно, только функционально реальное, а не материальное),³⁸ а вовсе не нечто, произвольно приписываемое членам оппозиции для удобства описания. Немаркированный член в этом смысле обычно чаще встречается, чем маркированный, потому что он оказывается в положении нейтрализации. Заключать отсюда, что член оппозиции, который чаще встречается, и есть немаркированный член, — неверно. Более распространенным может быть, очевидно, и то, что вовсе не является немаркированным по отношению к тому, что менее распространено (если, конечно, не употреблять слова «маркированный» и «немаркированный» как наукообразные синонимы славосочетаний «менее распространенный» и «более распространенный»).

Можно допустить, что, хотя дихотомическая структура ДП не объективная реальность, она полезна как формализованная модель звукового языка и в то же время модель кибернетического устройства, которое сможет подавать сигналы на искусственном звуковом языке или воспринимать их. Возможно, действительно, что искусственный звуковой язык будущего будет основан на принципе строгой дихотомичности, т. е. будет представлять собой последовательные акты выбора из двух возмож-

³⁸ Поэтому естественно, что такая маркированность — немаркированность экспериментальными методами не обнаруживается (см.: Бондарко, 1966, 394—400).

ностей. Очевидно, однако, что такой механизм речи или ее восприятия — это колоссальное упрощение по сравнению с механизмом естественной человеческой речи.³⁹

Поскольку двенадцать пар ДП принимаются за достаточные для описания фонем всех языков мира, число возможных фонем, т. е. пучков ДП, тоже оказывается ограниченным (много меньшим, чем число языков, существующих в мире), и таким образом, неизбежным становится признание тех или иных фонем в разных языках за тождественные. Однако, если считать, что фонему определяет ее место в *системе* фонем, и если учесть, что *системы* фонем в разных языках всегда различны, то принятие двенадцати пар ДП за достаточные для описания всех языков мира есть либо отказ от признания того, что фонему определяет ее место в системе, либо отказ от точного определения места фонемы в системе, а тем самым и от точного определения различия между фонемами.

Принятие двенадцати пар ДП за достаточные для описания всех языков мира есть вместе с тем признание того, что сами ДП в разных языках одинаковы. Однако, если ДП — это действительно физические признаки, как нас стараются уверить спектрограммами и т. п., то, очевидно, что они не могут быть одинаковыми в разных языках. Очевидно, например, что в разных языках прерванность и непрерывность могут быть разного характера, а звонкость и глухость — в разной степени слиты со слабостью и силой или непридыхательностью. Игнорирование этих особенностей в отдельных языках — это отказ от определения своеобразия в фонемных оппозициях данного языка, т. е. в данной фонологической системе, и в то же время признание того, что ДП — это, в сущности, не материальная реальность, а нечто совершенно условное.

С одной стороны, утверждается, что ДП — это материальная реальность, и приводятся цифры, спектрограммы и т. п., долженствующие, по-видимому, подавить тех, кто, как большинство лингвистов, не силен в математике и физике. Но, с другой стороны, приемы сведения ДП к возможно меньшему числу явно рассчитаны на то, что принятие признаков за одинаковые или неодинаковые и их включение или невключение в пучок, образующий фонему, определяются в конечном счете не объективной реальностью, а соображениями экономии в описании. Трубецкой исключал из пучка, образующего фонему, признак, по которому данная фонема не образует одномерной оппозиции. Логически это необоснованно, как указывалось выше. Однако отсутствие одномерной оппозиции — это все же объективная реальность. В методике Jakobsona признаки объединяются в один ДП или признаются за избыточные только в соответ-

³⁹ Ср. описание механизма работы человеческого мозга с помощью двоячного выбора у Jakobsona и Halle (Jakobson, Halle, 1962, 231).

ствии с удобством описания. Так, если два сходных (но явно не одинаковых) признака не встречаются одновременно в одном языке, то они принимаются за один ДП. Если признак *a* встречается только в сочетании с признаками *cd*, а признак *b* — только в сочетании с признаками *de*, то признаки *a* и *b* принимаются за один ДП (можно при этом постараться найти что-нибудь сходное в них). Разные признаки, объединенные в один ДП, будут тогда разными «проявлениями» или «реализациями» одного ДП⁴⁰ (и это равносильно признанию того, что ДП может «реализоваться» в чем-то, отличном от него самого, т. е. что ДП есть нечто, отличное от физической реальности). Если признак *a* всегда сопутствует признаку *b*, то любой из них считается избыточным. Если признаки *a* и *b* всегда сопутствуют признаку *c*, а признак *b* всегда сопутствует признаку *d*, то и *a* и *b* считаются избыточными. Если признак *a* сопутствует только сочетаниям признаков *bcd*, *bce*, *bcf* и сочетание *bc* больше не встречается, то признак *a* считается избыточным. Перечень таких примеров можно было бы умножить. Но, в сущности, все они лишь более или менее очевидные следствия одного общего принципа: фонетическими или фонологическими фактами можно пренебречь, если таким путем можно добиться уменьшения числа ДП.⁴¹

Не случайно, что в то время как при определении состава фонем лингвисты, исходящие из совершенно разных теорий, приходят к очень сходным или даже тождественным результатам, при определении состава ДП лингвисты, исходящие из той же теории пучка и применяющие описанные выше приемы, приходят к различным результатам. Дело, очевидно, в том, что фонемы — это объективная реальность, тогда как пучки ДП — это только способ описания, представляющийся тому или иному исследователю наиболее удобным. Но под удобством описания можно понимать не только возможно меньшее количество обозначений, используемых в описании, но также и возможность графического изображения в виде симметричной геометрической фигуры. Отсюда — треугольники, квадраты, кубы и прочие геометрические фигуры, которые в фонологических работах выдаются за графические изображения системы фонем. Если считать, что систему фонем данного языка образуют все, возможные для фонем данного языка оппозиции, во всех, возможных для этих фонем положениях, то, конечно, такую сложную и многоплановую систему графически изобразить нельзя. Но если

⁴⁰ См., например: Якобсон, Фант, Халле, 1962, 204, 207.

⁴¹ Здесь следует упомянуть, что дихотомическая модель Якобсона получила широкое применение и развитие в работах некоторых представителей одной из наиболее распространенных теорий настоящего времени, а именно — генеративной фонологии. См. работы генеративистов, анализирующих и использующих дихотомическую систему дифференциальных признаков на фонологическом уровне (Halle, 1957; Schane, 1967, 7; Heny, 1967, 92; Wang, 1968; Contreas, 1969; Ladefoged, 1971; Chomsky, Halle, 1968).

считать, что система фонем — это ряд дискретных элементов первого порядка (фонем), состоящих из дискретных элементов второго порядка (ДП), менее многочисленных, чем элементы первого порядка, то трудно устоять против соблазна изобразить систему фонем в виде симметричной геометрической фигуры или клеток, пожертвовав при этом объективностью ради симметрии.

Если так называемые ДП, выводимые из бинарного противопоставления фонем друг другу, — не объективная реальность, а способ описания фонологической системы языка, не отражающий этой объективной реальности, то «признаки» аллофонов, которые могут быть обнаружены в интеруровне или в плоскости бинарных противопоставлений, вполне реальны и могут дать картину реальных отношений, существующих между фонологическими единицами и, таким образом, дать представление о фонологической системе того или иного языка. Так, если норвежские [r^h, t^h, k^h] противопоставить соответствующим [b, d, g], перед ударными гласными разного качества, то можно было бы установить «релевантные» признаки аллофонов соответствующих фонем. В результате процедуры такого рода может быть установлено, например, что для аллофона [r^h] «релевантна» придыхательность, в то время как лабиализация перед огубленными гласными «нерелевантна» для него и является признаком фона, представляющего аллофон в синтагматической цепи. Впрочем, термины «ДП» и «релевантный», употреблявшиеся длительное время в совершенно определенном значении и, как правило, в теориях, где фонему рассматривали как пучок ДП, было бы неправомерно применять к аллофонам. Не представляется также возможным подробно останавливаться на «признаках» аллофонов в той части работы, которая посвящена обзору ДП фонем.

Слабые стороны понимания фонемы как пучка ДП становятся особенно очевидными, когда эта теория применяется в диахронической фонологии. Всякий синхронный срез языка подразумевает отвлечение от того, что язык существует во времени, и тем самым от того, что язык изменяется. Поэтому методы, разрабатываемые при синхронном анализе языка, как правило, и не рассчитаны на исследование истории языка, т. е. его изменений. Если пучок ДП — модель, сильно упрощающая и искажающая действительную сущность фонемы, то естественно, что упрощение и искажение касается в первую очередь того, что существует во времени, т. е. изменяется. Ведь пучок ДП — это инвариант, то, что существует в отвлечении от конкретных реализаций. Фонема не только всегда представлена разными реализациями в разных положениях или разными аллофонами, но и каждый аллофон в каждой реализации в речи каждого отдельного человека не может быть абсолютно тождественным себе. Таким образом, пучок ДП — это вообще от-

влечение от существования языка во времени, т. е. от его изменения.

Вероятно, не случайно Трубецкой так и не разработал применения своей фонологической теории к истории звуковых изменений. Даже изменения фонологического содержания отдельной фонемы не могут быть описаны в терминах ДП в его понимании. Так, согласно этому пониманию, немецкая фонема [k], которую он рассматривает, иллюстрируя процедуру выведения фонологического содержания фонемы из оппозиций, осталась бы абсолютно тем же самым пучком из четырех ДП (смычности, неназализованности, напряженности и дорсальности), если бы в немецком языке исчезли, например, фонемы /h/ или /l/, или /m/, или /pf/ и т. д. (ведь пучок, составляющий /k/, выводится только из оппозиции с /ch, ɲ, g, t, p/) или если бы радикально изменилась дистрибуция любой фонемы немецкого языка (ведь дистрибуция фонем вообще никак в пучке ДП не отражается). Между тем что же такое фонологическое содержание фонемы, если не то, каким другим фонемам и в каких позициях она противопоставляется. Тем, кто применяет теорию ДП, разработанную Трубецким, в диахронии, приходится, однако, считать фонологическим содержанием фонемы нечто совсем другое. Так, например, Мартине, рассматривая превращение ряда палатальных в ряд шипящих в языке, где, кроме того, есть еще ряд апикальных или дорсальных, утверждает, что это превращение «никак не изменяет фонологическую природу апикальных или дорсальных» (Мартине, 1960а, 236; об изменениях шипящих см.: Воронкова, 1966, 17; Воронкова, 1969; Voronkova, 1969, 114—127), т. е. то, что с появлением шипящих для апикальных или дорсальных возникли совершенно новые оппозиции, не представляется Мартине фонологическим фактом, поскольку в графической схеме, которую он принимает за фонологическую систему, все остается по-прежнему (все клетки заполнены, как и раньше).

Мартине описывает фонемные изменения, затрагивающие «серии», «ряды» или «корреляции», и акцентирует свое внимание на том единственном ДП (по терминологии Мартине, «примета»), который изменяется в результате изменения всей серии, всего ряда или всей корреляции. Взаимосвязь фонем, входящих в исследуемую корреляцию с другими фонемами того же языка, а также взаимосвязь «приметы» изменяемых фонем с другими ДП всех других фонем остаются вне поля зрения Мартине. Таким образом, Мартине анализирует не столько фонемные изменения, сколько изменения одного ДП, цементирующего корреляцию (Мартине, 1960а, 97—98, 109, 150—153). Пучок ДП в этом случае Мартине подменяет, по существу, одним признаком, вследствие чего понятие «фонема» в диахронии Мартине упрощается еще больше, чем в синхронии.

Такой взгляд на диахронические процессы обусловлен отчасти фактами языка: историк языка действительно часто имеет дело с изменениями, затрагивающими ряды, серии, корреляции. (Ср. изменения всех простых смычных в древнеирландском языке в спиранты, всех неэмфатических смычных древнееврейского языка в щелевые, звонких смычных бриттского и западнороманских языков в спиранты — Мартине, 1960а, 137, возникновение альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском языках из переднеязычных — Стеблин-Каменский, 1966б, 127—146; совпадение глухих сильных (или придыхательных) с глухими слабыми (или непридыхательными) во франкских диалектах древневерхненемецкого — Зиндер, Строева, 1965, 76.) Однако в основе этой концепции лежит теория фонемы Трубецкого или, вернее, той ее части, которая дает возможность схематизировать фонемы и их ДП, представив их как нечто застывшее на синхронном уровне. Это проявляется не только в тех главах книги Мартине «Принцип экономии в фонетических изменениях», где речь идет о диахронических возможностях сделать систему как можно более экономной (т. е. более упрощенной), но и в главе, где дается сопоставление различных типов изменений (Мартине, 1960а, 89—126, 126—199, 225—254). В основе классификации типов изменений с функциональной точки зрения лежит как будто бы принцип градации по количеству изменений, затрагивающих различительные возможности языка, в результате чего могут быть выделены 3 группы: 1) изменения, не затрагивающие различительные возможности; 2) изменения, уменьшающие их число; 3) изменения, увеличивающие их число. На самом деле, речь идет об изменении или сохранении схемы, в которую уложены фонемы. Так, в подгруппе Б «Изменения в отношениях между единицами системы», относящейся к группе 1, говорится о том, что передвижения, связанные с рядами, не изменяют фонологической природы фонем. В действительности при этом изменении происходят сдвиги не только в качестве различительных признаков (что для Мартине, видимо, безразлично), но и в их количестве. Изменяются оппозиции и для ДП, апикальные противопоставляются сибилантам по другим ДП и, следовательно, меняют свою фонологическую природу. Более того, при смене рядов всегда происходит количественное изменение признаков, что будет показано ниже. Не изменяется лишь фонологическая схема, которую можно изобразить графически и в которой одна клетка, заполненная ранее палатальным, остается на прежнем месте, заполненная другим содержанием. Но можно ли графическое изображение принимать за различительные возможности языка?

Вызывает также сомнение рассуждение Мартине об изменении артикуляции фонемы, не включенной в систему, например, его рассуждение о том, как появляется у /г/ увулярная артикуляция (Мартине, 1960а, 228—229). С точки зрения Мартине,

с появлением увулярности у фонемы, которая раньше уже существовала в системе языка, равным счетом ничего не происходит, хотя, вероятно, увулярность — это новый различительный признак в системе, который не может не повлиять на всю систему в целом. Такой взгляд на существо дела Мартине объясняет тем обстоятельством, что клетка схемы оставалась заполненной. Однако не ясно, как клетка может быть в системе фонем, если в ней стоит фонема, находящаяся вне системы, т. е. вне всяких клеток. Все изменения, рассматриваемые Мартине как изменения, не затрагивающие различительных возможностей языка (изменения фонем, включенных в систему, комбинаторные изменения), по существу не затрагивают изменений клеток фонетической схемы, а изменения, уменьшающие или увеличивающие различительные возможности языка, изменяют структуру схемы. Полезно вспомнить высказывание Стеблин-Каменского о том, что представление об обязательности симметрии в фонологических решениях и о том, что представление о «системе» как о чем-то стройном, упорядоченном, симметричном и, следовательно, о фонологической «системе» как о чем-то симметричном, играет теперь скорее отрицательную роль в развитии нашей науки и что оно, по-видимому, и методологически неверно (Стеблин-Каменский, 1966б, 66).

В практику многих работ по диахронической фонологии принцип исследования фонемных изменений по корреляции или в рамках близкородственных фонем вошел, в общем, в том виде, в котором он был предложен Мартине, а изменения ДП всех фонем при локальном изменении одной или нескольких фонем, как правило, не принимались во внимание. В качестве примера общепринятой методики исследования диахронических процессов можно привести следующее. Предполагается, что в определенный период в исландском языке появляются придыхательные или непридыхательные смычные, которые сменяют корреляцию звонких и глухих смычных. До возникновения придыхательных различительным признаком фонем /p, t, k/ в исландском была глухость. После появления придыхательных смычных новые фонемы стали противопоставляться /p, t, k/, возникшим из /b, d, g/, как придыхательные непридыхательным. Корреляция по голосу сменилась корреляцией по придыханию. Против этого очевидного факта возразить как будто бы нечего. Представление о фонеме как о пучке ДП могло бы быть реализовано на уровне подсистем, а ограничение круга фонем и дифференциальных признаков, участвующих непосредственно в изменении, не вступает в противоречие с этим представлением. Если считать фонему членом всех возможных в языке противопоставлений, а ее фонологическое содержание определять комбинацией всех оппозиций, то при диахронических изменениях следует, видимо, учитывать не только смену различительных признаков в границах локального изменения, но и изменения

различительных признаков фонем, вступивших в новые оппозиции с вновь возникшими фонемами. Так, например, смена корреляции голоса корреляцией придыхания в исландском языке повлекла за собой следующие изменения фонологического содержания фонем. В оппозиции /р — в/ фонема /р/ отличается от фонемы /в/ способом образования, которого, впрочем, недостаточно для дифференциации этих фонем, так как в исландском есть оппозиция /р — ф/, которая совпала бы в таком случае с оппозицией /р — в/, если учитывать только смычность /р/ и шелевость /в/.

Ср.: /р/ — губной, непридыхательный, смычный;
/ф/ — губной, непридыхательный, шелевой.

Следовательно, для различения /р — в/ необходимо различие по голосу. Однако глухость /р/ в оппозиции /р — р^h/ оказывается избыточной, и ее функциональная значимость таким образом не ясна. С другой стороны, непридыхательность становится существенной для фонем /ф, в/ в оппозициях /р^h — ф/ и /р^h — в/, так как только различие по способу для оппозиции /р^h — ф/ или различие по способу и голосу для оппозиции /р^h — в/ оказывается недостаточным вследствие того, что в системе существуют также оппозиции /р — ф/, /р — в/. Таким образом, новый различительный признак «непридыхательность» распространяется как бы на другие фонемы, не только на смычные. Его количественная нагрузка увеличивается. Старый же различительный признак появляется в новых оппозициях у новых фонем и в новых оппозициях у старых фонем, которые, впрочем, было бы правильнее считать изменившимися, т. е. тоже новыми, так как эти фонемы приобретают новые, ранее не присущие им признаки, вступая в новые оппозиции, хотя антропофонически они и не меняются. Количественная нагрузка старого различительного признака тоже меняется, а корреляция по голосу остается, но охватывает другие фонемы. Впрочем, возражение вызывает не только то, что при анализе отдельных фонологических изменений обычно учитывают лишь некоторые изменения фонологического содержания фонем, но также и то, что анализ этих изменений проводят, как правило, на уровне ДП, якобы единственно составляющих фонологическое содержание фонем.

В терминах яacobсоновской теории ДП нельзя описать не только изменения фонологического содержания фонемы, но и изменения в содержании отдельного ДП, поскольку для удобства описания они принимаются за одинаковые во всех языках, а следовательно, и во все периоды существования отдельного языка, а в ряде случаев признаки, материально разные, но чем-то сходные, принимаются за один ДП (так, губные и переднеязычные согласные объединяются в компактные, долгие, сильные и придыхательные согласные — в напряженные и т. д.). Известно, однако, что наиболее крупные и важные изменения,

происходившие в истории языков (так называемые передвижения согласных или сдвиги гласных), были изменениями в содержании признаков, общих для целого ряда фонем, т. е. изменениями в содержании того, что в фонологии называется ДП.

Существенное отличие применения теории пучка в диахронии от ее применения в синхронии заключается в том, что в диахронии пучки ДП не выводятся из их фонетических описаний (таких описаний для прошлых периодов истории языка, как правило, нет, и заключить о фонетическом прошлом языка из его современных описаний можно только в редких случаях), а реконструируются совершенно произвольно и постулируются в соответствии с общими представлениями о том, какие бывают пучки ДП. Именно этим объясняется, конечно, тот знаменательный факт, что среди фонологов подчас обнаруживается меньше разногласий, если речь идет о языке древнем, для которого нет фонетических описаний и фонологическая система которого может быть в сущности только постулирована, чем если речь идет о современном языке, для которого есть множество фонетических описаний, в том числе и экспериментально-фонетических. Для современного исландского языка было предложено семь различных сведений его системы гласных к пучкам ДП. Между тем истолкования древнеисландской системы гласных в терминах ДП были гораздо единообразней и различались между собой, в сущности, только терминологией (Стеблин-Каменский, 1966б, 65—78). Всего меньше разногласий существует в отношении праскандинавских гласных, так как об их реализациях меньше всего известно.

Но, пожалуй, наиболее существенная особенность применения теории пучка в диахронии заключается в том, что в диахронии структуру, прописываемую фонемам, принято истолковывать как то, что обуславливает изменения самой этой структуры. Речь идет о причинно-следственных объяснениях звуковых изменений различного рода структурными (или системными) факторами. Эти объяснения блестяще разработал Мартине в его цитированной выше книге, и они с его легкой руки стали настолько популярны в диахронической фонологии, что почти нет работ в этой области науки, где бы их не было.

Техника этих объяснений, как она представлена в многочисленных работах по диахронической фонологии, сводится к следующему. За причину или фактор, или, в более осторожной формулировке, возможную причину и т. д., принимается отсутствие равновесия системы, ее недостаточная экономность, в частности наличие «пустой клетки», отсутствие симметрии в распределении фонем в клетках или ДП в пучках, различного рода требования экономии языковых средств и т. д. (нельзя перечислить все частные возможности такого рода, они очень разнообразны), а само звуковое изменение истолковывается как восстановление равновесия или симметрии, удовлетворение

требований экономии языковых средств, урегулирование распределения фонем в их клетках или ДП в их пучках и т. д. Поскольку, однако, система пучков ДП конструируется тем самым исследователем, который должен обнаружить в ней восстановление равновесия в результате звукового изменения, то естественно, что эта система конструируется так, чтобы данное изменение оказалось в том или ином отношении восстановлением равновесия. Обычно это не представляет никакого труда: отсутствие фонетических описаний и скудость показаний письменности всегда оставляют широкие рамки, в пределах которых должны конструироваться пучки ДП. Кроме того, по-видимому, всякое звуковое изменение — это и в самом деле всегда в тех или иных отношениях восстановление равновесия и в то же время в тех или иных отношениях его нарушение. Если бы это было не так, то во всех языках всегда было бы достигнуто абсолютное равновесие, чего, однако, не наблюдается.

Но в объяснении звукового изменения тем, что оно было восстановлением равновесия, есть более существенный недостаток. Всякое такое объяснение, в сущности, так же тавтологично, как указание на то, что отсутствие движения является причиной начала нового движения. Ведь и при нарушенном равновесии система существует какое-то время, иногда в продолжении веков, и нарушение равновесия никогда не вызывает сразу же, автоматически его восстановления. Следовательно, нарушенное равновесие — это вовсе не причина или фактор звукового изменения, а только условие возможности такого изменения. Вместе с тем направление, в котором может произойти восстановление равновесия, никогда не бывает единственным, и, следовательно, нарушенное равновесие — это даже не условие возможности данного изменения, а вообще — условие возможности восстановления равновесия. Очевидно, что указание на такое условие — тавтология. По сравнению с классической исторической фонетикой, к которой фонологи-историки склонны относиться несколько пренебрежительно, диахроническая фонология, которая сводится к такого рода объяснениям звуковых изменений, представляет собой, в сущности, регресс. Историческая фонетика устанавливала факты, которые, правда, не были изложены в фонологических терминах, но до сих пор остаются в основном не опровергнутыми. Диахроническая фонология дает иллюзорные и тавтологические объяснения фактов, установленных классической исторической фонетикой.

Тем не менее увлечение фологов-историков системным фактором понятно. Во-первых, в языке, конечно, действительно есть системность, и это стало, в сущности, впервые очевидным с возникновением фонологии, т. е. учения о фонеме. Но только это несомненно гораздо более сложная системность, чем та, которая подразумевается под ДП, клетками, кубиками, матрицами и тому подобной примитивной формализацией, и притом

эта системность, по-видимому, всегда — только тенденция. Во-вторых, на объяснение звуковых изменений системным фактором наталкивает фонолога-историка теория пучка. Ведь если принять эту теорию, то история звуковых изменений превращается в ряд последовательных синхронных описаний того, что принимается за инварианты, т. е. пучков ДП. Единственный возможный диахронический момент в такой истории — это действие системного фактора, т. е. самопорождение инвариантов. При этом можно дойти и до такого вывода, не лишённого известной логичности, как он ни абсурден: реализациями фонем, аллофонами и вообще звуковой реальностью в истории языка следует полностью пренебречь, эта реальность как бы и не существовала, а если и существовала, то ее целиком определяли конструируемые фонологом пучки ДП, предпочтительно бинарные, а ее изменения были лишь автоматическим отражением тех скачков, которые претерпевали эти пучки от одного синхронного среза к другому под влиянием системного фактора.

Между тем именно материальная реальность, которая обнаруживается в признаках аллофонов, вычленяемых в бинарной плоскости (интеруровне), играет важнейшую роль при фонологических изменениях, и как бы ни было сложно восстановление условий аллофонического варьирования при диахронических исследованиях и восстановление признаков аллофонов, отражающих объективную звуковую реальность языка в том или ином срезе исторического пласта языка, никогда не следует пренебрегать такой возможностью. Представляется, что реконструкция аллофонов и анализ их функционирования для установления механизмов диахронических изменений и вскрытия причин этих изменений может успешно конкурировать с тем методом, который стал ведущим в последние годы — методом «реконструкций» пучков ДП и «реконструкций» фонологических изменений, проводимых исключительно на уровне ДП.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОНОЛОГИИ

ДОСТРУКТУРАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА

История употребления терминов «фонетика» и «фонология» отчасти отражает историю развития науки о звуковом аспекте языка.

В немецкой традиции XIX в. фонетику считали наукой естественной (и называли «Fonetik», «Lautlehre», «Laut- und Sprachphysiologie»), в то время как грамматику считали наукой психологической (Пауль, 1960, 29—30). Известно также, что в XIX в. языковые исследования, в том числе и фонетические, имели в основном историческую направленность.¹ Поэтому термин «фонетика» обозначает в названный период как синхронический, так и диахронический планы исследования звукового строя языка. Следует тут же отметить, что употребление термина «фонология» в значении «учение об истории звуков» характерно для британской традиции XIX в. (Ср. немецкий эквивалент английского термина «phonology» — «Lautgeschichte».) Затем термин «фонология» появляется в трудах Соссюра,² который предлагает называть «фонологией» физиологию звуков (т. е. то, что в немецкой традиции, напротив, называется «фонетикой», а также «физиологией звуков», в то время как учение об эволюции звуков Соссюр называет по сложившейся уже традиции «фонетикой» (Соссюр, 1977а, 70): «Фонетика — наука историческая... фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остается тождественным самому

¹ См., например, труды компаративистов Боппа (Bopp, 1857—1861), Раска (Rask, 1818), Востокова (Востоков, 1863) и др., а также работы по истории языка младограмматиков Остгофа и Бругмана (Osthoff, Brugman, 1878), Дельбрюка (Delbrück, 1919), Пауля (Paul, 1886) и др.

² Приблизительно в этот же период или даже несколько раньше этот термин появляется также в трудах таких ученых, как Хавэ и Бёхтлингк (Реформатский, 1970, 9).

себе» (Соссюр, 1977а, 70). Понимая «фонологию» как синхроническое описание механизма звучания речи, Соссюр противопоставляет ее «фонетике» как диахроническому описанию звуков. Таким образом, противопоставление «фонология» — «фонетика» у Соссюра является противопоставлением «синхрония» — «диахрония» в звуковом аспекте языка.

Предложение Соссюра ввести другой термин для нового понятия и, следовательно, четко дифференцировать два понятия — науку, изучающую звуковой аспект на синхронном уровне, и науку, изучающую звуковой аспект на диахроническом уровне, можно рассматривать как определенную дань традиции заниматься лингвистикой, и в том числе звуковым ее аспектом, исключительно в историческом плане.³ Известно, правда, что термин «фонетика» не прижился в том значении, в котором предложил его употреблять Соссюр, в то время как термин «фонология» стал впоследствии употребляться чаще всего в значении лингвистического функционального описания звуков, противопоставляясь «фонетике» как области, занимающейся описанием только физических или физиологических свойств звуков. Однако своим широким распространением сам термин «фонология», возможно, отчасти обязан главе «Основы фонологии» в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, которую с точки зрения современного уровня науки о плане выражения языка можно считать, правда, просто элементарным введением в фонетику (т. е. описанием особенностей артикуляtorики и произносительного аппарата), а отнюдь не фонологическим (т. е. лингвистическим) исследованием.

Интересно отметить, что в традиции русского языкознания XIX в. термин «фонетика» употреблялся, как правило, в значении области науки, занимающейся только физиологическими или физическими характеристиками звуков речи.

У Бодуэна де Куртенэ термин «фонетика» охватывает три аспекта: физиологию звуков, их роль в морфологии (в этом случае звуковая единица не всегда совпадает с соответствующими категориями звуков), а также генетическое развитие звуков (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 66).

Термин «фонология» Бодуэн де Куртенэ использует чаще

³ Здесь было бы уместно вспомнить, что в тот период, когда Соссюр читал свои ставшие впоследствии знаменитыми лекции и давал определение «фонетике» и «фонологии» (т. е. в 1907—1911 гг. или несколько раньше), появляется множество работ по экспериментальной фонетике (многие из которых были написаны, правда, совсем не в целях лингвистического исследования), а также работ по общей фонетике, выполненных в плане синхронного описания звуков. См., например, исследования Скрипчура (Scripture, 1902), Гельмгольца (Helmholz, 1896), Гутцмана (Gutzman, 1909), Пиппинга (Pipping, 1895), Люнделля (Lundell, 1879), Богородицкого (Богородицкий, 1884, 1896—1907).

всего как синоним термина «фонетика»⁴ (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 353; Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 327). В то же время он широко употребляет термин «антропофоника» (от греч.

ἄνθρωπος «человек» и φωνική «звуковая» в значении «физиология речи», противопоставляя его, в свою очередь, психофонетике и исторической фонетике (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 354). «Антропофоника», согласно Бодуэну, только опосредствованно принадлежит языкознанию, основанному, с его точки зрения, целиком на психологии (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 354; 1963, II, 11, 100). Лингвистическое в науке о звуковой стороне языка Бодуэн де Куртенэ обозначает, в сущности, словом «психофонетическое», а науку, которая занимается лингвистикой звуков на уровне статики, — (другими словами, на уровне синхронии) словом «психофонетикой». Таким образом, «фонетика» (или «фонология») является более широким понятием, охватывающим разные аспекты изучения звуковой стороны речи. Однако отношения между «фонетикой» и «психофонетикой» остаются не совсем ясными. Вопросу о соотношении фонетики и психофонетики Бодуэн посвящает статью, в которой он уточняет оба понятия и в которой он, с одной стороны, различает фонетику (фонологию, антропофонику), связанную строго с механикой (динамикой, кинетикой) и физикой (акустикой, оптикой) и, с другой стороны, психофонетику «как науку гуманитарную», связанную с «психологией и социологией», причем он считает, что они переходят одна в другую (Бодуэн де Куртенэ, 1963, II, 327).

Описание значений, которые Бодуэн де Куртенэ вкладывает в используемые им термины, осложняется между тем не только его менталистическим подходом к сущности языка, но также и его особым пониманием целого ряда лингвистических категорий (через которые, в частности, он определяет и фонетику), таких, как например, морфология и семасиология. Так, морфологические представления Бодуэн де Куртенэ считает языковыми, в то время как семасиологические — внеязыковыми. Между тем «психофонетика», с точки зрения Бодуэна, изучает фонационные представления как в связи с языковыми, т. е. морфологическими, так и в связи с внеязыковыми семасиологическими представлениями (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 354; 1963, II, 163). Из этого следует, что «психофонетика» как наука — это более широкое понятие, чем наука, занимающаяся звуковыми явлениями с точки зрения языка, и что этот термин не подлежит, в сущности, определению в терминах другого, не бодуэновского метаязыка. Очевидно, однако, что термин «фоно-

⁴ Между прочим, Бодуэн считает, что как этимология слова «фонология» (от греческого φωνή 'голос, звук' λόγος 'слово, речь, знание'), так и этимология слова «фонетика» (гр. φωνητικός 'звуковой', φωνητική τέχνη 'звуковое искусство') не дает точного представления о задачах этой науки (Бодуэн де Куртенэ, 1963, I, 353).

логия» (и соответственно «фонетика») понимается Бодуэном де Куртенэ в особом смысле, в соответствии со всей его и ему одному присущей лингвистической философией, а также и по-разному на разных этапах его творческого пути.

ПРАЖСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Термин «фонология» и производный от него термин «фонологический» начинают широко употребляться в 30-е годы XX столетия в трудах представителей нового течения — пражского структурализма, сыгравшего огромную роль в науке и оказавшего большое влияние на развитие всех направлений, носящих как структуральный, так и неструктуральный характер.⁵

Термин «фонология» употребляется в школе пражского структурализма в совершенно новом и вполне определенном значении, а именно в значении науки, изучающей функциональную сторону звуков языка, и четко противопоставляется термину «фонетика», обозначающему науку, изучающую нефункциональную сторону звуков речи, чисто артикуляционную или акустическую, т. е. чисто материально-субстантную сущность звуковых реалий вне связи с их функцией в языке (и со значением слов). См., например, определение термина «фонология» в Проекте стандартизированной фонологической терминологии: «Раздел лингвистики, посвященный изучению звуковых явлений с точки зрения их функций в языке»⁶ (*Projet d'une terminologie phonologique standardisée*, 1931, 309—323); «Фонология должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями, как соотносятся между собой различные элементы (или «признаки») и по каким правилам они сочетаются друг с другом при образовании слов и предложений. Звуки фонетиста не совпадают с единицами фонолога. В звуковых явлениях фонолог должен принимать во внимание только то, что выполняет в языке определенную функцию» (Трубецкой, 1960, 18); «Фонетика — это вспомогательная лингвистическая дисциплина, изучающая звуковые явления речи в отвлечении от их функций в речи» (Трубецкой, 1960, 309); или: «Особенно характерно для фонетики то, что она полностью отказывается рассматривать какие бы то ни было отношения между исследуемым звуковым комплексом и его языковой зна-

⁵ Ср. работы Трубецкого (Trybetzkoy, 1929, 39—67; 1931a, 96—116; 1931b, 228—234; 1933, 227—246; 1939), Цвиернера (Zwigner, 1938, 29—47), ван Вейка (van Wijk, 1939), Бюлера (Bühler, 1931), Мартине (Martinet, 1939), Якобсона (Jakobson, 1931a, 247—267; 1931b, 234—240), Грота (Groot, 1931, 116—147), Карцевского (Karcevskij, 1931, 188—227) и др.

⁶ Интересно также, что Граммон различает «фонологию», которая, с его точки зрения, занимается изучением звуков речи и сочетаний этих звуков, и «неофонологию» (теория фонем как звуков, различающих единицы речи), против которой он выступает (Grammont, 1939, 1, 9; 1938).

чимостью... Фонетику можно определить как науку о материальной стороне звуков человеческой речи» (Трубецкой, 1960, с. 17). «Для фонолога существует один и только один критерий, и это — лингвистическая функция элементов, которые он изучает» (Martinet, 1949, 5). См. также определение Гротом фонологии как функциональной науки о звуках «языка» в узком смысле: «Для фонологической функции звуковых элементов важно, чтобы они были узнаваемы и в случае необходимости могли быть отличены один от другого. Существенна, однако, узнаваемость, поскольку отличие без узнаваемости не имеет для языка никакой ценности» (Groot, 1931, 116). Сотавалта выделяет в науке о звуковом строе языка два аспекта — феноменологический и функциональный, включая первый в фонетику, а второй — в фонологию (Matthews, 1958, 262). О роли функции в фонологии см. также работу Мальмберга (Malmberg, 1954, 115). Следует упомянуть, что наряду с термином «фонология» в том же значении начинает употребляться термин «функциональная фонетика». См., например, работу Мартине «Фонология как функциональная фонетика» (Martinet, 1949).

Определяя различие между фонетикой и фонологией, Бюлер отмечает важность введения принципа релевантности в учение о звуках — релевантность (существенность) одних звуковых свойств и иррелевантность (несущественность) других (Bühler, 1931, 26). Принцип релевантности становится основным принципом и краеугольным камнем фонологической теории, созданной пражскими структуралистами и, в первую очередь, Трубецким (Трубецкой, 1960, 44—45). Дихотомия «фонетика — фонология» или иначе «нефункциональная фонетика» versus «функциональная фонетика» приобретает конкретную форму дихотомии «описание материально субстантных характеристик звуковых единиц речи» versus «описание только существенных для функционирования языка материально-субстантных характеристик звуков языка».

Соотношение и разделение фонетики и фонологии в описываемой фонологической концепции рассматривают также под другим углом зрения. Так, в комментариях к концепции пражцев Фишер-Ергенсен указывает, что в практике пражских фонологов фонология не соответствует ни языку в понятии нормы (так как не все нормативные явления включены в фонологию), ни форме Соссюра (так как субстанциональные факты также описаны). Она отмечает также, что пражских фонологов интересует, скорее, соответствие между формой и субстанцией, формирование субстанции в лингвистическую систему (Fischer-Jørgensen, 1975, 22). Однако сами пражцы выводят значение фонологической нормы именно из противопоставления фонетики и фонологии, утверждая, что обе науки имеют дело с различными реальностями: «фонетические реализации, вместе взятые, еще не образуют фонологическую систему, и наоборот, фонологиче-

ские нормы невозможно свести к фонетическим фактам, пытаясь раздробить их на меньшие части» (Trnka, 1960, 165—166). Ср. также полемику Фишер-Ёргенсен с Якобсоном по поводу параллелизма между дистинкцией Соссюра «форма — субстанция» и дистинкцией Трубецкого «фонология — фонетика», восходящей, в свою очередь, к бюлеровской антиномии «единица языка — единица речи» («Sprachgebilde — Sprechakt»). Якобсон отрицает параллелизм между указанными антиномиями, мотивируя свою точку зрения тем, что фонема реализуется в речи, из чего следует, что язык представлен в речи. Фишер-Ёргенсен утверждает, между тем, что в теории пражцев указанный параллелизм имеет место (Fischer-Jørgensen, 1975, 11).

Пражцы определяют также различие между фонологией и фонетикой как различия в направлении исследования: «Если исследование направлено от формы к абстрактным правилам, то мы имеем дело с фонологией; напротив, если исследователь идет от абстрактных правил к конкретной форме, то он занимается фонетикой. . .» (Trnka, 1940, 165—166). Это высказывание Трнки интерпретировалось как признание им отсутствия границ между областью фонетических и фонологических явлений (Булыгина, 1965, 61). Трнка действительно высказывает сомнение относительно того, являются ли фонетика и фонология двумя науками. Однако, хотя он и считает, что и фонетические и фонологические факты взаимосвязаны и дополняют друг друга в процессе своих социальных и индивидуальных задач, он не сомневается все же в том, что и фонетика и фонология пользуются различными методами и что существуют и фонетические и фонологические явления (Trnka, 1940, 165). Другими словами, он различает если не две науки, то во всяком случае два уровня одной науки. Отлично понимая взаимосвязь фонетики и фонологии и считая, что «фонолог начинает работу, основываясь на материалах, подготовленных фонетистами» (Trnka, 1940, 165), Трнка все же дифференцировал фонетику и фонологию и по существу и терминологически.

Вопрос о соотношении фонологии и фонетики затрагивают также Якобсон и Халле, согласно которым фонология занимается тем, «каким образом язык использует звуковую материю, выбирая в ней некоторые элементы и приспособляя их для своих разнообразных целей. . .» (Якобсон, Халле, 1962, 235). Попутно они указывают, что термин «фонология» был введен впервые в этом своем значении в 1923 г. и основан на предложениях Женевской школы. Согласно Якобсону и Халле, этот термин преобладает в неанглийской литературе и удачнее термина «фонемика» (или «фонематика»), поскольку последний «может применяться только по отношению к различительной функции звука и поэтому пригоден только для обозначения основной части фонологии, имеющей дело с различительной функцией звуков речи». И далее: «Если задачей фонетики яв-

ляется собирание по возможности исчерпывающих данных о материальной стороне звука, его физиологических и физических свойств, то фонемика и фонология вообще необходимы для того, чтобы применять к анализу и классификации материала, накопленного фонетикой, строгие лингвистические критерии» (Якобсон, Халле, 1962, 235—236). Между тем лингвистическим критерием для Якобсона служит дихотомически организованная универсальная система физических (фонетических) признаков, составляющих пучки фонем разных языков (критику теории Якобсона см. выше, в разделе «Дифференциальные признаки»). Фонология (или фонемика) занимается, согласно Якобсону, распределением в звуках речи различительных признаков, составляющих фонологическое содержание фонемы в коде (Якобсон, Халле, 1962, 236). При таком «имманентном» подходе к анализу различительные признаки реализуются на любом уровне — артикуляторном, акустическом или уровне восприятия. Таким образом, различие между фонологией и фонетикой, при котором «решающим является вопрос об отношениях между фонологическими единицами и звуками» (с. 236), сводится, по существу, к тому, как абстрагированные от конкретных языков элементы материальной субстанции «функционируют» в реальной последовательности звуковых элементов, которая, впрочем, в соответствии с основной идеей концепции Якобсона не является последовательностью фонем.

Исходя из вышеприведенных определений «фонологии» пражской школой, можно составить только самое общее представление о том, чем должна отличаться лингвистическая наука о звуковом строе языка от науки, исследующей только чисто материальные свойства звуков речи. Из рассуждений по поводу терминологической дихотомии «фонология — фонетика», можно составить, скорее, представление о том, чем так называемая «классическая фонетика» отличается от «фонологии» пражцев, поскольку последняя возникла в какой-то степени как реакция на нелингвистическое описание звуков и содержит во многих своих постулатах, в частности в том, как она оценивает вышеназванную дихотомию, свою точку зрения на роль звуков в языке. Однако и это представление оказывается неполноценным, так как известно, что в работах представителей «классической фонетики» есть элементы функционального анализа и, следовательно, «классическая фонетика», которой может быть противопоставлена фонология пражцев, в известном смысле тоже «фонология» (см., например, работы по фонетике Суита, Есперсена, Нурена). Суит, рассуждая о фонетической транскрипции, отмечает, что в каждом языке некоторые символы используются только для дистинктивных различий и что каждый язык использует только небольшое число различий (Sweet, 1877, 1). Так, согласно Суиту, различие между узкими и широ-

ними гласными важно в таком языке как исландский, но несущественно во французском. Он считает также, что в английском это различие зависимо, в то время как отмечать следует только независимые различия. На использование некоторых фонетических явлений в дистинктивных целях указывает также Есперсен (см., например, его рассуждения об использовании долготы в разных языках — Jespersen, 1904, 109). О семантическом различии, в котором участвуют дивергенции групп звуков пишет также шведский лингвист Нурен (Noreen, 1903). Примечательно, что та часть грамматики Нурена, в которой он дает как синхронное описание звуков шведского языка («дескриптивное учение о звуках» — терминология Нурена), так и этимологическое, названа им фонологией (Noreen, 1905, 1907).

Значительно более существенна, чем проблема дихотомии «фонетика — фонология», проблема метода, который следует использовать при описании плана выражения языка. «Фонология пражского структурализма» — это прежде всего метод парных парадигматических противопоставлений, используемый для выявления признаков фонем. Он является стержнем, на котором держится вся фонологическая концепция пражцев. Однако именно этот метод оказывается наиболее уязвимым местом в концепции пражской школы. Причина его уязвимости кроется, в частности, в неразработанности общелингвистической платформы и, в частности, таких ее разделов, как языки и речь, парадигматика и синтагматика. Но «пражская фонология» — это не только метод, но и правила выделения фонем, и логическая классификация смыслоразделительных оппозиций, и фонологическая систематика смыслоразличительных звуковых противопоставлений, и учение о функциях фонемы и аллофона, а также учение о нейтрализации и архифонеме (см.: Трубецкой, 1960, 52—99, 99—256, 38, 299—326, 257, 260, 264—265, 269, 87). Кроме того, эта школа (как и любое значительное течение в науке) имеет свою историю, и, следовательно, при определении пражской фонологии следовало бы учесть и те изменения, которые претерпевала описываемая структуральная концепция на протяжении своего становления и развития,⁷ как, вероятно, следовало бы учесть в этом определении и те разногласия, которые существуют по целому ряду вопросов у разных представителей данного направления.

Освещение всех этих вопросов могло бы, между тем, составить содержание целой книги. Однако частично они все же освещены в главе «Фонема».

⁷ Известно, например, что сначала для пражцев был характерен менталистический подход к пониманию фонемы как психологического элемента эквивалента звука (см.: Trubetzkoy, 1929), от которого они впоследствии отказываются.

Известно, что американские структуралисты используют и термин «фонология», и новый термин «фонемика». Причем термин «фонемика» они употребляют в значении «функциональная дисциплина», т. е. как бы в том же значении, в котором пражские структуралисты используют термин «фонология». «Фонологию» дескриптивисты относят ко всей науке выражения и включают в нее и «фонетику» и «фонемiku». Так, Трейгер критикует Трубецкого и ван Вейка за то, что последние используют термин «фонология» в значении «фонемика» и не имеют в своем распоряжении термина, обозначающего «фонетику» и «фонемiku» вместе (Trager, 1940, 247). Предтеча американского структурализма Блумфильд противопоставляет «фонологию» «экспериментальной фонетике» и не употребляет термина «фонемика», используя, правда, некоторые методы фонологического анализа, которые послужили впоследствии основанием для введения термина «фонемика» его учениками.⁸ Так, согласно Блумфильду, фонология занимается изучением значимых звуков речи и «предполагает рассмотрение значений» (Блумфильд, 1968, с. 76), равно как и практическая фонетика, которая также предполагает знание значений. «Фонетика в узком смысле — т. е. экспериментальная фонетика, — пишет Блумфильд, — дает нам чисто акустическое или физиологическое описание звуков. Она устанавливает только общие акустические признаки» (Блумфильд, 1968, 141). Таким образом, Блумфильд устанавливает как бы триаду «экспериментальная фонетика — практическая фонетика — фонология», в которой два последних члена, в сущности, противопоставлены первому по принципу учитывания (или неучитывания) семасиологического фактора. Дифференциация понятий «практическая фонетика» и «фонология» у Блумфильда⁹ соответствует в принципе дифференциации конкретной фонологии и общей фонологии в европейском структурализме.

Из всего вышесказанного следует, что решение вопроса дихотомии «фонетика — фонология» на начальном этапе развития американской лингвистики в основных чертах соответствует решению этого вопроса в пражском структурализме, чего нельзя сказать о постблумфильдианском периоде, когда дистрибуционный анализ и упор на сложную математизированную технику

⁸ Ср., например, его высказывания о многообразии функций, которые выполняют фонемы в структуре языка и, в частности, о роли слогообразующих и неслогообразующих фонем в фонетической структуре, а также образовании определенных структурных группировок из сочетаний слогообразующих и соответственно неслогообразующих структур (Блумфильд, 1968, 133—137).

⁹ Несколько удивляет, правда, что под заголовком «Типы фонем» Блумфильд дает фонетическое описание различных оппозиций, в то время как под заголовком «Фонетическая структура» он дает структуральное описание фонем (Блумфильд, 1968, 92—109, 129—142).

исследования становятся центральными в фонологических работах американских структуралистов, а роль функции в звуковом аспекте языка, в сущности, сводится на нет.

Термины «фонемика», «фонология» употребляются также в несколько ином значении. Так, Суодеш настаивает на разделении «фонологии» и «фонемики», считая, что термин «фонология» следует применять как по отношению к синхроническим альтернациям,¹⁰ так и по отношению к изменению звуков (историческая, диахроническая фонология), в то время как термин «фонемика» следует применять по отношению к природе и перестановке звуков (Swadesh, Voegelin, 1958, 88). «Фонология», таким образом, в понимании Суодеша сводится к морфофонологическому исследованию, проводимому в традициях американского дескриптивизма.

Надо заметить, что любой морфофонологический анализ включает сегментацию речевой цепи на фонемы¹¹ или сочетания фонем, представляющих собой морфемы или алломорфы. Таким образом, морфофонологический анализ перекрещивается в работах американских дескриптивистов с фонологическим в вопросе установления инвентаря фонем, но представляется более лингвистически оправданным, так как при морфофонологическом анализе определение фонемного инвентаря неминуемо производится с помощью грамматических значений.¹² И хотя идея фонемного членения не проведена в американской лингвистике последовательно ни на практике, ни в теории, можно

¹⁰ Под альтернациями в работах американских лингвистов понимаются чередования фонем в зависимости от соседних фонем. Альтернацию называют также фонологически обусловленной морфофонемической заменой (Bloomfield, 1958, 29). Разработка этого положения Блумфильда, выдвинутого им в 1926 г., есть также в работах Суодеша, Хокетта и Харриса. Так, например, англ. leaf альтернирует с англ. leaves и противопоставляется таким парам, как англ. belief/beliefs или англ. leave/leaves, где не происходит альтернации. Отсюда два типа морфем: «belif» versus «lif» (Swadesh, Voegelin, 1958, 88). См. также классический пример с чередованием морфофонем в формах мн. ч. английских существительных. Так, в словах book(s) от book, dog(s) от dog и gos(es) от gose /s/, /z/ и /iz/ являются одной морфемой, представленной тремя алломорфами, в то время как, например, в паре knife/knives /nʌj/ — /nʌjv/ /nʌjF/ мы имеем морфофону ^m/F/, являющуюся фонемой /f/ в одних условиях и фонемой /v/ в других условиях. Отсюда идет также постулирование действительно фонемных и псевдофонемных систем, в которых фонемное членение понимается как членение сегментов морфем. Фонемные и псевдофонемные системы называют также патентными и непатентными фонологическими системами (Hockett, 1961, 29—31). Впрочем, пример с /nʌjF/ впервые встречается еще в 1942 г. у Харриса (Harris, 1958a).

¹¹ Ср., например, определение цели исследования утоацтекских языков Харрисом как разработку техники морфофонологического анализа для нахождения фонем этого языка (Harris, 1958a, 109), а также другие работы, в которых дается теоретическое обоснование и практический анализ морфофонологических систем.

¹² О лингвистическом факторе, обуславливающем членение потока речи. см.: Зиндер, 1960, 34—35.

все-таки утверждать, что противопоставление «фонологии» «фонемике» в том смысле, в котором его понимает Суодеш, реализуется в дихотомии «морфофонология — фонемика».

То обстоятельство, что «фонология» и «фонемика» имеют разную интерпретацию у разных американских лингвистов, представляется далеко не случайным и обусловлено отчасти тем, что каждый автор, поясняя эти термины, излагает, по существу, свою концепцию. Если Суодеш называет «фонемикой» теорию дистрибуции и природы звуков, а Уорф определяет ее как нечто противоположное морфофонемике (Worf, 1956, 126), то Хокетт называет фонемикой разложение β -фонетического материала на фонемы и классификацию фонем по фонемам (Hockett, 1958a, 100).

Близкое по смыслу к этому, но более общее определение фонемики можно встретить у Трейгера, для которого «фонемика» — это описание фонем и их употребление и упорядочение (Trager, 1949, 5).

Определение «фонемики» Хокеттом является типичным примером того, как определение науки переходит в изложение своей собственной концепции. Согласно концепции Хокетта, в плане выражения языка есть две фонетики, или два уровня — α -фонетический и β -фонетический, в которые Хокетт вкладывает особое содержание.¹³ Чтобы понять концепцию Хокетта (и вместе с тем тот смысл, который он вкладывает в термин «фонемика»), следует пояснить, что Хоккет имеет в виду под этими фонетиками (или иначе — уровнями). Различая две фонетики, он объединяет их под общим термином «фонология» и, как видно из некоторых его определений «фонемики» (см. выше), видимо, заменяет термин «фонемика» новым термином « β -фонетика», чем очень запутывает существо дела. Выдвижению выше-названных уровней предшествует целый ряд рассуждений с позиций бихейворизма об общем назначении лингвистики как классификационной науки, о двух основных уровнях лингвистики (фонологическом и грамматическом), а также о «биофизическом и биосоциальном поведении человека», что является основанием и для разделения речевых актов на биофизические и биосоциальные или иначе на α -фонетику и β -фонетику (Hockett, 1958a, 97—98). Фонологическая эквивалентность, согласно Хоккетту, содержит 2 фактора: α -фонетическую тождественность и биосоциальную эквивалентность. Из анализа работы Хокетта следует, что «фонология Хокетта» (и два ее основных компонента — α -фонетика и β -фонетика) представляет собой не определенную языковую данность, а иерархическую процедуру описания, состоящую из отдельных этапов, где первым этапом является описание физических (или физиологических) свойств

¹³ О двух типах фонетики писал также Пайк, идеи которого, по-видимому, развивает Хокетт (Pike, 1941).

звуков, а вторым — фонологическая их классификация в эквивалентные классы.

Нельзя сказать, чтобы Хокетт был очень последователен в употреблении терминов. Так, β -фонетика, согласно Хокетту, — это и 2-й фонетический уровень, и фонологический уровень, и фонемика (ср., например: «фонемика — это разложение β -фонетического материала на фазы и классификация фонов по фонемам» — Hockett, 1958a, 100). Следует заметить, что β -фонетический материал, согласно Хокетту, — это одновременно и материал, основанный на установлении различительных признаков, и материал, основанный на установлении просодических явлений. Супрасегментные характеристики Хокетт относит к фонетическому уровню. Однако его рассуждения на этот счет позволяют также думать, что β -фонетический уровень и фонематический — это разные понятия (см., например: «...то, что β -фонетически сегментно, может оказаться фонемически супрасегментно...» — Hockett, 1958a, 100). Кроме того, что Хокетт вводит в фонологический анализ понятия двух уровней (α и β), не соответствующих, видимо, обычным фонетическому и фонологическому (или фонемическому) уровням, он употребляет термин «звук» (а также термин «фон») в особом значении, включая в понятие «звук» супрасегментные особенности речи, а «фон» противопоставляя «звуку» по степени дискретности. Так, согласно Хокетту, β -звук отличается от α -звука в двух отношениях: 1) β -звуки, в отличие от α -звуков, характеризуют различительные признаки; 2) супрасегментный признак рассматривается сам по себе как β -звук, и сегментные фазы, покрываемые им, рассматриваются без наложенного на них признака, как независимые β -звуки. Таким образом, β -звуки распадаются на два класса, сегментные и супрасегментные. Супрасегментными звуками являются, между тем, назальность и сильный — глухой характер группы звуковых элементов. Границы между сегментными фонемами не обязательно совпадают с границами между β -звуками; один фон может включать в себя два или больше смежных β -звуков, и наоборот (Hockett, 1958a, 100).

В некоторых случаях Хокетт различает в языке «фонологическую» и «фонетическую» системы, вовсе не упоминая о «фонемике», и рассматривает язык как комплекс систем привычек с пятью подсистемами, среди которых он выделяет фонологическую как центральную и фонетическую как периферийную (Hockett, 1955, 14). Под фонологической системой Хокетт понимает набор фонем (или фонемических единиц) и тот порядок, в котором они оказываются относительно друг друга в синтагматической цепи (т. е. приблизительно то, что Суодеш называет фонемикой), в то время как под фонетической системой он понимает «код, который управляет нерасчлененным континуумом дискретного потока фонем в звуковые волны раскрытием форм последнего» (Hockett, 1955, 14). Из этого определения не со-

всем понятно, правда, каким образом материальная субстанция связана с такой структурной единицей языка, как фонема, но очевидно, что для Хокетта фонетический уровень первичен и что последний предопределяет более высокий фонологический уровень.

Определение «фонемики» как той части фонологического анализа, которая подразумевает сегментацию фонем путем сведения фонов в фонемы, данное Хокеттом, если и не очень оригинально, то не совсем беспочвенно, и имеет аналогии в других работах американских дескриптивистов. Так, Блок, описывая фонетическую систему (фонемiku) японского языка, сначала характеризует все фоны японского языка (68 фонов), затем систематизирует их по принципу контрастирования и комплементарной дистрибуции и, таким образом, обнаруживает 29 фонем консервативного диалекта стандартного японского языка (Bloch, 1958, 335—342). Этот фонологический анализ системы японского языка, в котором нет β -фонетических звуков, вводимых Хокеттом, видимо, является тем типом сегментации и систематизации фонем в зависимости от фонов, которую и Хокетт и Блок называют «фонемикой». В этой же работе по японскому языку (под заголовком «фонемика») Блок приводит также очень подробный дистрибуционный анализ, описывая как последовательности фонем, так и распределение в синтагме типов слогов. И это, вероятно, та самая фонемика, которую имели в виду Суодеш и Трейгер.

На совсем других принципах построено Хокеттом описание пекинского говора китайского языка, которое он называет «фонологией» (Hockett, 19586, 217—229). Хокетт начинает свое исследование не с установления и теоретического определения фонов, как это делает в «фонемике» японского языка Блок, а с определения различительных признаков (Hockett, 19586, 217). По Хокетту, фонологическое описание состоит из: а) списка определяющих признаков (с альтернативными формулировками, если существуют альтернативы); б) формулировок аранжировок, в которых встречаются определяющие признаки в актах речи; в) формулировок обстоятельств, при которых встречается каждый определяемый признак (Hockett, 19586, 218). (Дистрибуционный анализ Хокетт проводит в традиционном для исследований восточных языков плане установления финалей и инициалей, а также с помощью таких структурных единиц, как макросегменты и месосегменты, учитывающих в том числе и акцентные особенности анализируемого языка.) В своем оригинальном анализе Хокетт не пользуется, в сущности, фонемами (если не считать их дистрибуции). Как утверждает Йос в комментарии к статье Хокетта — это первый пример фонемики без фонем в американском исполнении (Hockett,

19586, 228), которую Хокетт в этом случае называет «фонологией», а не «фонемикой».¹⁴

Хотя способы описания фонемической (фонологической, фонетической) систем того или иного языка даже у одного автора в школе американского структурализма различны, эти различия не так велики, как это представляется на первый взгляд. Все эти вариации описаний объединяет один метод, в котором фактор значения оказывается менее существенным, чем фактор последовательного описания и классификации фонем и их элементов. В этой связи хочется не согласиться с авторами статьи об американском структурализме (Арутюнова, Климов, Кубрякова, 1964, с. 191), проводящими резкую границу между иельской группой американских языковедов (Харрис, Трейгер, Блок, Хокетт, Глисон) и энн-арборской группой лингвистов (Пайк, Найда, Фриз, Уондерли). Насамом деле, в методах и концепциях представителей той или другой школы есть много общих черт. Так, и Харрис и Пайк (Harris, 1951, Pike, 1947) пользуются не только сходной техникой фонологического анализа, но и одинаково понимают организацию фонологической системы языка. Техника их анализа обусловлена пониманием фонологической системы именно как процедуры установления единиц этой системы, имеющей совершенно определенный порядок: от констатации событий материально-субстантного характера — к лингвистическим событиям, находящимся на более высокой степени иерархической системы языка. Следует также заметить, что техника фонологического анализа Харриса в деталях отличается, в частности, от техники фонологического анализа Хокетта, хотя оба они принадлежат к иельской группе. Так, последовательные этапы в процедуре установления инвентаря фонем и описания последних у Харриса таковы: сегментация, фонемическая дистинкция, подразумевающая использование метода субституции актов речи в одинаковых условиях; установление долготы сегментных элементов; установление тонов и ударения и других контуров (вторичных фонем или просодем) и, наконец, группировка сегментных элементов, полученных путем

¹⁴ Термин «фонемический» (phonemic), производный от слова (phoneme), используется почти повсеместно в американской дескриптивистской литературе, лишь изредка конкурируя с термином «европейского» происхождения — «фонологический» (phonological, phonologic). Между двумя указанными терминами нет никакого смыслового различия, и оба они противопоставлены термину «фонетический» в значении «неязыковый, нелингвистический». Ср. такие центральные исследования в американской фонологии, как «Фонетическое и фонемическое изменение» Хилла (Hill, 1958, 81—84), «Фонемический принцип» и «Фонемические контрасты» Суодеша (Swadesh, 1958, 32—38; Swadesh, 1936, 298—307). Ср. также известную работу Джао «Неединственность фонемических решений фонетических систем» (Chao, 1934, 363—397) и многие другие работы, написанные на заре американского структурализма в 30-е годы XX столетия (библиография по дескриптивистской лингвистике, составленная Блоком, насчитывает 632 работы, написанные до 1952 г.).

субституции, в фонемы, на базе комплементарной дистрибуции (Harris, 1951, 25—28; 29—41; 41—44; 45—58; 59—63). Представляется также, что Харрис более последователен, чем Хокетт, как в своих фонологических взглядах, так и в употреблении терминов.

Как было показано выше, термины «фонология», «фонемика», «фонетика» (и соответственно «фонологический», «фонемический», «фонетический») употребляются в американской структурной лингвистике в разных значениях, крайне беспорядочно и вряд ли могут быть сведены к одному знаменателю. Они вообще, видимо, не имеют никакого значения, кроме того, что, встречаясь в названиях разных работ разных авторов, они в каждом отдельном случае просто обозначают описание плана выражения такого-то языка таким-то автором (Хокеттом, Блоком, Суодешем, Вёглином, Трейгером, Харрисом и т. д.).

Существует, однако, мнение, что введение нового термина «фонемика» и новое осмысление старого термина «фонология» сделали ясными различия, существующие между фонетикой и фонемикой, которые, с точки зрения пражцев, являются двумя областями науки, а с точки зрения американских структуралистов, являются двумя уровнями одной иерархии (Fischer-Jørgensen, 1975, 75). Этому высказыванию противоречит, между тем, высказывание Фишер-Ёргенсен о том, что в традициях постблумфильдианцев надо было рассматривать фонетику как часть лингвистики или как прикладную лингвистическую дисциплину. Фишер-Ёргенсен ссылается при этом на работы Трейгера и Хокетта (Trager, 1950; Hockett, 1955; Fischer-Jørgensen, 1975). Среди американских структуралистов, действительно, существует много противоречивых высказываний о месте фонетики в системе языка, что, в частности, подтверждается и вышеприведенным анализом этих высказываний. Эти противоречия, в свою очередь, отражены в значительной степени в многозначном употреблении одних и тех же терминов. Представляется, что введение американскими структуралистами нового термина «фонема» и переосмысление старого «фонология» только запутали вопрос о «двухуровневом» характере плана выражения языка, о соотношении материальной и лингвистической реальностей, но отнюдь не прояснили его.

Однако вклад, который внесли американские дескриптивисты в фонологическую (фонемическую, фонетическую) науку, заключается, конечно, не в том, насколько удачно они использовали тот или иной термин, а в количестве оригинальных идей, высказанных ими в исследованиях фонетического строя огромного количества языков, которые они подвергли лингвистическому анализу. Так, среди достижений американской структуральной фонологии следует назвать метод субституции, впервые введенный Суодешем (Swadesh, 1958), знаменитый pair test Харриса и его компонентный анализ (см., например, его долгие компо-

ненты, которые покрывают не только ударение и акцент, но также и назальность, и участие голоса в произнесении звуков — Harris, 1958б, 124—138; Harris, 1945, 239—246; Harris, 1951, 18, 49, 51, 53, 55, 125, 302, 328, 359, 363); критерий конгруэнтности, применяемый, в частности, в работах Суодеша, Хокетта, Пайка (Swadesh, 1958, 35; Hockett, 1958а, 100; Pike, 1947, 63—66); анализ по непосредственно составляющим, в котором непосредственно составляющие как структурные единицы звукового описания языка не всегда совпадают с такими структурными сегментами, как фонемы (Pike, Pike, 1947, 78—91; Hockett, 1955, 150—152); концепции слога (см., например, Pike, 1947, 62, 65; Hockett, 1955, 56, 75—76), понятие морфофонемы и алломорфов (Bloomfield, 1958; Harris, 1958; Swadesh, Voegelin, 1958) и многие другие. Много в концепциях американских структуралистов представляется спорным и не раз подвергалось критике (в том числе и в этой работе), но тем не менее именно эти концепции составляют то, что можно было бы назвать «американской структуральной фонологией».

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Термин «фонемика» используется также за пределами школы Блумфильда. Так, глава просодической школы Фёрс¹⁵ уделяет особое внимание функциональному описанию звуковых элементов: «Описание должно содержать по возможности точный и полный инвентарь всех элементов, которые имеют дифференцирующую функцию с фонологической точки зрения. Следует уделять большое внимание различиям между элементами и их возможными вариантами» (Firth, 1957в, 222). В этих же рекомендациях указано также, что «фонемика» должна опираться на силлабическую структуру языка (Firth, 1957в, 222). Обычно, правда, просодическая школа пользуется преимущественно термином «фонология».¹⁶

Фёрс, следуя создавшейся традиции определять различие между «фонетикой» и «фонологией», понимает это различие следующим образом. Он подчеркивает панглоссическую сущность фонетики, коллекционирующей и классифицирующей звуки в универсальные категории (Firth, 1957а, 34). Фонетика, с точки

¹⁵ В советской лингвистике просодическую школу называют также школой функционального структурализма (Кубрякова, 1964, 352). Однако мы будем придерживаться традиционного названия.

¹⁶ См. также основополагающие работы просодической школы, как «Фонологические признаки некоторых индийских языков» Фёрса, «Фонология заимствований в некоторых юго-восточных азиатских языках» Гендерсона, «Фонология назализованных вербальных форм в сунданезе» Робинса, «Фонологический анализ монослогов сунданезе» Скотта, «Некоторые аспекты фонологии номинальных форм турецкого слова» Уотерсона и Робинса и другие (Firth, 1936; Henderson, 1970; Robins, 1953; Scott, 1956; Waterson, Robins, 1956).

зрения Фёрса, — наука чисто описательная, нелингвистическая, игнорирующая фонологическую структуру и функцию. В отличие от нее «фонология» — это систематическая фонетика, занимающаяся не просто коллекционированием звуков, но устанавливающая необходимые фонетические особенности данной формы речи и таким образом определяющая место каждого звука в общей фонетической структуре или системе, где лингвистическая значимость каждого звука или звукового атрибута зависит от других звуков и косвенно от всех других звуков языка (Firth, 1957a, 34). Фонологии, согласно Фёрсу, свойственна собственная техника анализа, отличающаяся особой природой систематизации, которая имеет функциональный лингвистический и прагматический характер (Firth, 1957a, 34). Общая лингвистическая установка Фёрса в описании звукового строя языка заключается, таким образом, в особом типе систематизации материально-субстантных характеристик звуков, обусловленных той функцией, которую эти характеристики выполняют в языке, а также взаимосвязанностью всех звуков фонологической системы, определяемой их функциональными отношениями. Фёрс уделяет много внимания роли фонетики в науке о языке, и в этом сказывается, конечно, влияние Джоунза и традиций английской фонетической школы. «Фонетика как академическая дисциплина, — пишет Фёрс, — никогда не ценилась более высоко, чем в настоящее время, когда исследование многих восточных и африканских языков начинается заново с грандиозной задачи нахождения и установления языковых систем, реализованных в речи наших азиатских и африканских коллег. Мы должны начинать с акта речи, потому что фонетика рассматривается не в качестве науки о произношении для европейских учеников, но скорее как ряд технических приемов для изучения актов речи на базе систематического анализа, для установления лингвистических фактов, а возможно также для установления адекватных текстов» (Firth, 1957b, 145).¹⁷

Основное, чем отличается, согласно Фёрсу, «фонетика» от «фонологии», — это семантика. Но в то же время Фёрс считает, что на уровне фонетического анализа требуется значительное число семантических «перерассмотрений» и что «фонологическая структура слова в каждом языке должна быть основана на фонетических открытиях». ¹⁸ Таким образом, переплетение двух «научных уровней» (выражение Фёрса) в описании структуры языка, превращение дихотомии «фонетика — фонология» в понятие фонетического системного подхода в описании языка —

¹⁷ Для обозначения области нелингвистического изучения звуков (как человеческих, так и звуков, издаваемых животными), Фёрс предложил также термин «фоника» (phonics) (Firth, 1957b, 226).

¹⁸ Не случайно Фёрс указывает на то, что термин «фонема» появляется в обеих дисциплинах: и в фонетике и в фонологии (Firth, 1957b, 145).

один из общих тезисов лингвистической концепции Фёрса. Однако его рассуждения о терминах «фонемика», «фонетика», «фонология» и производных от них терминах, являются, видимо, на самом деле только данью традиции оговаривать проблему дихотомии «фонология — фонетика» и почти никак не связаны с его основной фонологической концепцией.

Сущность фонологической концепции Фёрса и ее основное отличие от других заключается не в том, как семантические реалии выражаются в звуковой структуре языка, и не в том, как следует классифицировать звуки, а в том, какие единицы составляют эту звуковую структуру. «Фонологический анализ слова должен принимать во внимание силлабическую структуру слова, и, таким образом, включать в себя определение составляющих» (Firth, 1957b, 146). С этой целью он вводит термин «сонант» в значении «слоγοобразующий элемент» вместо термина «гласный» и употребляет в соответствующем значении слово «консонант» (т. е. неслоγοобразующий элемент). И сонанты, и консонанты представляют собой фонематические составляющие слога и слова. Слоги как составляющие слова имеют такие признаки, как ударение, количество, назализацию, аспирацию, тон и некоторое количество других атрибутов, которые все вместе могут быть названы просодическими признаками, или просодиями.¹⁹ Эти просодии распространяются на сонанты, консонанты, слова, синтагмы и целые предложения. Таким образом, просодии выступают как универсальные фонологические единицы.²⁰

На основании вышеизложенных постулатов Фёрс определяет свою фонологию как анализ фонематических и просодических составляющих в структуре слога, слова и группы слов, именуемых «pieces». Между тем фонетика обеспечивает технику описания, классификацию и установление фонов и других элементов речи. Таким образом, в дихотомию «фонетика — фонология» в просодической школе вкладывается несколько иное содержание. Если фонетический анализ звуков и просодических явлений происходит на разных ступенях, то при фонологическом анализе эти ступени как бы объединяются. Кроме того, если некоторые звуковые характеристики (такие, как назальность или аспирация) попадают при фонетическом анализе в сегментные классификации, то при фонологическом анализе они попадают в ранг супрасегментов или в терминах просодической школы — просодий как признаков слоговых элементов.

¹⁹ Ср., анализ долгих компонентов Харриса, в котором назальность также учитывается как одна из просодических характеристик фонологической системы (Harris, 1951). Возможно, эта идея Харриса послужила толчком для создания целой фонологической концепции.

²⁰ Более подробно о концепции Фёрса см. в его работе «Звуки и просодия» (Firth, 1957g, 121—139, особенно 130; Firth, 1957b, 226).

В школе трансформационной грамматики понятия «фонология» и «фонетика» (и соответственно понятие «фонологический» и «фонетический» уровни)²¹ настолько тесно связаны с общелингвистической концепцией этой школы, что не могут быть объяснены без уяснения основных тезисов этой школы.

Трансформационная грамматика возникла как реакция на так называемую «таксономическую» фонологию,²² или фонемiku, которая подвергалась резкой критике со стороны главы школы трансформационной грамматики Хомского (Chomsky, 1964). Всю предшествующую фонологию Хомский называет таксономической, поскольку она основана, с его точки зрения, исключительно на сегментации и классификации и на наблюдаемой адекватности. Несмотря на то, что Хомский подвергает критике представителей таксономической фонологии, он тем не менее не может избежать их влияния. В его концепции можно проследить отдельные черты структурального анализа (см., например, анализ по непосредственно составляющим Хокетта и Пайка, бинарную интерпретацию звуковых характеристик Якобсона, различение маркированных и не маркированных членов оппозиций, принятое в фонологической теории пражского структурализма).

«Фонологический компонент» общезыковой системы генеративистов неразрывно связан с синтаксисом, в то время как в «догенеративистских» концепциях «фонология» как ступень в иерархической системе уровней (или как аспект лингвистики) соотносилась непосредственно с морфологией. Отрицание процедуры анализа (*discovery procedure*), начинающейся с установления самых маленьких единиц (фонем) и проходящей стадию определения морфем (через морфы) в процессе определения более крупных единиц, позволяет генеративистам миновать эти стадии и переходить от синтаксиса непосредственно к фонологии. Поскольку одним из важнейших постулатов трансформационной грамматики, отличающим ее, в частности, от других лингвистических концепций, является утверждение примарности синтаксической структуры лингвистического анализа, представляется необходимым вспомнить высказывание Хомского о сложности уровневого анализа языка в одной из его первых работ, излагающих новую концепцию. «Язык, — пишет Хомский, —

²¹ В пределах этой школы используются только термины «фонология», «фонологический компонент» и т. п. См. работы таких известных представителей генеративной фонологии, как Постал, Хомский, Халле, Фёдж, Андерсон, Бирвиш, Чейф, Хармс, Хаусхолдер, Лейдфогд, Мак Коули, Шейн и многих других (Postal, 1968; Chomsky, 1972; Chomsky, Halle, 1972; Fudge, 1972; Anderson, 1974; Bierwisch, 1967; Chafe, 1967; Halle, 1972; Harms, 1968; Householder, 1965; Ladefoged, 1970; McCawley, 1968; Schane, 1972).

²² «Таксономией» называется сопоставление сходных (подобных) явлений в одном и том же и в разных языках как основа научной классификации языковых фактов и самих языков (Ахманова, 1976, 114).

это колоссально сложная система, и довольно очевидно, что любая попытка представить непосредственно набор грамматических фонемных последовательностей сделает грамматику настолько сложной, что она станет практически бесполезной. По этой причине (а также по многим другим причинам) лингвистическое описание происходит в терминах системы „уровней репрезентаций“. Вместо того, чтобы устанавливать фонемическую структуру предложений непосредственно, лингвист устанавливает элементы такого „более высокого уровня“, как морфемы, и определяет отдельно морфемную структуру предложе-

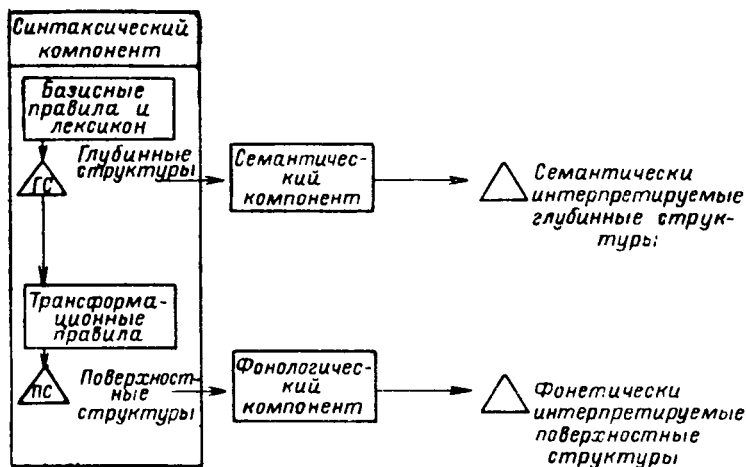

Рис. 1 (Postal, 1968, 204)

ний и фонемную структуру морфем (Chomsky, 1957, 18). Это рассуждение предшествует развитию дальнейших постулатов, согласно которым к установлению фонематической структуры следует идти в обратном порядке: от предложения (как синтаксической единицы) или морфемы — к фонеме.²³ Следует напомнить, что трансформационная грамматика — это набор правил. «Грамматика языка — это система правил, определяющих звуко-семантическую корреспонденцию» (Chomsky, Halle, 1968, 3). Причем и лексические единицы и фонологические применяются к грамматике, в то время как синтаксис включает морфологию и иногда лексику. Правила нужны, в свою очередь, для того, чтобы генерировать языковые потенциальные реалии,

²³ Здесь будет уместно вспомнить, что Хомский рассматривает язык как набор предложений, каждое из которых ограничено определенной длиной и состоит из ограниченного количества элементов (Chomsky, 1957, 13). Под упомянутыми предложениями Хомский, вероятно, имеет в виду не реальные предложения языка, а потенциальные, существующие в так называемой глубокой структуре.

Итак, в языковой схеме (см. рис. 1), составленной на основе положений трансформационной грамматики, область фонетики предназначена для интерпретации поверхностных структур. Соотношение фонологической и фонетической областей не ясно из предложенной схемы и может быть объяснено с помощью анализа других работ, выполненных в ключе генеративной фонологии.

Оба уровня, как фонетический, так и фонологический, имеют в концепции генеративной фонологии лингвистический статус, так же как и в концепции американских дескриптивистов, и оба уровня описываются в одинаковых фонетических терминах

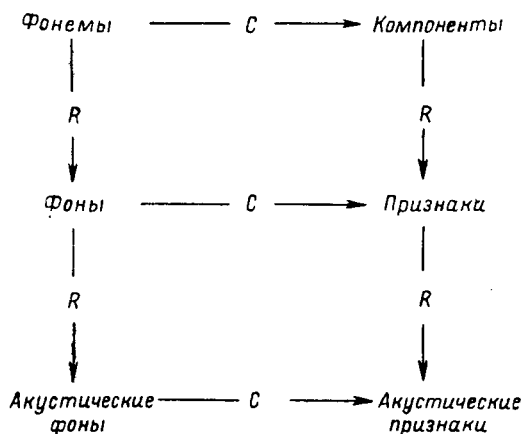

Рис. 2 (Hockett, 1961, 41)

(Halle, 1972, 399), что уже само по себе противоречиво. При этом характеристики фонем на фонологическом уровне часто не соответствуют действительному фонетическому содержанию фонем. Как показывают Хомский и Халле в своей программной работе «Звуковая модель английского языка», базисные глубинные фонологические репрезентации не всегда совпадают с сегментами поверхностных форм (Chomsky, Halle, 1968, 111).

Таким образом, фонология (соответствующая в трансформационной грамматике уровню глубинной структуры) не отражает языковой реальности, существующей независимо от носителя языка, но отражает языковую реальность, якобы существующую в мозгу носителя языка (но, в самом деле, вполне произвольно вкладываемую в него исследователем). Носитель языка превращает, в свою очередь, эту якобы языковую реальность (истин-

вополняется грамматике и лексике и занимает, таким образом, особое место в системе языка. Соглашаясь с этой точкой зрения Щербы, Зиндер замечает, однако, что фонетика связана и с грамматическим строем, и со словарем (Зиндер, 1960, 4).

ность которой невозможно проверить никакими индуктивными методами) в другую языковую реальность, лежащую на поверхности (и, напротив, поддающуюся объективному анализу), называемую в генеративной грамматике фонетическим уровнем. Однако в термин «фонетический уровень» генеративисты вкладывают нечто другое по сравнению с тем, что вкладывают в понятие «фонетика» в значении «уровень», например, пражские структуралисты. Так, генеративисты делят фонетический уровень на фонетический и физический, в котором фонетическая репрезентация может быть интерпретирована как набор инструкций к артикуляторной системе или как уровень перцептуальных репрезентаций (Chomsky, Halle, 1968, 65).

Таким образом, дихотомия «фонология — фонетика» в генеративной фонологии трансформируется в тройную систему противопоставлений «фонология — фонетика — физиология (или физика)», в которой два первых члена эксплицируют языковые события чисто менталистического порядка, в то время как третий член «триады» эксплицирует объективно наблюдаемые факты неязыковой физиологической или физической реальности. При этом первый член представляет собой «глубинную структуру», перцептивную, подсознательно существующую, и производящую «поверхностную структуру» (т. е. второй член триады), являющуюся, в свою очередь, также перцептивной реальностью.

Так дихотомия таксономатики «фонология — фонетика» (или, наоборот, «фонетика — фонология») раскладывается на дополнительную дихотомию «фонология глубинных структур — фонология поверхностных структур» (последняя названа в генеративной фонологии, однако, «фонетикой»). В этой дихотомии релевантным становится противопоставление «глубинность — поверхностность». В то же время, если первые два элемента объединить в один, то мы получим дихотомию «перцептивная структура — неперцептивная структура».

Представляется, что новизна генеративной фонологии в поиске соотношения материального и лингвистического заключается исключительно во введении уровня глубинных структур, представленного в терминах фонем. Особенностью этого уровня

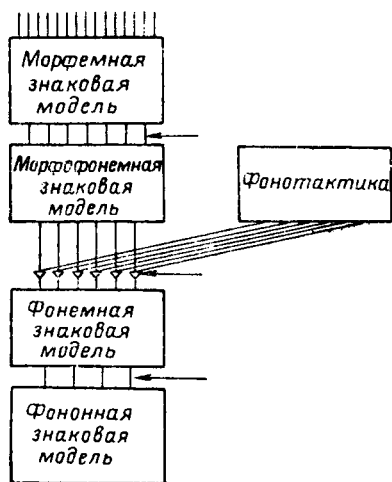

Рис. 3 (Lamb, 1966, 559)

между тем является то, что фонемы этого уровня существуют якобы в нашем подсознании и не являются объектом непосредственного наблюдения. Видимо, поэтому их индуктирование не связано с действительно наблюдаемыми фактами как чисто материальной, так и лингвистической реальности, и часто совершенно не соответствует им. Примером несоответствия поверхностных и глубинных структур (т. е. фонетического и фонологического уровней) могут служить фонологические исследования языков Нигерии и мальтийского арабского Хайманом. Так, исследуя глубинные структуры фонем, являющихся непалатализованными на поверхностной структуре, Хайман объявляет их потенциально палатализованными, применяя удобные для этого случая трансформационные правила. Кроме того, Хайман получает, например, огубленные и неогубленные фонемы среднего ряда, репрезентируемые, однако, как неогубленные заднего ряда (Нупап, 1970, 62).

В теоретической части своей работы Хайман утверждает, что абстрактность неальтернирующих глубинных сегментов заключается как раз в том, что она не возникает на фонетической поверхности (Нупап, 1970, 58—59).²⁶ Подтверждая свои конкретные выводы общелингвистическими рассуждениями, Хайман напоминает об общетеоретическом подходе к целям фонологии в трансформационной грамматике: «не находить новых путей представления фактов (как в традиционной фонологии), но раскрывать природу умственного механизма, приводимого в действие ребенком при овладении языком, и находить принципы, конструирующие этот механизм» (Нупап, 1970, 58—59). Как известно, природа умственного механизма в генеративной фонологии раскрывается с помощью правил, переводящих уровень глубинных репрезентаций в область поверхностных, что, собственно говоря, и составляет суть генеративной фонологии.

Из всего сказанного очевидно также, что генеративная фонология пользуется терминами «фонология», «фонологический уровень» в особом значении, свойственном только этой лингвистической концепции, и решает вопрос о соотношении физической (физиологической) и нефизической (нефизиологической), т. е. лингвистической, реальности с максимальной степенью произвольности, вынося зачастую за скобки психологических построений материально-субстантную сущность языковых единиц.

СТРАТИФИКАЦИОННАЯ ФОНОЛОГИЯ

Решение проблемы дихотомии «фонетика — фонология» и соответственно проблемы противопоставления фонетического уровня фонологическому в стратификационной фонологии

²⁶ Ср. название статьи Кипарского «В какой степени абстрактна фонология» и название статьи Хаймана «В какой степени конкретна фонология», которая является ответом на статью Кипарского.

можно понять только на фоне ее общей фонологической концепции, в которой, однако, эта проблема не занимает центрального места.

Основные постулаты стратификационной фонологии, изложенные в работе Лэма «Прологомены к теории фонологии», дают довольно ясную картину того, что представляет собой эта фонология (см.: Lamb, 1966, 536—574).

Суть фонологической концепции Лэма заключается в анализе тех отношений, которые существуют между морфемами (или алломорфами), морфофонемами, фонемами и их признаками. В терминологии Лэма морфофонеме соответствует термин «морфон», морфеме — термин «лексон», а признаку — «фонон». Каждая единица (или система единиц) входит в определенный срез, образующий систему, которая называется (в зависимости от типа «конструкции») стратой, моделью, уровнем, репрезентацией (или реализацией), композицией и соотносится с единицами (системой единиц) других срезов. Так, морфоны, морфемы, лексоны, находясь в разных срезах языковой системы, связаны между собой, а также с фонемами и ее признаками (в терминологии Лэма фонемами или компонентами) через вхождение одной единицы в другую по горизонтали или по вертикали (Lamb, 1972).

Надо отметить, что положение Лэма об уровневом характере языка в значении иерархической соотнесенности его единиц, отнюдь не ново и восходит к аналогичному положению американского структурализма (если не считать новым, что Лэм употребляет для известных понятий новые термины). Однако между его анализом и, например, анализом Хокетта есть некоторая разница. Так, у Лэма фонемы, реализующие один морфон (т. е. одну морфофонему, или иначе — альтернирующую фонему) и лексон (т. е. морфему), принадлежит к разным срезам, в то время как у Хокетта морфема (т. е. лексон) и морфофонема (т. е. морфон) принадлежат к одному срезу (Hockett, 1961, 37).

В стратификационной теории зависимостям между языковыми единицами, организованными в разные системы, придается очень большое значение. Вся теория, собственно, построена на конструировании систем, составляющих так называемые модели, уровни, страты, соотнесенные определенным образом друг с другом. Между тем такие важные вопросы, как сегментация и идентификация фонем и их материально-субстантная обусловленность, функция и значение отодвигаются на второй план или вообще не затрагиваются. Разработка иерархической взаимосвязанности систем дает возможность устанавливать пространственные зависимости между известными единицами языка (которые, правда, как было продемонстрировано, переименованы в другие названия). Поэтому стратификационная теория фонемы не может быть понята без графических изображений, показывающих наглядно отношения вхождения одних единиц

в другие. Представляется, что новизна этой теории и определяется, в основном, наглядным изображением того, как известные языковые элементы отдельных аспектов языка пространственно соотносятся друг с другом.²⁷

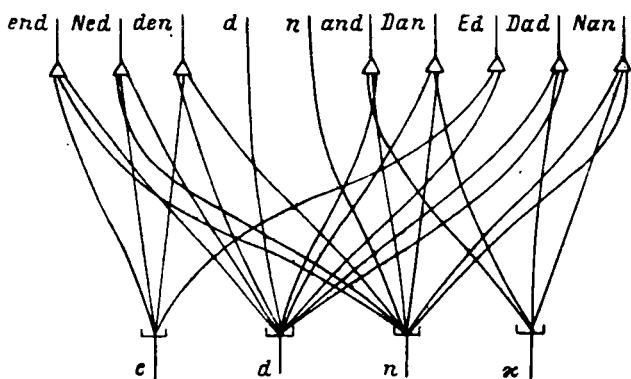

Рис. 4 (Lamb, 1966, 548)

Основные моменты теории стратификационной фонологии могут быть сведены к следующим положениям.

Морфема определяется как фонологический комплекс, а фонема (Лэм пользуется старым термином) как единица, образующая морфему (Lamb, 1966, 548, 550). Утверждается также, что

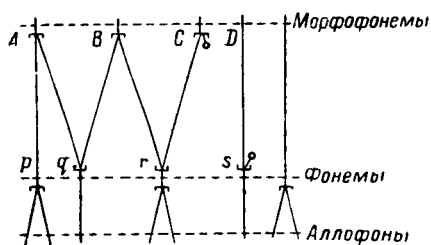

Рис. 5 (Lamb, 1966, 550)

все морфемы языка отличаются друг от друга по составу фонем, но имеют иногда частичные сходства. Эта конфигурация отношений представляет собой определенную модель, называемую Лэмом знаковой моделью (Lamb, 1966, 548) (рис. 4).

Вторым важным моментом фонологической теории Лэма является наличие модели единиц, — пишет Лэм, — могут альтернировать с другими фонологическими единицами в морфемных репрезентациях» (Lamb, 1966, 549—550). Абстрактный пример, демонстрирующий это положение, см. на рис. 5. На нем показаны соотношения типов языковых единиц, которые Лэм называет «node on», а также «down on» и «up on». Мы видим здесь альтернации фонем, некоторые из которых находятся в позиции нейтрализации. Морфофонема А соотносится либо с фонемой /p/, либо с фонемой

²⁷ Ср. также: Gleason, 1964; Sampson, 1970; Lockwood, 1972.

/q/. В свою очередь, фонема /q/ соотнесена с морфофонемой А и с морфофонемой В. Маленький кружочек обозначает отсутствие связей. Так, морфофонема С соотнесена с фонемой /г/, но больше ни с одной другой фонемой, подобно фонеме /s/, которая не соотнесена ни с одной из морфофонов. В последнем случае фонема /s/ называется «пустой». Как указывает Лэм, приведенная диаграмма неполная, так как она не показывает обусловленных окружений для существующих альтернатив, а также и потому, что в ней нет фонотактических элементов и фонемных компонентов (т. е. дифференциальных признаков) (Lamb, 1966, 549—550).

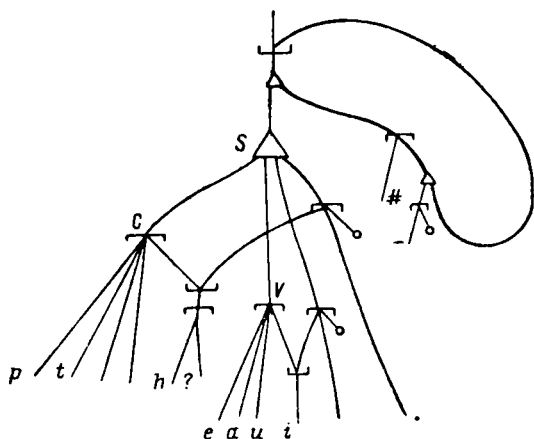

Рис. 6 (Lamb, 1966, 552)

Третьим постулатом стратификационной фонологии является условие тактики (т. е. фонотактики), при которой комбинации фонологических единиц предназначены для обозначения моделей аранжировки. В тактической схеме (рис. 6) показано соотношение фонем и просодических единиц (например, долготы гласных) диалекта North Fork (Monachi). В результате тактики, примененной в схеме (с учетом фактов нейтрализации), генерируются следующие слоги: рf, te?, ru', ta., ?ai, re-?, ?ui, где точка обозначает долготу, а запятая — долготу вместе с сильной артикуляцией следующего согласного (Lamb, 1966, 553).

Четвертый постулат теории включает описание модели компонентов фонем (т. е. дифференциальных признаков). Эта модель совпадает, по мнению Лэма, в своей сути с моделью фонологических единиц и отличается от нее только тем, что компоненты симультанны, а не последовательны.

Отношения между моделью компонентов, фононов (т. е. дифференциальных признаков) и моделью морфем, состоящих из

фонем, выраженных с помощью 56 линий (см. рис. 7), удовлетворяют обязательным требованиям фонологического описания: «экономии, парсимонии и генерализации» (Lamb, 1966, 554—555). Ср. рекомендации Хомского и Халле делить лексические единицы непосредственно на дифференциальные признаки: «лексикон — это набор лексических статей, каждая лексическая статья представляет собой пару (Д, С), где Д — это матрица фонологически дистинктивных черт, представляющих определенное количество лексических словообразующих (formative) и С — набор (collection) специфических синтаксических черт...» (Chomsky, 1965, 84).

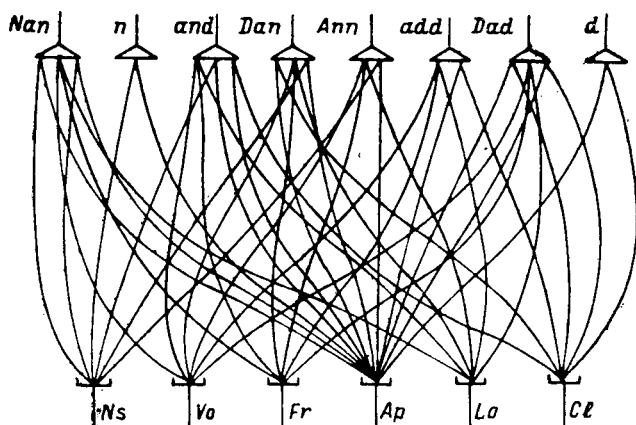

Рис. 7 (Lamb, 1966, 556)

Ни в одном из четырех положений, представленных как оригинальная концепция, не содержится по существу ничего, что было бы неизвестно до появления указанных «Прологоменов». Суть этой концепции сводится к признанию факта, что морфема состоит из фонем (установка американского структурализма), что фонемы — пучки симультанных дифференциальных признаков и могут нейтрализоваться (установки пражского структурализма) и что в языке есть альтернирующие фонемы (положение, выдвинутое еще Бодуэном де Куртенэ). Принципы фонотактики (непременная модель стратификационного анализа) разработаны, как известно, также американскими структуралистами. Однако соединение отдельных положений европейского и американского структурализма на фоне обязательного «уровневого» анализа, т. е. вхождения одних единиц (или их групп) в другие по горизонтали и по вертикали, и в разных плоскостях — это то, что характерно только для стратификационной фонологии.

Лэм предлагает также ряд других схем соотношения единиц и моделей. Так, в арсенале фонологических построений Лэма

есть также схемы зависимостей между знаковой моделью морфем, моделью морфофонемических альтернатив и моделью фонемических альтернатив (Lamb, 1966, 558). Кроме того, он создает схему, в которой морфемная знаковая модель и входящая в нее верхняя модель морфофонемических альтернатив, расположенная ниже, пересекаются верхней фонотактической моделью, в то время как базисная фонемная знаковая модель находится еще ниже, как бы во втором ряду. За ней по вертикали следует нижняя модель морфофонемических альтернатив, пересекающаяся нижней фонотактической моделью (Lamb, 1966, 563).

Отношение Лэма к вопросу «фонетика — фонология» проявляется не при рассмотрении положительных канонических его теории, а из критики канонических той фонетики, которую он называет C-phonemics и которая соответствует, по всей вероятности, тому, что Хомский называет таксономической фонологией. Согласно критериям C-phonemics, как утверждает Лэм, уровень реализаций находится ниже фонемического уровня (см. об интерпретации фонетического и фонологического уровней в дескриптивной фонологии). По мнению Лэма, фонема, представляющая фонологический уровень классической фонетики (или фонетики), не является структурным элементом, а выступает в виде компромисса, помогающего спрятать различие между двумя уровнями (фонемическим и фонетическим) от глаз теоретиков-фонологов (Lamb, 1966, 570). Согласно Лэму, в фонетике есть еще один ранее не определявшийся уровень, а именно — базисно-фонемический. Так, одному фонемическому уровню классической фонетики в стратификационной фонологии соответствуют два дистриктивных «уровня» — верхняя и нижняя «страты», т. е. эмиический уровень и уровень, где реализуются единицы эмиического уровня (Lamb, 1966, 571). Лэм устанавливает, что базисные фонемы и базисные фононы (т. е. дифференциальные признаки) принадлежат двум разным стратам — фонемической и гипофонемической.

Этот постулат влечет за собой, согласно Лэму, введение новых терминов для двух ипостасей фонемы, находящихся на разных стратах. Для понятия базисной фонемы Лэм оставляет термин «фонема», в то время как фонему нижней фонемической страты он называет гипофонемой (Lamb, 1966, 571).

Таким образом, конструирование новых моделей, новое понимание уровней и страт и распределение в них фонологических единиц, как показывают вышеприведенные рассуждения, приводит, в частности, к тому, что фонема расщепляется на две фонологические единицы, одна из которых, «базисная» единица, неделима и поэтому находится в одной страте, а другая (но по сути дела та же самая), манифестируемая в виде реализаций и признаков, делима и поэтому находится в другой страте. И в том, и в другом случае уровни — фонологические. Так, фонетические реализации фонемы и ее характеристики приобре-

тают статус лингвистических только благодаря тому, что вводится один дополнительный уровень, объявленный эмным, фонологическим, и так, видимо, по мнению Лэма, разрешается сложнейшая из всех фонологических проблем — соотношение материальной и лингвистической реальностей языка.

МОСКОВСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В работах московской фонологической школы (МФШ) для определения концепции, связанной с особенностями функционирования звуков в языке, используется преимущественно термин «фонология», а также иногда и «фонетика» как синоним термина «фонология».²⁸

Употребление термина «фонетика» вместо термина «фонология» не свидетельствует о том, что авторы работ, употребляющих первый термин, не проводят фонематического анализа. Реформатский допускает иногда терминологическую синонимию слов «фонология» и «фонетика», «фонологический» и «фонетический». Ср., например, его высказывание в статье «О соотношении фонетики и грамматики»: «Единство и целостность языка как особого общественного явления отнюдь не исключает особенностей каждого структурного элемента языка, фонетического, грамматического, лексического» (Реформатский, 1970, 399). Или следующее: «Для фонологического (или: фонетического) яруса основной единицей является фонема» (Реформатский, 1970, 114).

В одной из работ Реформатского (Реформатский, 1970, с. 516, 519) говорится: «Переключение фонетики в лоно фонологии не только спасло фонетику как лингвистическую дисциплину, но и послужило образцом структурного понимания иных ярусов языковой структуры» или: «Фонология — это то, в чем прежде всего проявился структурализм; структурализм — это то, что обобщило и фонологию, и то внефонетическое, что было ей сродни в грамматике и в общей проблематике лингвистики». Реформатский рассматривает фонологию как более высокую ступень фонетики в том смысле, что ее физические объекты представляют собой абстрактные объекты, в то время как лингвистические реальны и конкретны (Реформатский, 1952, 473). Аванесов также считает фонологию более высокой ступенью фонетики (Аванесов, 1955, 116—117). Против «рассечения» фонетики на две дисциплины «фонетику» и «фонологию» выступал также Бернштейн. Он ратовал за «различение в единой дисциплине, изучающей звуковой строй языка, двух точек зрения

²⁸ См., например, работы Реформатского в его книге «Из отечественной фонологии» (Реформатский, 1970, 481—484, 506—515, 516—523), а также: Реформатский, 1952; 1966; Кузнецов, 1970а, б, в; Бернштейн, 1962; Панов, 1970. Ср. также: Аванесов, 1947.

на каждое исследуемое явление: точки зрения материальной (антропофонической в терминологии Бодуэна де Куртенэ) и функциональной (фонологической)» (Бернштейн, 1952, 546). Кузнецов, полемизируя с Бюлером по вопросу о лингвистической аксиоматике, определяет инвентарь метапонятий, относящихся как к фонологии, так и к фонетике (Кузнецов, 1970в, 473—474, 475—479), и, таким образом, в довольно конкретной форме (а не в виде общих фраз) выражает свое отношение к тому, где МФШ проводит границу между фонетическим и фонологическим уровнями, т. е. между нефункциональным и функциональным уровнями (см. вышеприведенные высказывания Реформатского и Бернштейна). Так, среди принимаемых понятий фонетики оказываются «звук речи» и «звук языка» (последнее понятие не только принимается за аксиому, но и определяется). Понятие «звук речи», принятое в МФШ, соответствует понятию «звук речи» в общепринятом смысле (т. е. рассматривается как дискретный отрезок речевой цепи). Однако «звук языка» (т. е. «звук речи» во втором смысле) значительно отличается от понятий, принятых в других фонологических школах. Кузнецов определяет его следующим образом: «Звуком языка называется множество звуков речи, частью тождественных, частью близких друг к другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем)». Далее звук языка определяется как совокупность звуков речи (Кузнецов, 1970в, 473—474). Из данного определения нетрудно сделать вывод, что «звук языка» в концепции МФШ, это, по сути дела, то же самое, что фонема, например, в концепции Джоунза, определяющего фонему как семью звуков (Jones, 1948, 48). Сравнение определений Джоунза и Кузнецова позволяют прийти к заключению, что различие между элементами звукового аспекта языка в обеих концепциях носит чисто терминологический характер: «звук языка» Кузнецова соответствует «фонеме» Джоунза.

Так, то, что в общепринятом смысле называется «фонетикой» и «фонологией» (или фонетическим и фонологическим уровнями), Кузнецов называет «фонетикой». Однако такое терминологическое переосмысление термина «фонетика» не снимает проблемы соотношения материального и лингвистического в плане выражения языка. Наоборот, введение термина «звук языка» запутывает еще больше проблему.

Определение звука языка, репрезентирующего в МФШ фонетический уровень, соответствует понятию фонемы в традициях многих лингвистических школ, фонемы, которая, как известно, напротив, репрезентирует так называемый фонологический уровень. Согласно Кузнецову, фонологический уровень репрезентирует фонемы, тождественность которых определяется не принадлежностью различных звуков речи одному или близким друг

другу в артикуляционно-акустическом отношении звукам языка, а положением звуков речи в морфеме. Таким образом, термины «фонетика» и «фонология» в МФШ приобретают совершенно особый смысл: «фонетика» рассматривает как физиологические, так и какие-то функциональные особенности единиц звукового аспекта языка (так как звуки языка, по-видимому, должны выполнять определенную функцию, а не только быть классами сходных звуков), т. е. охватывает вопросы, которые обычно распределяются соответственно между фонетикой и фонологией, или фонетикой и фонемикой, в то время как «фонология» рассматривает исключительно альтернирующие звуки речи, выполняющие морфологическую функцию, и соответствует тому, что принято называть морфофонологией.

Постулирование звуков речи, звуков языка и фонем и соответственное распределение их в фонетический и фонологический уровни хотя и дает представление о том, что понимают в МФШ под фонетикой и фонологией, а также о том, в чем заключается суть концепции МФШ, но не дает, конечно, исчерпывающего представления о всей концепции в целом, т. е. о «фонологии МФШ».

Фонологическая концепция МФШ сформулирована, в частности, в статье Реформатского «Основные положения МФШ» (Реформатский, 1970, 114—120), в которой выдвинуты как общелингвистические, так и фонологические положения (фонологические в общепринятом смысле этого слова). «Фонология московской фонологической школы» — это не только дифференциация фонетического и фонологического, это очень сложная система целого ряда понятий. Так, согласно Реформатскому, язык представляет собой сложную семиотическую структуру, иерархически стратифицированную на ярусы, в то время как фонология — это один из ярусов языка. Фонема, как единица яруса, представляет собой структурную единицу, в то время как звук — это линейно сегментирующий отрезок. Непонятно, правда, что здесь понимается под «звуком» — «звук языка» или «звук речи». Видимо, все-таки «звук речи», но тогда не ясно, является ли «звук языка» структурной единицей и в какой ярус он попадает. Противоречивость отдельных положений концепции МФШ сказывается также в том, что фонемы в «Основных положениях МФШ» названы «звуками-различителями», в то время как известно, что они (согласно высказываниям представителей этой школы) лишены единого артикуляторно-акустического образа. В то же время фонема — это совокупность симультанных признаков, как дифференциальных, так и недифференциальных (дифференциалов и интегралов). В МФШ большое значение придается также позициям (сильные и слабые позиции) и результатам позиционного функционирования фонем — вариациям и вариантам, а также различению двух функций фонемы: перцептивной и сигнификативной. В фонологическую концепцию

МФШ входят также такие понятия, как нейтрализация, понятие уровней фонологического яруса (фонемного, вариативного, супraseгментного) и их подуровней (фонемного и гиперфонемного) (Реформатский, 1970, 114—120).

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Преимущественное употребление термина «фонетика» в традиции ленинградской фонетической школы (ЛФШ) не случайно и вызвано принципиальными соображениями. Не случайно также и то, что Зиндер не пользуется термином «фонологический» и предпочитает ему термин «фонематический», как производный от термина «фонема».²⁹

Соображения, по которым Ленинградская фонетическая школа (ЛФШ) предпочитает термин «фонетика» термину «фонология», употребляемому в традиции структуралистов либо в противопоставлении к «фонетике» как к другой науке, либо в значении более высокого иерархического уровня по сравнению с «фонетикой», достаточно четко сформулированы учеником и последователем Щербы, главой этой школы Зиндером и заключается в следующем.

Согласно Зиндеру, наука, занимающаяся звуковым аспектом языка, — дисциплина единая, она не может быть расщеплена на две науки и поэтому для ее обозначения следует пользоваться одним термином. Термин «фонетика» представляется наиболее удачным по целому ряду соображений. Этот термин употребляется в русских работах по традиции, которая идет от основателя ЛФШ Щербы. Употребление этого термина продолжает лучшие традиции «старой фонетики», которая стихийно учитывала фонематический аспект. Кроме того, термин «фонология» широко используется структуралистами, чья фонетическая концепция значительно отличается от концепции ЛФШ, и связан по значению с этой концепцией (Зиндер, 1960, 13—14). Действительно, термин «фонология» употребляется не только в значении «учение о фонеме» (т. е. в самом обобщенном своем значении), но чаще всего в значении «фонология пражского структурализма», или «фонология американского структурализма», или еще уже — «фонология Трубецкого», «фонология Хокетта» и т. д., т. е. в значении «фонологическая концепция».

Терминологическая дискуссия Зиндера с Трубецким по поводу дихотомии «фонетика — фонология» имеет глубокую подоплеку и обусловлена в конечном счете теми разногласиями, которые существуют в концепции Трубецкого и концепции Зин-

²⁹ Ср. такие работы, как «Общая фонетика» (Зиндер, 1960; 1979); «Фонематический статус аффрикат в современном немецком языке» (Зиндер, 1971); «Фонематическая сущность палатализованного «S» в русском языке» (Зиндер, 1963) и др.

дера по поводу роли материальной субстанции (артикуляторной или акустической) в функциональной реальности языка.

Согласно Зиндеру, фонетика изучает звук «как противоречивое единство акустико-физиологической и социальной (лингвистической) стороны, которой в звуке речи, как и во всяком другом языковом явлении, принадлежит ведущая роль» (Зиндер, 1960, 10).³⁰ «Фонетика, — пишет Зиндер, — имеет смысл существования только в том случае, если она изучает звук речи как языковое явление, т. е. если он представляет собой лингвистическую единицу» (Зиндер, 1960, 10). Ср. у Трубецкого: «Мы называем науку о звуках речевого акта фонетикой, науку о звуках языка «фонологией» (Трубецкой, 1960, 7).

Проблема дихотомии «фонетика — фонология», «фонетический уровень — фонологический уровень» решается в ЛФШ в плане отрицания этих противопоставлений и постулирования единого уровня (или аспекта), в котором лингвистика и антропофоника обуславливают друг друга. Из целого ряда высказываний Зиндера о связи между природой фонемы и ее социальной (языковой) сущностью, следует, что фонема имеет сложные физические корреляты речи, поскольку даже самый короткий отрезок речевой цепи отличается неоднородностью (Зиндер, 1970а, 375—377).

Согласно Зиндеру, соотношения между материальной и языковой сущностью фонемы тем более сложны, что, как экспериментально доказано, речь представляет собой непрерывный звуковой континуум и что в речи физически нет дискретных единиц. Однако можно все-таки считать, что речь состоит из отдельных звуков, поскольку отдельные звуки речи, как указывал еще Щерба, могут иметь самостоятельное значение и служить для различения смысла слов (Зиндер, 1970а, 377).³¹ Таким образом, значимость звука обуславливает дискретность речевого потока и связывает материальную реальность с лингвистической. Другими словами, фонетический и фонологический уровни объединяются в один уровень на почве функциональной «деятельности» материальной субстанции в синтагматической цели.

Фонологическая концепция ЛФШ включает в себя целый ряд теоретических положений, совокупность которых составляет «фонетику ленинградской школы». К важнейшим положениям этой школы относится, например, обязательный учет лингвистического фактора в членении речевого потока и установлении инвентаря фонем как одного из самых важных моментов ана-

³⁰ О переплетении двух стихий в фонетике, антропофонической и фонологической, как и о невозможности отрыва фонологии от фонетики в значении «антропофоника» см. у Щербы (Щерба, 1936, 110).

³¹ О значимости звуков см. также: Щерба, Виноградов, 1960, 11.

лиза звукового строя языка;³² обязательная социальная обусловленность всех звуковых явлений языка; понимание языка не как примитивной системы, симметричность которой обеспечивается ограниченным учетом языковых явлений, но как совокупности всех факторов языка, в том числе и тех, которые нарушают эту симметричность; понимание звука речи как формы существования фонемы; теория функций фонемы (словоразличительная и словоопознавательная функции); теория оттенков аллофонов фонемы (позиционные, комбинаторные); теория дифференциальных признаков;³³ теория чередований;³⁴ положение о различении фонем в так называемой «позиции нейтрализации», учение о фонеме как члене противоположений и учение о системе противоположений (однозначные, многозначные, типичные и изолированные оппозиции) и др. (Зиндер, 1960, 33—74; Зиндер, 1979, 36—79).

АНГЛИЙСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В английской фонетической школе, исследования которой имеют преимущественно практическую направленность, предпочитают также, как и в ЛФШ, пользоваться термином «фонетика», а также производным от слова «фонема» термином «фонемический».³⁵

В связи с ориентацией Джоунза на создание транскрипций для алфавитов языков, не имеющих письменной традиции, а также в связи с его интересом к английской орфографической реформе³⁶ он ставит себе задачу создать теорию фонемы, которая может быть применена при практическом изучении языков (Jones, 1950, VII). Ср., например, следующее его высказывание: «Поскольку фонетика не может быть ни изучена, ни применена без использования фонетической транскрипции и поскольку адекватные системы транскрипции требуют для их конструирования теории фонемы, я не вижу причины к тому, чтобы рассматривать теорию фонемы как нечто иное, чем интегральную часть фонетической науки, или, в конце концов, как необходи-

³² О выделении звука речи как автономной единицы с помощью установления взаимосвязи двух видов членения — морфологического, т. е. лингвистического и слогового, см.: Гордина, 1966, 172—183.

³³ Разработку теории дифференциальных признаков см. в работах Бондарко и Зиндер (Бондарко, Зиндер, 1966; Бондарко, 1969).

³⁴ Разработку теории чередований см.: Матусевич, 1976, 190—221.

³⁵ Ср., например, использование этих терминов в программной работе Джоунза «Фонема, ее сущность и употребление» (Jones, 1950, 28, 34, 208, 661, 664, 688, 689).

³⁶ См. такие работы Джоунза, как «Руководство по английской фонетике», «Фонетический аспект произносительной реформы», «Русское произношение», «Проблема национального алфавита в Индии», «Учебник языка сехуана», Учебник по фонетике кантонского диалекта» (Jones, 1948; Jones, 1944; Trofimov, Jones, 1923, Jones, 1942; Jones, Plaatje, 1916; Jones, Kwing Tong Woo, 1912).

мое приложение к ней» (Jones, 1950, VII). Отсюда, возможно, его несколько скептическое отношение к сложным фонологическим концепциям и то предпочтение, которое он отдает созданию учебных пособий по фонетике (основанных, впрочем, на его теории, согласно которой фонема представляет собой семью родственных звуков) (Jones, 1948, 48). Здесь было бы уместно вспомнить, что идея фонемы стала известной Джоунзу от Щербы (Jones, 1950, VI). Он находился также под большим влиянием идей Пасси и Суита, в высказываниях которых, например, о принципах транскрипции Джоунз видит имплицитное понимание фонемы (ср. «широкую» и «узкую» транскрипцию Суита и предложение, выдвинутое Пасси в первом изложении целей ассоциации учителей фонетики в 1888 г., обозначать каждый дистинктивный звук отдельной буквой, поскольку дистинктивные звуки, заменяя друг друга, меняют значение слова) (Jones, 1950, VI).

Верность Джоунза термину «фонетика» представляется вполне понятной на фоне его научных интересов. Однако и среди теоретиков-структуралистов существует мнение, согласно которому за описанием звукового строя конкретных языков следует оставлять статус фонетики. Так, например, Хоралек, рассуждая о том, чем отличается «фонетика» от «фонологии», делает вывод, что «фонология конкретных языков — это, по сути дела, наука о звуках» (Lautlehre), т. е. фонетика в общепринятом смысле этого слова, в то время как «общая фонология — это наука о фонемах, об их позиционных реализациях и вариантах, о функциональном использовании звуков, о системах звуков и других фонологических средствах» (Horálek, 1954, 33). На основании вышесказанного можно было бы сделать вывод о необходимости разделения двух аспектов (фонетики и фонологии) и о том, что «фонология» как наука должна заниматься общими теоретическими проблемами, в то время как «фонетика» должна описывать звуковой строй конкретных языков. Однако соображения Хоралека не поддерживаются практикой многочисленных исследований фонетического строя разных языков, многие из которых используют арсенал фонологических средств. Проблему дихотомии «фонетика — фонология» в данном случае следует понимать как противопоставление фонетики без использования теории фонемы фонологии как теории фонемы.

Следует попутно заметить, что интерес к фонетикам конкретных языков, который становится исключительно большим как раз в годы становления первых фонологических концепций (20-е — 40-е годы) не обязательно связан с «фонологическим» подходом к описанию звукового строя языка. См. работы, отражающие фонетический строй языка народов Севера, например, нивхов (Крейнович, 1934), селькупов (Прокофьев, 1935), манси (Чернецов, 1937), работы по фонетике африканских языков — готтентотского (Beach, 1938), банту (Doke, 1931), зулу (Doke,

1926) и др. В те годы появляется множество работ по фонетике языков Америки: работы Блумфильда (Bloomfield, 1939), Сэпира — о языке такелма (Sapir, 1922); по фонетике языков Кавказа, например, кабардинского (Яковлев, 1923); появились работы по индонезийскому (Assai, 1935), индийским, бирманскому (Firth, 1933; Armstrong, 1925), бенгальскому (Chatterjee, 1936) языкам; работы по фонетике узбекских диалектов (Поливанов, 1926); исследования китайского (Hartman, 1944, Hockett, 1958), работы по финно-угорским языкам, например, диалектам языка саамов (Ravila, 1931), шотландско-гэльскому диалекту (Borgström, 1940), цаконскому диалекту современного греческого (Anagnostopulos, 1926); албанскому языку (Lowthapp, 1932), и другим. Знаменательно, что работа Щербы о восточно-лужицком наречии появилась значительно раньше, в 1915 г. (Щерба, 1915), так же как и работы Джоунза по кантонскому диалекту китайского и языку сехуана (Jones, Kwing Tong Woo, 1912; Jones, Plaatje, 1916).

Работы представителей английской школы (как, впрочем, и работы американских дескриптивистов) занимают особое место в исследованиях такого рода. Однако как фонологические, так и нефонологические описания отдельных языков попадали в один цикл работ прагматического типа. В то же время описания звукового строя родных и неродных языков английской фонетической школы и, например, американской структурной школы резко отличаются друг от друга направлением задач исследования. Если в первых прагматика определяет теоретическую направленность анализа, то в последних теория предопределяет практику исследования, а структурный анализ фонетических явлений становится в известном смысле самоцелью описания.

Проблема двоичной системы «фонетика — фонология» может быть, таким образом, поставлена и разрешена в методологическом плане. В работах Джоунза «фонология» становится фоном для «фонетики» и «фонологический» анализ заключается, по существу, в «фонетическом» освещении фактов материально-субстантной реальности «фонологических» единиц (т. е. фонем).

КОПЕНГАГЕНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Наряду с терминами «фонология», «фонемика» и «фонетика» используется также термин «фонематика». В одной из своих первых публикаций «Принципы фонематики» Ельмслев дает краткое определение этого термина: «Под фонематикой я понимаю науку, которая занимается фонемами исключительно как элементами языка» (Hjelmslev, 1936, 49).³⁷ Уже в этом опреде-

³⁷ В это же время был опубликован доклад Ульдалля о фонематике датского языка (Uldall, 1936, 54—57).

лении заложена основная идея подхода к языку, в том числе и к его звуковой стороне, как к структуре, не зависимой от формы выражения. Поясняя далее, чем отличается «фонология» от «фонематики» (и имея, конечно, в виду то, чем отличаются другие структурно-фонологические концепции от его концепции), Ельмслев утверждает, что фонологическая фонема определяется как идея звука, как фонетическая идея и что фонология устанавливает системы фонем, исключительно основываясь на идее звука и чувства языка. Согласно Ельмслеву, ни физический, ни физиологический, ни психологический критерий не могут быть релевантными и фонема может быть определена только при помощи лингвистических критериев, т. е. при помощи своей функции в языке (Hjelmslev, 1946, 49).

В доказательство того, насколько различны понятия «фонология» и «фонематика», Ельмслев показывает на примере английского /г/ как одна и та же «фонетическая система» может быть выражена с помощью разных «фонологических систем». Так, варианты английского /г/ (шотландское раскатистое и нортумбрийское увулярное фрикативное) не нарушают нормы, так как не нарушают системы, которая удерживает /г/ на расстоянии от других фонем. Можно произнести /г/ как глухое или как [x], и это не будет противоречить норме, а будет противоречить только узусу. Между тем, если произнести /г/ как /л/, то это будет противоречить норме (Hjelmslev, 1936, 51). Таким образом, «фонологическая» реальность языковых элементов для Ельмслева, как это следует из приведенного рассуждения, — это диалектально-фонетические (или диалектально-фонологические) варианты одной фонемы, в то время как наддиалектальные и абстрагированные сущности (т. е. как бы диалектально-инвариантные) — это фонематическая реальность.

Уже в данной статье намечена основная идея глоссематиков о безразличности звуковой материи для анализа структуры языка и о возможности символизации фонем с помощью букв или других сигналов (Hjelmslev, 1936, 51).³⁸ Видимо, именно эта идея предопределила введение нового термина «фонематика» для обозначения науки о фонемах как элементах языка. И уже в этой статье Ельмслев предлагает использовать в дальнейших работах сторонников нового учения (ставшего известным как «глоссематика» или «копенгагенский структурализм») вместо «фонематики» термин «сенематика» (Hjelmslev, 1936, 49).

³⁸ Развитие этого тезиса см. в таких программных работах, как «О создании теории языка» (Hjelmslev, 1943), позднее изданном как «Прологемы к теории языка» (Hjelmslev, 1953), «Основы глоссематики» Ульдалля (Uldall, 1957), «Форма и субстанция в глоссематике» Фишер-Ергенсен (Fischer-Jørgensen, 1966), «Глоссематика» Спанг-Ханссена (Spang-Hanssen, 1962).

Глоссематики пользуются также термином «система выражения». Ср., например, работу Скорупа о системе выражения фарерского языка (Skårup, 1960) или работы Ельмслева о системе выражения датского и современного французского языков (Hjelmslev, 1970).

Следует напомнить, что в теории копенгагенского структурализма «план выражения», или «система выражения», противопоставлены «плану содержания», или «системе содержания». Оба лингвистических события рассматриваются как совершенно параллельные единицы, одинаково анализируемые и определяемые по одним и тем же принципам. Но поскольку структурно эти планы различны, они распадаются на отдельные составляющие или, в терминологии глоссематики, на фигуры (Ельмслев, 1960в, 305). Термин «план выражения» используется часто в современных лингвистических работах, в том числе и в данной работе, в значении «фонетическая» или «фонологическая структура», «звуковой строй языка» (хотя именно звук элиминируется из структурного анализа, проводимого в традициях копенгагенского структурализма), так как этот термин имеет нейтральный характер.

Глоссематический термин «таксема» лишь отчасти соответствует «фонеме», поскольку во всех остальных концепциях, кроме глоссематической, «фонема» так или иначе связана с материальной субстанцией, в то время как «таксема» независима от своих материально-субстантных реализаций (она является точкой пересечения сети функций).³⁹ В тех случаях, когда Ельмслев хочет употребить понятие, соответствующее «таксеме», но соотношенное с материальной субстанцией, он использует также термин «фонеманема» (Fischer-Jørgensen, 1975, 128).

В практическом фонетическом курсе датского языка Ельмслев оперирует звуковыми фактами языка, используя и фонетическую терминологию и фонетическую транскрипцию, оригинально интерпретирует факты материальной реальности (Andersen, Hjelmslev, 1961, 153—307).

Следует обратить внимание на то, что Ельмслев пользуется для описания фонем рассматриваемого языка основными вариантами фонем, как бы представляющими фонему (Andersen, Hjelmslev, 1961, 255). Он считает, что систему фонем следует класть в основу описания для более точной характеристики отдельных звуков языка, понимаемых как варианты, и различает соответственно «грубую транскрипцию» и «тонкую транскрипцию». Ельмслев учитывает также связанные варианты, обусловленные фонетически (*varietetet*), и свободные, не обусловленные

³⁹ Критику теории «транспозиции» Ельмслева, в которой особенно ярко проявляется его отношение к роли звуковой материи в теории языка, а также критику копенгагенского структурализма см., например: Зиндер, 1970а, 373—374; Ахманова, 1955 и другие работы.

фонетически (variationer). Примечательно, что в тексте его практической фонетики нет дифференциальных признаков. Описание антропофонической действительности того или иного языка интересует Ельмслева прежде всего как эталон для сравнения звуковых систем разных языков, где фонемы могут быть представлены разными вариантами. Так, он сравнивает 6 фонем четырех языков — датского, норвежского, финского и французского — по основным вариантам фонем: /p/, /b/, /m/, /t/, /d/, /n/. В датском языке они имеют следующие основные варианты: bh, ph, b, m, d, th, d, n, в норвежском — ph, b, m, th, d, n, в финском языке — p, b, m, t, d, n, во французском — p, b, m, t, d, n (Andersen, Hjelmslev, 1961, 254, 255, 258).

Несмотря на то, что Ельмслев, видимо, по традиции называет свою часть в фонетическом учебнике «Общая фонетика», он утверждает, что общей фонетики быть не может, поскольку всякая общая фонетика базируется в основном на родном языке (Andersen, Hjelmslev, 1961, 288). Это соображение кажется особенно неожиданным на фоне его общелингвистической концепции, носящей характер универсального учения.

Анализ работы Ельмслева дает основание считать, что он различает «фонетику» — науку о звуковой стороне языка, в которой описание базируется на материально-субстантных реалиях, релевантных при сравнении одного языка с другим, и «фонематику» («сенематику») — науку о структурной форме языка, где материально-субстантная реальность оказывается иррелевантной.

Фонологию пражских структуралистов Ельмслев рассматривает не как анализ структуры языка, а как завуалированный звуковой анализ, сходный с теорией фонемы Джоунза. Ельмслев указывает, что «обе школы с удивительной непоследовательностью исходят из некоторого предварительного разделения совокупности всех звуков на категории гласных и согласных на основе нелингвистических предпосылок» (Ельмслев, 1960в, 320). Структура языка, с точки зрения Ельмслева, есть сеть зависимостей, или сеть функций (Ельмслев, 1960г, 47), для которой безразличны материальные реалии, поскольку суть языка заключается не в звуках, знаках и значениях, а во взаимных соотношениях между ними в речевой цепи и парадигмах (Ельмслев, 1960б, 49).

Разрешение Ельмслевым проблемы соотношения «фонетики» и «фонологии», или иначе — материального и лингвистического (структурного), достаточно четко сформулировано им в статье «Метод структурного анализа в лингвистике», в которой он, продолжая идею Соссюра о важности соотношений между единицами языка, пишет: «Эти именно соотношения и составляют структуру языка, и именно их внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков, в то время как проявление языка в звуках или письменных знаках

остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы» (Ельмслев, 1960б, 49). О том, в какой степени идеи Соссюра оказали влияние на Ельмслева см. также его статью «Язык и речь», в которой говорится, в частности, о том, что Соссюр открыл язык и создал структурную лингвистику (Gestaltlinguistik) (Ельмслев, 1960г, 57).

ПРОБЛЕМЫ НОРВЕЖСКОЙ ФОНОЛОГИИ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Существует целый ряд классификаций норвежских согласных (Storm, 1908, 24; Larsen, 1948, 14; Broch, Selmer, 1930, 24—31; Kloster-Jensen, 1969, 36—39, 100—101; 1976, 19; Christiansen, 1946—1948, 22; Borgstrøm, 1958, 25—26; Haugen, 1965, 41; Popperwell, 1963, 44—62; Marm, Sommerfelt, 1959, 19—24; Vanvik, 1965, 36; 1972, 146; 1979, 28; Strandskogen, 1972, 62; Sivertsen, 1976, 139). Эти классификации, построенные по физиологическим, артикуляторным признакам, представлены, как правило, в виде таблиц или схем и могут быть условно разделены на две основные группы: фонетические и фонологические.

Авторы первой группы считают, что они описывают и классифицируют звуки норвежского языка (Сторм, Ларсен, Сельмер, Брок, Сивертсен), авторы второй группы считают, что они описывают и классифицируют фонемы норвежского языка (Боргстрём, Хауген, Кристиансен, Клостер-Енсен, Ванвик).

Все фонетические классификации отличает большая дифференцированность звуковых характеристик, дробление крупных групп звуков на более мелкие. Так, Сторм устанавливает для согласных норвежского языка 2 большие группы по месту образования, объединяющие 13 более мелких (Storm, 1908, 24). Сельмер и Брок дают общefonетическую классификацию, в которой дробление по методу образования доходит до 17 группировок, из которых 12 относятся непосредственно к согласным норвежского языка (Broch, Selmer, 1930, 24—31). Систематизация звуков, предлагаемая Сельмером и Броком, очень многоступенчата. Из 4 больших групп по месту образования только одна (язычно-небные артикуляции) подразделяется на 3 менее крупные, которые в свою очередь дробятся на 4 подгруппы, одна из которых расщепляется еще на 4 подгруппы. Автор данной работы дает схему норвежских согласных в соответствии с таблицей Щербы (таблицу Щербы см.: Зиндер, 1960, 150—151).

По этой схеме норвежские согласные можно разбить на 8 групп по месту образования и 11 по способу образования.

В основе указанных фонетических классификаций лежат всегда физиологические критерии, и различие в способах фонетических систематизаций обусловлено различием в точках зрения авторов-фонетистов на роль этих физиологических критериев: большую или меньшую долю участия в артикуляции активных или пассивных органов, большее или меньшее значение формы языка при артикуляции звуков, большую или меньшую роль отдельных частей артикулирующих органов и так далее. Стройность и полнота указанных классификаций зависит отчасти от фонетических принципов, положенных в их основу, отчасти от умения автора расположить материал. Так, в классификации Сторма четко определено основание для сравнения звуков, благодаря чему каждый звук может быть четко дифференцирован от другого, а характеристики звуков не совпадают и не перекрещиваются. Классификация Сельмера и Брока менее стройна из-за своей многоступенчатости и несимметричности. Так, например, [d] в норвежском характеризуется ими как язычно-небное, супрадентальное, медиальное, переднее и корональное, а [l] — только как язычно-небное, супрадентальное, латеральное (т. е. не медиальное), но с точки зрения участия передней, средней или задней части языка латеральные никак не дифференцируются, а корональность для латеральных имеет другое значение, чем корональность для медиальных (см.: Broch, Selmer, 1930, 28—30). Таблица согласных Ларсена невыгодно отличается от Стормовской своей упрощенностью, а также тем, что несколько артикуляторно разных звуков получают в ней одинаковую характеристику. Так, [t] и [t'] попадают в одну клетку, а [s, š, t] и [r] никак не различаются ни по месту, ни по способу образования (см.: Larsen, 1948, 14).

Фонетическая классификация Клостер-Енсена упрощена прежде всего за счет отсутствия дробления на типы и подтипы способов образования (Kloster-Jensen, 1969, 36—39). Недостаток фонетической схемы автора данной работы обусловлен, в частности, тем, что универсальная таблица Щербы накладывается на систему звуков конкретного языка, в результате чего принцип универсальности, положенный в основу щербовской классификации, не используется, и тем самым нарушается логичность классификации.

Однако несмотря на недостатки той или иной фонетической системы,¹ все они отражают основные фонетические особенности норвежских согласных, а фонетисты, создавшие эти системы,

¹ Здесь следует отметить, что термин «система» мы встречаем уже у Сторма. Правда, он применяется по отношению к транскрипционным знакам, но мог бы быть применен Стормом с таким же успехом и к самим согласным, так как система знаков у Сторма фактически соответствует системе согласных, обозначенных этими знаками.

преследуют одну цель: выявить то общее, что есть между звуками описываемого языка, и то различие, которое существует между отдельными звуками и группами звуков, не пренебрегая при этом ни многообразием артикуляторных характеристик, ни реальностью фонетических фактов.

Фонетические и фонологические системные описания норвежских согласных имеют ряд сходных черт. Так, если мы сравним звуковой инвентарь фонетических и фонологических систем, то увидим, что фонетисты, так же как фонологи, систематизируют фонемы, а не звуки, с той, правда, разницей, что фонетисты включают в свои системы диалектные фонемы, в то время как фонологи ограничиваются фонемами норвежского литературного языка или создают для диалектных фонем отдельные схемы (Borgstrøm, 1958, 26). Общим у фонологов и фонетистов является также и то, что и те, и другие кладут в основу своих классификаций артикуляторные, фонетические особенности звуков.

От фонетических систематизаций фонологические отличает прежде всего упрощенность, схематизация. Так, в фонологической схеме согласных Хаугена число групп по месту образования уменьшено до четырех за счет того, что в графу «палатоальвеолярные» включены заднеязычные смычные, среднеязычные щелевые и фарингальный щелевой (Haugen, 1965, 41). В фонетических таблицах таких групп для норвежских согласных как правило не меньше пяти. Боргстрём проделывает аналогичную процедуру, уменьшая количество способов образования и мест артикуляции за счет того, что не дифференцирует по способу образования латеральной щелевой и дрожащий и выносит фарингальный щелевой за пределы системы как имеющий нулевое число дифференциальных признаков.² Другой способ организации согласных в систему предлагают Кристиансен и Клостер-Енсен, строящие из норвежских согласных геометрически правильные фигуры (Christiansen, 1946, 22; Kloster-Jensen, 1969, 100). Способ построения таких фигур заключается в том, что они подразумевают наложенную на них фонетическую сетку, в которой каждый звук определен как по месту, так и по способу образования. Те фонемы, которые не имеют фонетических соответствий по ряду или месту (у Кристиансен это /h/, у Клостер-Енсена это /h/ и /r/), выносятся из таблицы и пристраиваются к другим фонемам так, чтобы из всех фонем образовался красивый правильный многоугольник.

Таким образом, все фонологические описания норвежских согласных различаются способами и степенью упрощения реальных фонетических структур, а цель фонологов, систематизирующих согласные фонемы норвежского языка,—дать свою фоно-

² См.: Borgstrøm, 1958, 25. В классификации Боргстрема 4 способа образования, у фонетистов — от 9 до 12.

логическую схему, т. е. свести количество фонетических характеристик фонем к минимуму, а самую схему сделать как можно компактнее и стройнее.³ Такая схема обычно называется системой фонем, а фонетические характеристики, уложенные в нее, — дифференциальными признаками (ДП).⁴ Таким образом, ДП являются как бы фонетическими характеристиками фонем (ФХ). Кажется бы, почему в таком случае фонетические характеристики фонетических систем не назвать дифференциальными признаками, а фонологические (дифференциальные) признаки фонологических систем фонетическими характеристиками фонем? Этого нельзя сделать прежде всего потому, что ДП, как правило, совпадающие с ФХ и по существу (и те и другие есть артикуляторные характеристики фонем) и терминологически, все же отличаются от последних тем, что не соответствуют реальным фонетическим фактам и поэтому в значительной степени произвольны.⁵ Не случайно ДП согласных фонем в норвежском, не имеющих фонетических соответствий по месту и способу образования, варьируют от одной фонологической системы к другой,⁶ между тем как ДП фонем, имеющих фонетические соответствия по месту и способу образования, одинаковы во всех фонологических системах.⁷ Следовательно, ДП отличаются от ФХ степенью своей произвольности, зависящей от степени произвольности применения принципа экономии к фонологическим решениям, а фонологические системы с принципом систематизации, в основе которого лежат ДП, отличаются от фонетических тем, что менее полно и точно отражают артикуляторные особенности систематизируемых фонем.

³ Исключением из этого правила является, пожалуй, классификация Ванвика, представленная в виде таблицы под названием «Согласные фонемы восточнонорвежского литературного языка», в которой согласные фонемы описываются в высшей степени дифференцировано, но эта таблица, по существу, есть фонетическая классификация норвежских согласных.

⁴ Здесь уместно вспомнить точку зрения Стеблин-Каменского, согласно которой представление об обязательной симметрии в фонологических решениях и о «системе», как о чем-то стройном, упорядоченном, играет теперь, скорее, отрицательную роль в развитии нашей науки (см.: Стеблин-Каменский, 1966б, 66). Ср. также высказывание Зиндера о том, что систему фонем того или иного языка «нельзя рассматривать как нечто раз и навсегда данное, а что, наоборот, в ней следует искать противоречивые моменты, нарушающие стройность системы, обуславливающие ее развитие» (Зиндер, 1960, 19).

⁵ Ср., например, лабиальные, смычные, дентальные, назальные у Боргстрёма, Хаугена, Клостер-Енсена, Сельмера, Брока (Borgstrøm, 1958, 25; Haugen, 1965, 41; Kloster-Jensen, 1969, фонетическая таблица; Broch, Selmer, 1930, 24—31).

⁶ Ср., например, ДП и место в системе норвежских согласных фонемы /h/ (Borgstrøm, 1958, 25; Haugen, 1965, 41; Vanvik, 1965, 36).

⁷ Ср., например, ДП фонем (p, t, b, d, m, n) (Borgstrøm, 1958, 25; Haugen, 1965, 41; Vanvik, 1965, 36).

ПРИМЕНЕНИЕ ФОНОЛОГИИ В НОРВЕЖСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Фонемный инвентарь норвежского языка разнится от одного описания к другому. Это в значительной степени обусловлено позицией авторов в отношении фонологического статуса тех или иных звуков. Так, в фонетических работах по норвежскому языку идет полемика по вопросу о том, считать ли разными фонемами огубленные передние гласные среднего подъема [œ] и [ø], один из которых несколько более открытый, чем другой. Некоторые фонологи, например, Хауген, Ванвик,⁸ Клостер-Енсен, Страннскуген полагают, что гласные среднего подъема фонологически не различаются (Haugen, 1965, 40; Vanvik, 1965, 26; Kloster-Jensen, 1969, 101; Strandskogen, 1972, 38). Другие фонологи рассматривают описываемые звуки как функционально разные. Боргстрём различает в восточнорвежском риксмале среди огубленных передних гласных низкую и среднюю фонемы, утверждая, что [ø] и [œ] причисляют к аллофонам одной фонемы на том основании, что низкий [œ] встречается в положении только перед /r/ или альвеолярными, в то время как для высокого [ø] характерна более широкая дистрибуция (все остальные положения) (Borgstrøm, 1958, 29). Согласно Боргстрёму, низкий и высокий передние лабиализованные не всегда находятся в дополнительной дистрибуции и, в частности, [ø] возможно перед морфемой -г (показателем настоящего времени слабых глаголов IV класса). Ср.: /dø:r/ han dør (å dø) и /dœ:r/ en dør, (/hün:en jø:r/ hunden gjør (å gjø) и /hün:en jœ:r/ (å gjøre) (Borgstrøm, 1958, 29).

Вопрос о фонематичности открытого переднего огубленного гласного среднего подъема заключается, видимо, также и в том, следует ли считать разными фонемами звуки, находящиеся, как правило, в дополнительной дистрибуции в разных морфологических условиях и в виде исключения, в сущности, в нескольких словах в одном положении перед фонемой, входящей в состав морфем разного класса. Другими словами, фонологический статус [œ:] и [ø:] обусловлен также морфофонетическими факторами. Кроме того, при определении фонологического статуса указанных звуков можно учитывать функциональную нагрузку противопоставления [ø:] и [œ:], которая в данном случае слишком мала для того, чтобы это могло послужить основанием считать эти гласные разными фонемами.

Вопрос включения обоих звуков в фонемный инвентарь гласных норвежского литературного языка осложняется также и тем, что в произношении молодого поколения долгий огублен-

⁸ В одной из своих последних работ Ванвик утверждает, правда, что в литературном восточнорвежском есть 9 пар гласных (кратких и долгих), не считая /э/, среди которых есть пара: /ø:/ — /ø/ (см.: Vanvik, 1972, 132).

ный открытый передний среднего подъема вытеснен его более закрытым вариантом (Porregerwell, 1963, 36; Marm, Sommerfelt, 1959, 16). Признание этого факта снимает вопрос о противопоставлении [ø:] — [œ:] и, следовательно, вопрос о фонемном статусе этих звуков в литературном норвежском языке в произношении норвежцев определенного возрастного слоя. Кроме того, сам факт слияния указанных звуков перед /г/ и какуминальными говорит в пользу того, что эти звуки функционально не различались.

Проблема фонологического статуса [ø:] и [œ:] осложняется также и тем, что количество в норвежском языке несет смысло-различительную нагрузку и все норвежские гласные входят в корреляцию по долготе — краткости. Таким образом, если согласиться с концепцией, согласно которой долгие /ø/ и /œ/ — фонемы, различающиеся по степени раствора, то следует признать, что долгий и краткий огубленные передние среднего подъема оказываются в одном положении перед фонемой /г/. Следовательно, два звука, идентичные качественно (небольшое различие между ними по степени открытости не принимается во внимание) и дистрибутивно (оба только перед /г/), — тоже две фонемы. Отсюда следует, что и краткий огубленный передний среднего подъема приобретает статус фонемы. Однако вряд ли возможно приписать [œ:] функциональную самостоятельность, так как он находится в дополнительной дистрибуции с более закрытым кратким вариантом и дистрибутивно крайне ограничен.

Если интерпретировать долгие и краткие гласные в норвежском языке как долгие и краткие варианты одной фонемы, то получается, что долгий и краткий огубленные передние среднего подъема находятся в дополнительной дистрибуции (долгий — перед кратким дрожащим, краткий — перед долгим дрожащим), и, следовательно, они варианты одной фонемы, что противоречит исходному положению: /œ:/ — фонема, [œ] — вариант. Отсюда следует, что либо неверно исходное положение, либо неверно, что в норвежском есть корреляция гласных по долготе — краткости, в которой последовательно участвуют все реализации ударных гласных фонем.

Можно однако предположить, что [ø:] или, вернее, долгота этого гласного перед морфемой — показатели настоящего времени слабых глаголов IV класса — является пограничным сигналом предшествующей ей другой морфемы,⁹ другими словами, долгота закрытого огубленного переднего ряда среднего подъема выполняет делимитативную функцию. Возможно и такое толкование особенностей функционирования [ø:] в норвежском: [ø:] перед -г — морфонологическая реализация фонемы /ø/.

⁹ О пограничных сигналах см.: Трубецкой, 1960, 300—302; Мельников, 1960, 262, 268, 271.

Исключительность дистрибуции закрытого огубленного переднего [ø:] перед дрожащим подтверждается также диалектальными данными. Так, в восточнорвежском обычно произношение [dø:r] (наст. вр.) и [hø:r] (мн. число). В обоих случаях [ø:] — перед морфемами, совпадающими по форме с фонемой /г/. Как исключение из общего правила можно рассматривать произношение некоторых слов с долгим закрытым огубленным передним перед /г/, не являющимся ни показателем настоящего времени, ни показателем множественного числа — ср. [fø:gə, spø:gə] — Смоленене, Румерике, Сулёр (Storm, 1908, 163). Как указывает Сторм, для всего восточнорвежского перед дрожащим характерен долгий открытый огубленный гласный переднего ряда среднего подъема (в терминологии Сторма «самый глубокий или самый открытый œ») (Storm, 1908, 163).

Из вышеизложенного следует, что при установлении фонологического статуса гласных или согласных нужно учитывать целый ряд факторов: их место в системе фонем, дистрибутивные особенности, функциональную нагрузку, морфонологические особенности, а также степень включенности в функционирование фонемных систем диалектальных ареалов. Если при определении фонологического статуса рассматриваемого гласного принять во внимание не только противопоставленность двух близкородственных гласных, но также и вышеперечисленные факторы, то следует признать, что открытый огубленный переднего ряда среднего подъема в литературном норвежском — не фонема.

В связи с исследованием фонематического статуса огубленного среднего ряда в литературном восточнорвежском, как уже указывалось выше, встает вопрос о «диалектальных вариантах» этого гласного. Так, восточнорвежскому [ø:] в западных диалектах соответствует еще более закрытый звук в некоторых районах (например, в городском говоре Ставангера), напоминающий датское [ø] и, как пишет Сторм, звучащий для эстланцев как огубленное [i:], т. е. как восточнорвежское [y:] (Storm, 1908, 164). По данным Сторма, для этого гласного, видимо, не типично положение перед морфемой -г. Кристиансен вообще не выделяет этот звук в своих описаниях (Christiansen, 1946, 13, 14), указывая на распространенность в Салте, Хардангере и Гюдбранндалене, а также Эстланне так называемого «открытого ø», произносимого со слабой лабиализацией и не очень напряженного (Christiansen, 1946, 14). Согласно Сторму, этот слабо лабиализованный передний гласный среднего подъема редко бывает долгим, и в тех положениях, где гласный должен быть долгим, встречается звук другого качества, а именно закрытый [ø:] (Storm, 1908, 164). Следовательно, в части норвежских диалектов имеет место противопоставление краткого и долгого огубленных гласных переднего ряда среднего подъема, различающихся степенью раствора и способом лабиализации,

в то время как в риксмале долгий и краткий гласные огублены одинаково.

Для фонологии гласных норвежских диалектов характерно также и то, что передний огубленный гласный среднего подъема кроме закрытого варианта, характерного для большинства положений, имеет еще два открытых (обычно долгих), находящихся в дополнительной дистрибуции (первый перед дрожащим, а второй перед так называемым толстым *l*) и отличающихся друг от друга степенью открытости.¹⁰ Интересно также и то, что разные [œ] регулярно чередуются в разных формах глагола с корневым -г. Ср. /hœ:rə — hœ:rtə; sprœggə — sprœ:rtə/, более открытый вариант в этих глаголах — всегда долгий (Storm, 1908, 165).

Для определения функционирования описываемых звуков безусловный интерес представляют те случаи, когда [œ] краткое встречается не только перед /г/ или какуминальными, но также и в других положениях. Так, в Хели, Эйдсберге, Шиптветте, Рёденесе, Раккестаде, Верхнем Румсдале, Ярлсберге и других провинциях [œ] бывает в позициях перед долгими [d, l, n, g]: [œd:, trœl:, hœn:, çõt:bœl:ə, kœn:, hœg:ə] (Storm, 1908, 118, 121, 125, 164; Larsen, 1948, 25). По всей вероятности, в этих диалектах [œ] является позиционным вариантом краткой фонемы, реализованной в огубленных гласных переднего ряда среднего подъема разной степени раствора.

Анализ диалектального материала показал, что различие между кратким и долгим передними огубленными гласными среднего ряда в восточнонорвежском характеризуется также значительным отличием в качестве гласных: аллофоны долгого гласного во всех положениях, кроме положения перед /г/, более закрытые, чем соответствующие аллофоны кратких. В западных диалектах наблюдается аналогичная картина. Однако степень раствора реализаций соответствующих фонем в западных диалектах не симметрична степени раствора соответствующих фонем в восточнонорвежском. Краткий гласный восточнонорвежского соответствует долговому гласному западнонорвежского ([ö] — [ø:]). Краткий западнонорвежского не встречается в говорах Эстланна (он обычно обозначается как /o/). В тронхеймском диалекте вместо закрытого огубленного переднего среднего подъема [ø] функционирует соответствующий открытый [œ] (Larsen, 1948, 88), дистрибуция которого в восточнонорвежском ограничена положением перед какуминальными и дрожащим.

Различна и дистрибуция гласных в разных диалектах: там, где в Сюннмёре и многих восточных диалектах [ø:], в западных диалектах [u:/ (ср. frjøsə — frjosa); там, где в Валдресе [ø:], в Гюдбраннсдалене [o:] или [u:] (ср. brøt, brøte — bråt, brot);

¹⁰ Об этих гласных см.: Storm, 1908, 164—165; Larsen, 1948, 17, 18.

там, где в Нумедале [ö:], в Сигдале [o:] (ср. pösö(r) — pāsá) (Kolsrud, 1951, 20, 28, 92). Следует заметить, что [ö:] как результат выравнивания появляется в безударном положении, где он может быть противопоставлен другим гласным. Подобная дистрибуция огубленного переднего ряда невозможна в диалектах, где нет выравнивания.

Представляется любопытным также тот факт, что в западно-норвежских диалектах у огубленных передних среднего подъема нет более передних вариантов перед дрожащими.¹¹

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. Сходные огубленные фонемы переднего ряда среднего подъема в западнонорвежских и восточнонорвежских диалектах отличаются качественно (по степени раствора, характеру лабиализации) и дистрибутивно. Указанные гласные фонемы имеют разные аллофоны, причем иногда аллофоны фонемы, которую традиционно считают самой закрытой фонемой, являются более открытыми, чем основной вариант «эквивалентной» фонемы в другом диалектальном ареале. Таким образом, каждую из двух «эквивалентных» фонем двух указанных групп диалектов, с одной стороны, можно назвать «узкой», а с другой — «широкой». Отсюда следует, что сравнение описываемых гласных фонем по степени подъема затруднительно, если исследователю нужно сравнить эти фонемы по соответствующему различительному признаку. Однако в фонематических диалектальных описаниях норвежского языка проводится именно такое сравнение. Так, Хауген описывает две системы норвежских гласных: систему гласных мидланнского и вестланнского и систему эстланнского, где гласные различаются именно по степени подъема (Haugen, 1965, 40). В первом ареале у гласных четыре различительных признака по степени подъема, во втором — три. Действительная картина различия двух систем гласных, видимо, значительно сложнее. Что же касается гласной фонемы /ø/, то ее фонологическое содержание тоже сложнее, чем это представляется фонологам, описывающим его в терминах различительных признаков. Так, открытые варианты /ø/ по степени подъема совпадают с фонемой /æ/, которая, согласно Хаугену, и в западнонорвежском и в восточнонорвежском всегда фонологически ниже /ø/ (Haugen, 1965, 40).

Видимо, систематизация диалектальных фонем, основанная на принципе классификаций фонем по так называемым различительным признакам, не годится для описания диалектных отличий.

¹¹ См. диалектальный материал, изложенный в следующих книгах: Storm, 1908; Larsen, 1948; Christiansen, 1946; Kolsrud, 1951.

ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕКОТОРЫХ НОРВЕЖСКИХ ФОНЕМ

Представляется интересным исследовать возможность установления фонологического содержания некоторых фонем норвежского языка с учетом тех оппозиций, члены которых не обязательно являются близкородственными фонемами, а также проверить возможную сферу действия дифференциальных признаков, установленных для коррелирующих фонем.

Одним из примеров такой оппозиции может послужить противопоставление /b — h/ в норвежском языке, где фарингальный не имеет никаких фонетических соответствий и, следовательно, не может коррелировать ни с одной фонемой данного языка. Таким образом, /h/ не может быть противопоставлен /b/ ни по месту, ни по способу образования, ни по глухости — звонкости, /b/ тоже, соответственно, фонологически не противопоставляется /h/, и в этой оппозиции теряет те свои дифференциальные признаки, которые легко установимы в оппозициях типа /b — p/, /b — d/, /b — g/. Иными словами, в оппозициях /b — h/ и соответственно /h — b/ дифференциальные признаки не выделяемы ни для одной из двух противопоставляемых фонем.

Возможно, однако, что рассмотренный выше случай не является типичным, поскольку антропофоническая сущность /h/ не совсем ясна, и что следует провести процедуру установления дифференциальных признаков для фонемы, не коррелирующей с другими лишь по одному признаку. Такой фонемой в норвежском языке является фонема /s/, не имеющая звонкого соответствия. Обычно считают, что для фонетически глухого /s/ глухость иррелевантна. Делать такой вывод в отношении /s/ только на основании отсутствия коррелирующих фонем значит, в сущности, определять дифференциальный признак на уровне подсистемы и, более того, на уровне только пары фонем. Определение этих фонем как фонологически глухих основывается обычно на той посылке, что в рассматриваемой системе фонем (которая, кстати сказать, еще не есть система в полной мере, пока не установлены все связи между ее членами) есть, например, такие пары, как /t — d/, /k — g/, противопоставленные друг другу только по голосу. Из этой посылки следует далее, что для всех остальных фонем, не могущих образовывать такие пары, голос не релевантен. Следует, однако, принять во внимание тот факт, что сибилант должен противопоставляться не только нулю, но также и всем остальным фонетически звонким согласным (например, /d/ в оппозиции /s — d/). Для определения фонологического содержания /s/ нужно противопоставить эту фонему если не всем звонким консонантным фонемам норвежского языка, то хотя бы одной из них.

Возьмем пару /t — d/ и примем за исходное положение, что фонемы /t/ и /d/ действительно различаются фонологически глу-

хостью — звонкостью подобно целому ряду других пар фонем, а именно, /p — b/, /k — g/, /f — v/, /ç — j/. Если поверить рассуждению, согласно которому глухость иррелевантна для /s/, поскольку у него нет звонкого коррелята, то получается следующая картина: /t/ — смычный, переднеязычный, глухой, /d/ — смычный, переднеязычный, звонкий. Глухость, таким образом, — дифференциальный признак /t/, а звонкость — дифференциальный признак /d/. /s/ — щелевой, переднеязычный, /d/ — смычковый, переднеязычный.

Глухость иррелевантна для /s/, не коррелирующего в норвежском с /z/. Звонкость не может быть релевантной для /d/ в оппозиции /s — d/, так как, если /s/ — фонологически не глухой, то он, естественно, не может противопоставляться по этому признаку ни одной фонеме, в том числе и /d/. Тогда получается, что /d/ и /s/ различаются только по способу образования. Однако в данном случае выходит, что оппозиции /t — s/ и /d — s/ совпадают. Ср: /t/ — смычный, переднеязычный, /s/ — щелевой, переднеязычный, /d/ — смычный, переднеязычный, /s/ — щелевой, переднеязычный. Таким образом, мы можем утверждать, что оппозиция /t — s/ равна оппозиции /d — s/. Это означает, что /t/ и /d/ — тождественные фонемы, что, в свою очередь, противоречит исходному положению (/t/ противопоставлено /d/ по голосу) и является абсурдным утверждением. Все это рассуждение можно перенести на те случаи, когда /s/ будет вступать в оппозиции с фонемами /b, g, v, j/, имеющими соответствующие глухие корреляты.

Абсурдность вывода, неизбежного, однако, для вышеприведенного логического рассуждения, приводит к мысли, что неверна сама посылка «для /s/ иррелевантна глухость». Другими словами, функциональную значимость фонемы, противопоставленной всем фонемам рассматриваемого языка, нельзя устанавливать только по отсутствию коррелята, равно как и только по его наличию. В связи с этим само использование понятий «релевантность» (способность выполнять смыслоразличительную функцию) и «иррелевантность» (неспособность выполнять смыслоразличительную функцию), приписываемых не столько самой звуковой субстанции, сколько ее характеристикам, представляется неоправданным. Как было показано выше, дифференциальные признаки вообще не могут составлять фонологического содержания фонем.

Целью всех вышеизложенных рассуждений было показать изнутри те противоречия, которые существуют в теории дифференциальных признаков фонемы, определяемых исключительно на уровне корреляций, но далеко не всегда работающих даже на этом уровне как функциональные дистинкторы.

Итак, между теоретической посылкой, заключающейся в утверждении, что фонема — член всех противопоставлений, и интерпретацией фонемы только как члена корреляций, суще-

ствует явное противоречие. Аналогичное противоречие существует и между определением фонологического содержания фонемы как совокупности дифференциальных признаков, отличающих ее от других фонем, и методикой определения дифференциальных признаков, основанной на противопоставлении ее только близкородственным фонемам.

Эти противоречия могли бы быть объяснены, в свою очередь, тем, что, с одной стороны, фонема как член всех противопоставлений и дифференциальные признаки как элементы целого, существующие только в противопоставлении, должны быть чисто релятивными понятиями, в то время как фонема, выступающая как пучок постоянно присущих ей признаков, есть абсолютное понятие, сходное с тем, которое имеют в виду, когда говорят о фонеме как о совокупности ее реализаций (см.: Воронкова, 1977).

Однако то, что называют дифференциальными признаками, на самом деле даже и не элементы целого, т. е. не элементы фонемы, а всего лишь свойства ее материальной субстанции, притом не всей субстанции, а лишь какой-то ее части. Сама же процедура выведения дифференциальных признаков — это не что иное, как установление сходств и различий между антропофоническими свойствами тех звуков, в которых фонема реализуется. Эти сходства и различия варьируют в зависимости от оппозиций, создавая иллюзию их функционального тождества с фонемами, проявляющими свои функциональные возможности в оппозициях друг с другом. Было бы неправильно утверждать, что фонема, ее реализации, а также свойства этих реализаций обладают абсолютным тождеством функций. Если фонема обладает прежде всего функцией дискретизации речевого потока, а также функцией конструктивной и смысловоразличительной, то функция ее реализаций (аллофонов) — первичная дискретизация речевого потока, производимая на уровне бинарных оппозиций, в то время как так называемые дифференциальные признаки указывают на различия (и сходства) этих реализаций (аллофонов).

Как было показано на материале норвежского языка, фонема, рассматриваемая в качестве функциональной единицы, не может быть пучком так называемых дифференциальных признаков по целому ряду причин: прежде всего, дифференциальные признаки выделяемы только для некоторых фонем; кроме того, те из них, которые оказываются выделяемыми в оппозициях определенного типа, в других оппозициях не являются дифференцирующими, даже если их так называемая релевантность очевидна; их дифференцирующие свойства устанавливаются вне зависимости от реального функционирования фонем.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
- Аванесов Р. И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. — Известия АН СССР, 1947, т. VI, вып. 3, с. 211—229.
- Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 113—139.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., 1975. 274 с.
- Амирова Т. А., Ольховников Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975. 558 с.
- Арутюнова Н. Д., Климов Г. А., Кубрякова Е. С. Американский структурализм. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с. 177—307.
- Ахманова О. С. Основные направления лингвистического структурализма. М., 1955. 33 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 606 с.
- Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965, с. 434—449.
- Бернштейн С. И. Против идеализма в фонетике. — Известия АН СССР, 1952, т. XI, вып. 6, с. 541—559.
- Бернштейн С. И. Основные положения фонетики. — Вопросы языкознания, 1962, № 5, с. 62—80.
- Блумфильд Л. Язык. М., 1968. 606 с.
- Богородицкий В. А. Гласные без ударения в общерусском языке. Дисс. Казань, 1884. [4] + 144 с. + [2].
- Богородицкий В. А. Заметки по экспериментальной фонетике. Казань, 1896—1907. Вып. 1, 2, 5. 31 с.; 21 с.; [2] + 32 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. II. М., 1963. 380 с.; 388 с.
- Бондарко Л. В. Некоторые замечания по поводу маркированности — немаркированности фонетических противопоставлений. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с. 394—400.
- Бондарко Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка): Автореф. докт. дисс. Л., 1969. 32 с.
- Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. — Вопросы языкознания, 1966, № 1, с. 10—14.
- Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Светозарова Н. Д. Разграничение слов в потоке речи. — Вопросы языкознания, 1968, № 2, с. 68—81.

- Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики. — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 302—333.
- Булыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с. 46—127.
- Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964. 349 с.
- лингвистический кружок. М., 1967, с. 88—94.
- Вессен Э. В. Скандинавские языки. М., 1949. 166 с.
- Воронкова Г. В. Сибиланты в норвежском (синхрония и диахрония): Автореф. канд. дисс. Л., 1966. 16 с.
- Воронкова Г. В. История возникновения шипящего в норвежском языке. — Скандинавский сборник, XIV, Таллин, 1969, с. 133—145.
- Воронкова Г. В. Относительность и абсолютность фонологического содержания фонемы. — Вест. Ленингр. ун-та, 1977, № 8, с. 104—109.
- Воронкова Г. В. О роли скандинавских орфографических работ XVI—XVIII вв. в истории языкознания. — Kalbotuga, XXX (4), 1979, с. 50—54.
- Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И. Фонема — пучок РП? — Вопросы языкознания, 1970, № 6, с. 15—26.
- Востоков А. Х. Грамматика церковнословенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863. [2] + 135 с.
- Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. 486 с.
- Гордина М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с. 172—183.
- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 68—86.
- Ельмслев Л. Язык и речь. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960а, с. 56—66.
- Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960б, с. 49—56.
- Ельмслев Л. Прологомены в теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960в, с. 264—389.
- Ельмслев Л. Понятие управления. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960г, с. 56—66.
- Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956. 635 с.
- Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956. 457 с.
- Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. 334 с.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960. 335 с.
- Зиндер Л. Р. Фонематическая сущность палатализованного «š» в русском языке. — Филологические науки, 1963, № 2, с. 137—142.
- Зиндер Л. Р. Материальная сторона языка и фонема. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970а, с. 372—381.
- Зиндер Л. Р. О «минимальных парах». — В кн.: Язык и человек (публикации отделения структурной и прикладной лингвистики). М., 1970б, с. 105—109.
- Зиндер Л. Р. Фонематический статус аффрикат в современном немецком языке. — В кн.: Экспериментальная фонетика. Вып. 3. Минск, 1971, с. 254—260.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979. 311 с.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965. 191 с.
- Иванов В. В. Теория фонологических различительных признаков. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962, с. 139—172.
- Касевич В. Б. Некоторые логические аспекты понятия фонемы. — Вопросы языкознания, 1971, № 5, с. 49—56.

Кацнельсон С. Д. Фонемы, синдемы и «промежуточные образования». — В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1972, с. 136—142.

Коржинек И. М. К вопросу о языке и речи. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 317—324.

Крейнович Е. А. Нивхский (гиляцкий) язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Т. III, ч. 3. М.; Л., 1934, с. 181—223.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 4+149 с.

Крушевский Н. В. Очерки по языковедению. II. Варшава, 1893.

Кубрякова Е. С. Из истории структурализма. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с. 307—354.

Кузнецов П. С. О фонологической системе сербохорватского языка. — В кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970а, с. 336—354.

Кузнецов П. С. К вопросу о фонологии ударения. — В кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970б, с. 360—367.

Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии. — В кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970в, с. 470—480.

Кузнецов П. С. О дифференциальных признаках. — В кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970г, с. 485—493.

Леонтьев А. А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты. — В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 99—110.

Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965. 154 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960а. 260 с.

Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории Луи Ельмслева». — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960б, с. 437—462.

Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 356—558.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. 326 с.

Матезнус В. Куда мы пришли в языкознании. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, с. 86—91.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. 287 с.

Мельников Г. П. Морфологический строй языка и средства словоразличия. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1960, с. 262—284.

Пазухин Р. В. Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистических проблем. — Вопросы языкознания, 1963, № 5, с. 94—103.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. 437 с.

Панов М. В. О значении морфологического критерия для фонологии. — В кн.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 368—379.

Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977. 286 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 499 с.

Платон. Тезтет. М.; Л., 1936. 191 с.

Плоткин В. Я. О первичной фонологической единице. — В кн.: Грамматические и фонетические исследования по германским языкам. Кишинев, 1977, с. 138—168.

Поливанов Е. Д. Краткая грамматика узбекского языка. Ч. I. Ташкент; Москва, 1926. 80 с.

Постовалова В. И. Фонология. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 120—199.

Потебня А. А. Мысль и язык (извлечения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 117—123.

- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Л., 1935, 131 с.
- Реформатский А. А. К проблеме фонемы и фонологии. — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, т. XI, вып. 5, с. 469—473.
- Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с. 184—199.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. 542 с.
- Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. 527 с.
- Серебряный С. Д. Сочетаемость фонем санскрита. — В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975, с. 105—124.
- Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954. 34 с.
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. 291 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977а, с. 31—274.
- Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977б, с. 302—562.
- Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. 340 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Старшие руны и праскандинавские фонемы. — В кн.: Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966а, с. 25—30.
- Стеблин-Каменский М. И. Система гласных в исландском и ее история. — В кн.: Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966б, с. 55—78.
- Сэпир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934. 222 с.
- Тезисы пражского лингвистического кружка. — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 427—443.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. 371 с.
- Услар П. К. Письма. — В кн.: Этнография Кавказа. Языкознание. II. Тифлис, 1888, с. 1—52.
- Философский словарь. М., 1972. 695 с.
- Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании. — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 290—301.
- Хауген Э. Направления в современном языкознании. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960, с. 244—263.
- Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964. 263 с.
- Чернецов В. М. Мансийский (вогульский) язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Т. I, ч. 1. М., Л., 1937, с. 163—192.
- Чикобава А. С. Проблема языка как предмет языкознания. М., 1959. 179 с.
- Шлейхер А. Немецкий язык (извлечения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 92—98.
- Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и взаимоотношения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 108—116.
- Шерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912; III—XI+I+155 с.: — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 110—125.
- Шерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. I. Пг., 1915. I—XXII+ +194+54 с.
- Шерба Л. В. Фонетика. — БСЭ, т. 58. М., 1936, с. 110.
- Шерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1957. 311 с.

Щерба Л. В., Виноградов В. В. Грамматика русского языка. Введение. Т. I. М., 1960, с. 7—44.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 427 с.

Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962, с. 231—278.

Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962, с. 173—230.

Яковлев Н. Таблицы фонетики кабардинского языка. — В кн.: Труды подразряда исследования северокавказских языков при Институте востоковедения в Москве. Т. I. М., 1923. [4] + 129 с.

Anagnostopulos G. P. Tsakomische Grammatik. — In: Texte und Forschungen zur Byzantinisch-Neugriechischen Philologie. Berlin; Athen, 1926, N 5, S. 75—78.

Andersen P., Hjelmslev L. Fonetik. København, 1961.

Anderson S. R. The organization of phonology. New York, 1974.

Armstrong L. E., Pe Maung Tin. A Burmese phonetic reader. London, 1925.

Assai E. A study of Yami language, an Indonesian language spoken on Botal Tabago Island. Leiden, 1935.

Beach D. M. Phonetics of the Hottentot language. Cambridge, 1938.

Benediktsson H. The first grammatical treatise. Reykjavík, 1972.

Bierwisch M. Skizze der generativen Phonologie. — In: Studia Grammatica. VI. Berlin, 1967, S. 7—34.

Bloch B. A set of postulates for phonemic analysis. — Language, 1948, vol. 24, N 1, p. 3—46.

Bloch B. Studies in colloquial Japanese. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958, p. 329—349.

Bloch B. Contrast. — In: Phonological theory, evolution and current practice. New York, 1972, p. 224—225.

Bloomfield L. Language. New York, 1933.

Bloomfield L. Menomini morphonemics. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. VIII. 1939, p. 105—115.

Bloomfield L. A set of postulates for the science of language. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958, p. 26—31.

Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Berlin e. a., 1857—1861.

Borgström C. Hj. The dialects of the Outer Hebrides. Oslo, 1940.

Borgström C. Hj. Innføring i sprogvidenskap. Oslo, 1958.

Broch O., Selmer E. W. Håndbok i elementær fonetikk. Oslo, 1930.

Bühler K. Phonetik und Phonologie. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. IV. 1931, p. 22—53.

Carnochan J. Igbo. — Lingua, 1966, vol. 17, N 1/2, p. 1—23.

Chafe W. L. The ordering of phonological rules. — In: Project on linguistic analysis. 2. Reports. Phonological laboratory. Department of linguistics. University of California. Berkeley, 1967.

Chao Y. R. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. — Bulletin of the Institute of history and philology. Academia Sinica. 1934, vol. IV, pt. 4, p. 363—397; — Readings in linguistics. I. New York, 1958, p. 38—55.

Chatterjee S. K. Recursives in New-Indo-Aryan. Lahore, 1936.

Chomsky N. Syntactic structures. s'Gravenhage, 1957.

Chomsky N. Current issues in linguistic theory. The Hague, 1964.

Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965.

Chomsky N. Some general properties of phonological rules. — In: Phonological theory, evolution and current practice. New York, 1972, p. 529—548.

Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. New York, 1968.

- Chomsky N., Halle M. Some controversial questions in phonological theory. — In: *Phonological theory, evolution and current practice*. New York, 1972, p. 457—485.
- Christiansen H. *Norske dialekter*. I. Oslo, 1946.
- Contreas H. Simplicity, descriptive adequacy and binary features. — *Language*, 1969, vol. 45, N 1, p. 1—8.
- Delbrück B. *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*. Leipzig, 1919.
- Dineen F. P. *An introduction to general linguistics*. New York e. a., 1967.
- Doke C. I. M. The phonetics of Zulu language. — In: *Bantu studies*, 1926, vol. 11.
- Doke C. I. M. *A comparative study in Shona phonetics*. Johannesburg, 1931.
- Ebelling C. L. *Linguistic units*. Amsterdam, 1960.
- Fant G., Lindblom B. *Studies of minimal speech and sound units*. Speech transmission laboratory. Quarterly progress report 2: 1—11. Royal institute of technology. Stockholm, 1961.
- Firth J. R. Notes on the transcription of Burmese. — In: *Bulletin of the school of Oriental studies*, 1933, VII, p. 137—140.
- Firth J. R. Phonological features of some Indian languages. In: *Proceedings of the 2nd International congress of phonetic sciences*. Cambridge, 1936, p. 176—182.
- Firth J. R. The use and distribution of certain English sounds. — In: *Papers in linguistics*. London; New York; Toronto, 1957a, p. 34—47.
- Firth J. R. The semantic of linguistic science. — In: *Papers in linguistics*. London; New York; Toronto, 1957b, p. 139—148.
- Firth J. R. General linguistics and descriptive grammar. — In: *Papers in linguistics*. London; New York; Toronto, 1957c, p. 216—228.
- Firth J. R. Sounds and prosodies. — In: *Papers in linguistics*. London; New York; Toronto, 1957d, p. 121—139.
- Fischer-Jørgensen E. Form and substance in glossematics. — *Acta linguistica (Hafniensia)*, 1966, X, p. 1—33.
- Fischer-Jørgensen E. *Trends in phonological theory*. Copenhagen, 1975.
- Fudge E. C. The nature of phonological primes. — In: *Phonological theory, evolution and current practice*. New York, 1972, p. 500—521.
- Gardiner A. The distinction of «speech» and «language». — In: *Atti del III Congresso internazionale dei linguisti*. Firenze, 1935, p. 345—354.
- Gardiner A. *The theory of speech and language*. Oxford, 1951.
- Gleason H. A., jr. The organization of language: a stratificational view. — In: *Monograph series on languages and linguistics*. 17. Georgetown University, 1964, p. 75—95.
- Grammont M. *Traité de phonétique*. Paris, 1939.
- Grammont M. *La néophonologie*. — *Français moderne*, 1938, N 6, p. 205—211.
- Groot A. W. de. Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaft. — In: *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931, p. 116—147.
- Gutzman H. *Psychologie der Stimme und Sprache*. Braunschweig, 1909.
- Halle M. In defense of the number two. — In: *Studies presented to J. Whatmough*. s'Gravenhage, 1957, p. 65—72.
- Halle M. Phonology in generative grammar. — In: *Phonological theory, evolution and current practice*. New York, 1972, p. 380—392.
- Halle M. On the bases of phonology. — In: *Phonological theory, evolution and current practice*. New York, 1972, p. 393—400.
- Harms R. *Introduction in phonological theory*. New Jersey, 1968.
- Harris Z. S. Navaho phonology and Hoijer's analysis. — *International journal of American linguistics*, 1945, 11, p. 239—246.
- Harris Z. S. *Methods in structural linguistics*. Chicago, 1951.

- Harris Z. S. Morpheme alternants in linguistic analysis. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958a, p. 109—116.
- Harris Z. S. Simultaneous components in phonology. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958b, p. 124—138.
- Hartman L. M. The segmental phonemes of the Peiping dialect. — *Language*, 1944, vol. 20, p. 28—42.
- Haugen E. Norsk-engelsk ordbok. Introduction. Oslo; Madison, 1965, p. 13—45.
- Helmholz H. Die Lehre von den Tonempfindungen. Braunschweig, 1896.
- Henderson E. J. A. The phonology of loanwords in some South-East Asian languages. — In: Prosodic analysis. London, 1970, p. 54—81.
- Heny F. W. Non-binary phonological features. — In: University of California. Working papers in phonetics. 7. Los Angeles, 1967, p. 91—120.
- Hill A. A. Phonetic and phonemic change. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958, p. 81—84.
- Hjelmslev L. On the principles of phonematics. — In: Proceedings of the 2nd International congress of phonetic sciences. Cambridge, 1936, p. 49—54.
- Hjelmslev L. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. København, 1943.
- Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953.
- Hjelmslev L. Le système d'expression du français moderne. — In: Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague. 1941—1966. 1970, p. 217—224.
- Hockett Ch. F. Two fundamental problems in phonemics. — *Studies in linguistics*, 1949, vol. 7, p. 29—51.
- Hockett Ch. F. A manual of phonology. Baltimore, 1955.
- Hockett Ch. F. A course in modern linguistics. New York, 1958.
- Hockett Ch. F. A system of descriptive phonology. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958a, p. 97—108.
- Hockett Ch. F. Peiping phonology. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958b, p. 217—229.
- Hockett Ch. F. Linguistic elements and their relations. — *Language*, 1961, vol. 37, N 1, p. 29—54.
- Horálek K. These k Československé diskusi o fonologii. — *Slovo a slovesnost*, 1954, 15, s. 33—35.
- Householder F. W. On some recent claims in phonological theory. — *Journal of linguistics*, 1965, vol. 1, N 1, p. 13—34.
- Hyman L. M. How concrete is phonology. — *Language*, 1970, vol. 46, N 1, p. 58—77.
- Jakobson R. Prinzipien der historischen Phonologie. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931a, p. 247—267.
- Jakobson R. Über die phonologischen Sprachbünde. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931b, p. 234—240.
- Jakobson R. Fonéma. — In: *Ottův slovník naučný nové doby*. II, 1. Praha, 1932, p. 608.
- Jakobson R., Trubetzkoy N. S., Vachek J. Dutch linguistics and the Prague linguistic school. Leiden, 1968.
- Jespersen O. Fonetik. København, 1897—1899.
- Jespersen O. Phonetische Grundfragen. Leipzig; Berlin, 1904.
- Jones D. The problem of a national script for India. Lucknow, 1942.
- Jones D. The phonetic aspect of spelling reform. London, 1944.
- Jones D. An outline of English phonetics. Leipzig; Cambridge, 1948.
- Jones D. The phoneme: Its nature and use. Cambridge, 1950.
- Jones D. The history and meaning of the term «phoneme». Supplement to *Le maître phonétique*. London, 1957, p. 1—20.
- Jones D., Kwing Tong Woo. Cantonese phonetic reader. London, 1912.
- Jones D., Plaatje S. T. A Sechuana reader. London, 1916.
- Karcevskij S. Sur la phonologie de la phrase. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931, p. 188—227.

- Kloster-Jensen M. Språkklydlære. Bergen, Oslo, 1969.
- Kloster-Jensen M. Språkklydlære for spesialpedagoger. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976.
- Kolsrud S. Nynorsken i sine målføre. Oslo, 1951.
- Ladefoged P. The phonetic framework of generative phonology — In: Working papers in phonetics. 14. University of California. Los Angeles, 1970, p. 25—32.
- Ladefoged P. Preliminaries to linguistic phonetics. Chicago; London, 1971.
- Lamb S. M. Prolegomena to a theory of phonology. — Language, 1966, vol. 42, N 2, p. 536—574.
- Lamb S. M. On alternation, transformation, realization and stratification. — In: Phonological theory, evolution and current practice. New York, 1972, p. 595—605.
- Larsen A. B. Oversigt over de norske bygdemål. Oslo, 1948.
- Lockwood D. Introduction to stratificational linguistics. New York, 1972.
- Lowmann G. S. The phonetics of Albanian. — Language, 1932, vol. VIII, p. 271—293.
- Lundell J. A. Det svenska landsmålsalfabetet. Tillika en öfversikt af språkljudens förekomst inom svenska mål. Nyare hidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklif. I. Stockholm, 1879.
- Malmberg B. La phonétique. Paris, 1954.
- Malmberg B. Minimal systems, potential descriptions and phonological structures. — In: Proceedings of the 9th International congress of linguistics. The Hague, 1962, p. 27—31.
- Marm I., Sommerfielt A. Teach yourself Norwegian. London, 1959.
- Martinet A. La phonologie synchronique et diachronique. — In: Revue des cours et conférences. 40, 1939, p. 323—340.
- Martinet A. Phonology as functional phonetics. — In: Publications of the philological society. London, 1949, p. 1—27.
- Matthews W. K. Phonetics and phonemics in retrospect. — Lingua, 1958, vol. VII, N 3, p. 254—259.
- McCawley J. D. The phonological component of a grammar of Japanese. The Hague, 1968.
- Menzerath P., Lacerda A. de. Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung. Berlin; Bonn, 1933.
- Noreen A. Vårt språk. Lund, 1903—1907.
- Osthoff H., Brugman K. Morfologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Bd. I—IV. Leipzig, 1878.
- Palmer F. R. Linguistic hierarchy. — Lingua, 1958, vol. VII, N 3, p. 225—241.
- Palmer H. E. The principles of romanization. Tokyo, 1931.
- Panconcelli-Calzia G. Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft. Berlin, 1924.
- Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1886.
- Pétursson M. Drög að hljóðkerfisfræði. Reykjavík, 1978.
- Pike K. L. A reconstruction of phonetic theory. University of Michigan, 1941.
- Pike K. L. Phonemics: a technique for reducing languages to writing. Ann Arbor, 1947.
- Pike K. L. Language in relation to a unified theory of human behaviour. Pt. II. Glendale, California, 1955.
- Pike K. L., Pike E. V. Immediate constituents of Mazateco syllables. — International journal of American linguistics, 1947, vol. XIII, N 3, p. 78—91.
- Pilch H. Phonetics, phonemics and metaphonemics. — In: Proceedings of the 9th International congress of linguistics. Cambridge, Mass., 1962, p. 900—904.
- Pilch H. Phonemtheorie. Basel; New York, 1964.

- Pipping H. Über die Theorie der Vokale. — *Acta Societatis scientiarum Fennicae*, t. XX, N 11, Helsingfors, 1895.
- Plotkin V. Y. The kinakeme as the ultimate unit of language. — *Kwartalnik neofilologiczny*, 1978, XXV, N 3, p. 275—288.
- Polivanov E. D. La perception des sons d'une langue étrangère. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931, p. 79—96.
- Popperwell R. G. The pronunciation of Norwegian. Oslo, 1963.
- Postal P. M. Aspects of phonological theory. New York, 1968.
- Projet d'une terminologie phonologique standardisée. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. IV. 1931, p. 309—323.
- Pulgram E. A proposal: allophoneme, allomorpheme. — *General linguistics*, 1961, vol. V, N 2, p. 72—75.
- Rask R. Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse. Kjøbenhavn, 1818.
- Ravila P. Das Quantitätssystem des seelapischen Dialects von Maattivuono. Helsinki, 1932.
- Rischel J. Phoneme, grapheme and the «importance» of distinctions. Functional aspects of the Scandinavian runic reform. — *Interim report N 1. Forskningsgruppen för kvantitativ lingvistik*. 260. Stockholm, 1966—1967, p. 1—21.
- Robins R. H. The phonology of the nasalized verbal forms in Sundanese. — *Bulletin of the school of Oriental and African studies*, 1953, XV, N 1.
- Sampson G. Stratificational grammar. The Hague, 1970.
- Sapir E. Language. New York, 1921.
- Sapir E. The Takelma language of South-Western Oregon. — In: Boas F. *Handbook of American Indian languages*. Washington, 1922, pt. 2, p. 1—297.
- Sapir E. La réalité psychologique des phonèmes. — *Journal de psychologie*, 1933, XXX, N 1—4, p. 247—265.
- Sapir E. Sound patterns in language. — In: *Readings in linguistics*. I. New York, 1958, p. 19—25.
- Schane S. A. La phonologie générative. Paris, 1967.
- Schane S. A. Natural rules in phonology. — *Linguistic change and linguistic theory*. 1972, p. 199—229.
- Schane S. A. *Generative phonology*. New Jersey, 1973.
- Scott N. C. A phonological analysis of the Szechuanese monosyllable. — *Bulletin of the school of Oriental and African studies*, 1956, XVIII, N 3.
- Scripture E. W. The elements of experimental phonetics. New York; London, 1902.
- Sivertsen E. *Fonologi*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976.
- Skårup P. Om analysen af det færøske udtrykssystem. — *Acta philologica Scandinavica*, 1960, 25, p. 70—78.
- Spang-Hanssen H. *Glossematics*. — In: *Trends in European and American linguistics*. Cambridge, Mass., 1962, p. 129—164.
- Steblin-Kamenskij M. I. Neutralization, the word and the thing. — *Philologica Pragensia*, 1968, vol. XI, N 1, p. 29—32.
- Stockwell R. P., Barrit C. Scribal practice: some assumptions. — *Language*, 1961, vol. 37, N 1, p. 45—83.
- Storm J. *Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken*. — *Norvegia*, 1908 bd. 1, s. 1—179.
- Strandskogen A.-B. *Kontrastiv fonetisk analyse for norsk og engelsk (hovedoppgave)*. Oslo, 1972.
- Sturtevant E. H. *An introduction to linguistic science*. New Haven, 1947.
- Swadesh M. Phonemic contrasts. — *American speech*, 1936, vol. 11, p. 298—307.
- Swadesh M. The phonemic principle. — In: *Readings in linguistics*. I. New York, 1958, p. 32—38.
- Swadesh M., Voegelin C. F. A problem in phonological alternation. — In: *Readings in linguistics*. I. New York, 1958, p. 88—93.

- Sweet H. Handbook of phonetics. Oxford, 1877.
- Trager G. L. The field of linguistics. — In: Studies in linguistics. Occasional papers. I. Norman (Oklahoma), 1949.
- Trager G. L., Smith H. L. An outline of English structure. — In: Studies in linguistics. Occasional papers 3. Norman (Oklahoma), 1951.
- Trnka B. On the combinatory variants and neutralization of phonemes. — In: Proceedings of the 3rd International congress of phonetic sciences. Ghent, 1939.
- Trnka B. O současném stavu bádání ve fonologii. — Slovo a slovesnost, 1940, 6, p. 164—167.
- Trofimov M. V., Jones D. The pronunciation of Russian. Cambridge, 1923.
- Trubetzkoy N. S. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. I. 1929, p. 36—67.
- Trubetzkoy N. S. Phonologie und Sprachgeographie. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. IV. 1931a, p. 228—234.
- Trubetzkoy N. S. Die phonologischen Systeme. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. IV. 1931b, p. 96—116.
- Trubeckoj N. S. La phonologie actuelle. — Journal de psychologie normale et pathologique, 1933, 30, p. 227—246.
- Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939.
- Twaddell W. F. Stetson's model and «suprasegmental phonemes». — Language, 1953, vol. 29, N 24, p. 415—454.
- Twaddell W. F. On defining the phoneme. — In: Readings in linguistics. I. New York, 1958, p. 55—80.
- Ułaszyn H. Laut. Phonema. Morphema. — Travaux du Cercle linguistique de Prague. IV. 1931, p. 53—61.
- Uldall H. J. The phonematics of Danish. — In: Proceedings of the 2nd International congress of phonetic sciences. Cambridge, 1936, p. 54—57.
- Uldall H. J. General theory. — In: Outline of glossematics. A study in the methodology of the humanities with special reference to linguistics. Pt. I. Copenhagen, 1957, p. 1—35.
- Vachek J. The linguistic school of Prague. Bloomington; London, 1966.
- Vanvik A. Kort innføring i fonetikk. Oslo, 1965.
- Vanvik A. A phonetic-phonemic analysis of standard Eastern Norwegian. — Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1972, vol. 26, N 2, s. 120—164.
- Vanvik A. Norsk fonetikk. Lydlæren i standard østnorsk supplert med materiale fra dialektene. Oslo, 1979.
- Voegelin C. F. Methods for typologizing directly and by distinctive features. — In: Studia gratulatoria. Amsterdam, 1962, p. 469—487.
- Voegelin C. F., Harris Z. S. Methods for determining intelligibility among dialects of natural languages. — In: Proceedings of the American philosophical society, 1951, 95, p. 322—329.
- Voronkova G. Hvislelyder i norsk. — Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1969, vol. XXIII, s. 114—127.
- Voronkova G. V., Steblin-Kamenskij M. I. The phoneme — a bundle of DF? — Linguistics, 1975, 146, p. 73—89.
- Wang W. S.-Y. Vowel features, paired variables and the English vowel shift. — Language, 1968, vol. 44, N 4, p. 695—708.
- Waterson N., Robins R. H. Some aspects of the phonology of the nominal forms of the Turkish word. — Bulletin of the school of Oriental and African studies, 1956, XVIII, N 3.
- Whorf B. L. Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Mass.; New York, 1956.
- Wijk N. van. Phonologie. The Hague, 1939.
- Winteler J. Die Kerenzer Mundart des Canton Glarus. Leipzig, 1876.
- Zwirner E. Phonologie und Phonetik. — Acta linguistica (Hafniensia). I. 1939, p. 29—47.

	стр.
Предисловие	3
Фонема	
Лингвистическая и материальная реальность фонемы	5
Аллофоны	40
Дифференциальные признаки	53
Основные направления фонологии	
Доструктуральная фонетика	73
Пражский структурализм	76
Американский структурализм	81
Просодическая школа	88
Генеративная фонология	91
Стратификационная фонология	96
Московская фонологическая школа	102
Ленинградская фонетическая школа	105
Английская фонетическая школа	107
Копенгагенский структурализм	109
Проблемы норвежской фонологии	
Фонетические и фонологические классификации в норвежском языке	114
Применение фонологии в норвежской диалектологии	118
Фонологическое содержание некоторых норвежских фонем	123
Цитированная литература	126

ИБ № 1284

Воронкова Галина Васильевна

Проблемы фонологии

Редактор В. Н. Немнонова

Техн. редактор А. В. Борщева

Корректоры Н. М. Каплинская, А. С. Качинская

Сдано в набор 07.01.81.

Подписано в печать 03.09.81.

М-13000

Гарнитура литературная.

Печать высокая.

Бумага типографская № 1.

Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 8,5.

Уч.-изд. л. 9,57.

Заказ 21.

Тираж 2000 экз.

Цена 90 коп.

Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова.
199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.